

Рожденный в синий день

Мемуары человека с синдромом Аспергера
и удивительным умом

Дэниел Таммет

Перевод: М. Чубарова

Содержание

Благодарности.....	3
Предисловие доктора Дарольда Трефферта.....	3
Предисловие профессора Саймона Барон-Козна.....	5
1 Синие девятки и красные слова.....	6
2 Ранние годы.....	12
3 Удар молнии: эпилепсия.....	20
4 Школьные дни.....	28
5 Одиночка.....	41
6 Взросление.....	49
7 Билет до Каунаса.....	59
8 Я влюбился.....	71
9 Дар к языкам.....	80
10 Число «пи».....	87
11 Встреча с Кимом Пиком.....	94
12 Рейкьявик – Нью-Йорк – дом.....	102

*Моим родителям
за то, что помогли мне стать тем, кто я есть сейчас,
и Нилу
за то, что всегда остается рядом*

Благодарности

Я хотел бы поблагодарить людей, без которых появление этой книги было бы невозможно:

моих родителей, Дженнифер и Кевина, за их любовь и терпение и за все, чему они меня научили;

моих братьев Ли, Стивена, и Пола, а также моих сестер Клэр, Марию, Наташу, Анну-Мари и Шелли за их любовь и понимание;

Рехана Каюма – моего лучшего друга со школьных дней;

Эльфриду Коркхилл – мою любимую школьную учительницу;

Иана и Элейн Мур, Иана и Ану Уильямс, Олли и Эш Джеффри – моих ближайших друзей;

Бируту Зилене – о которой я думаю всегда, когда вспоминаю время, проведенное в Литве;

Сигридур Кристиндоттир – мою преподавательницу исландского;

Сьюзи Серафин-Кимел и Жулиана Шомона – за помощь с сайтом optimnem.co.uk;

Мартина, Стива, Тоби, Дэна и Николая – съемочную команду документального фильма “Brainman”;

Эндрю Лоуни, моего литературного агента, а также Ровену Уэбб, Хелен Койл и Керри Худ из издательства “Hodder” за их помощь и советы по поводу книги;

и, наконец, моего партнера Нила, за то, что остается собой.

Предисловие доктора Дарольда Трефферта

Это небольшая книга об очень большом уме. Однако, эта книга не только об уме Дэниела Таммета, но и о его мире. И то, и другое достойны того, чтобы познакомиться с ними ближе.

Дэниел обладает феноменальными способностями в том, что касается чисел. Если вы попросите его возвести 37 в четвертую степень, он почти мгновенно даст ответ: 1 874 161. Если попросите его поделить 13 на 97, он вычислит результат с точностью более ста знаков после запятой, если вы того захотите. Обычному калькулятору с ним не сравниться – чтобы проверить, прав ли он, необходим компьютер. А он, конечно же, прав. Кроме того, он способен выучить новый язык, включая грамматику, падежи и понимание на слух, всего за одну неделю. Документальный фильм “Brainman”, премьера которого состоялась в Великобритании в 2005 году, демонстрирует, как за недельный срок Дэниел овладел исландским, и кульминацией этого

стало телеинтервью в прямом эфире, где он непринужденно общался на только что выученном языке с исландскими ведущими.

Для меня особый интерес представляют не только выдающиеся таланты Дэниела, но и его умение описывать, как он это делает. Рассказы савантов от первого лица чрезвычайно редки, можно сказать, их практически нет. Большинство книг о примечательных способностях человека написаны не обладателями этих способностей, а другими людьми. Уникальность же Дэниела в том, что он исключительно детально рассказывает, как работает его ум. Этот рассказ, наравне с нейропсихологическими исследованиями, которые уже проводятся, дает редкую возможность более полно изучить сложный вопрос: «Как саванты это делают?»

Но интересно не только это. Синестезия Дэниела, которую он описывает столь ярко, уникальна тем, что в его представлении отдельные числа (каждое вплоть до 10 000) имеют не только цвет, но также и форму, цвет, фактуру, движение и иногда даже эмоциональную окраску. Производя свои вычисления, он буквально «видит» ответ у себя в голове – не как последовательность цифр, будто номер в телефонном справочнике, а как сочетание этих форм, цветов и образов, слившихся в новый образ, новую форму и новый цвет.

Дэниел пишет, что его синестезия возникла после приступов эпилепсии, перенесенных в детстве. На мой взгляд, это позволяет отнести его савантизм к категории «приобретенного» – то есть, к тем случаям, когда люди развивают савантические способности, иногда граничащие с гениальностью, в результате травмы, расстройства или заболевания центральной нервной системы. «Приобретенный» савантизм поднимает важный вопрос о скрытом потенциале, который, возможно, дремлет в каждом из нас, и о том, как высвободить этот потенциал без травматических воздействий. Дэниел охотно участвует в исследованиях, и более тщательное изучение его способностей может приблизить нас к возможности пробудить маленького «человека дождя», который, быть может, существует в каждом из нас.

Дэниелу также поставлен диагноз высокофункционального аутизма, или синдрома Аспергера, о чем он открыто пишет. В отличие детских лет, когда он демонстрировал симптомы и особенности поведения весьма явно, его нынешний очень высокий уровень адаптации подтверждает его наблюдение о том, что он частично «вырос» из своего аутизма. Такой прогресс с возрастом действительно случается у некоторых аутичных людей. Это пробудило в Дэниеле горячее стремление – стать источником вдохновения для других людей, страдающих эпилепсией или синдромом Аспергера, и показать на собственном примере, что подобные расстройства вовсе не обязаны мешать потенциалу и общему развитию. Дэниел хочет сделать мир более дружественным местом для людей с такими проблемами, и в этом его нельзя не поддержать.

Впервые я познакомился с Дэниелом в Милуоки, в Музее искусств с его грандиозной архитектурой, яркими красками и выразительными образами. Это было идеальное место для встречи. Возвышающаяся над нами скульптура, состоящая из множества стеклянных фрагментов всех форм, размеров и цветов, помогла мне более четко представить

хотя бы часть тех живых образов, которые Дэниел описывал мне на словах.

В личном общении Дэниел приятен, вежлив и скромен. Мягким и негромким голосом он очень ясно излагает собственные мысли. Эти же черты заметны и в его книге. В его планы входит и дальше помогать благотворительным организациям, таким, как Национальное общество аутизма и Национальное общество эпилепсии. Будучи знаменитостью, он имеет возможность донести эту достойную восхищения цель до публики по всему миру. Также он намерен продолжать сотрудничать с учеными, чтобы более тщательно исследовать свои способности. Кроме того, он хотел бы развивать альтернативные способы обучения, в частности, визуальные, что зачастую очень важно для людей с расстройствами аутистического спектра.

В том, что касается самых личных сторон жизни, его цели близки большинству из нас – укреплять отношения со своей семьей, близкими и друзьями. Он хочет искать и ценить те редкие, но драгоценные моменты мира и покоя, которые он описывает в завершающих абзацах книги. Он называет эти моменты возможностью заглянуть в рай.

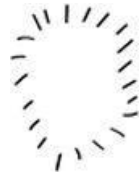
Дэниел называет числа своими друзьями. По всей видимости, в раннем детстве они действительно были его единственными друзьями. Но теперь Дэниел ищет и находит новых друзей буквально по всему миру. И эта дружба взаимна. Его открытость, доброта и искренность способны вызвать чувство – по крайней мере, вызвали у меня – что тот, кто прочел эту книгу, тоже обрел нового друга.

*Д-р Дарольд А. Трефферт,
научный консультант фильма «Человек дождя»*

Предисловие профессора Саймона Барон-Козна

Насколько редка синестезия? Она проявляется менее чем у 1% населения. А насколько редок аутизм? Опять же, менее 1% людей имеют это расстройство. В Дэниеле Таммете эти особенности соединились, и если предположить, что они независимы друг от друга, то вероятность, что у одного человека будет и аутизм, и синестезия, исчезающе мала – около 1 из 10 000. В своей дебютной книге Дэниел увлекательно описывает историю своей жизни: от детских лет, когда он постоянно ощущал себя изгоем, до взрослого возраста, когда он, помимо многих других выдающихся достижений, установил британский и европейский рекорд, запомнив математическую константу «пи» до 22 514 знаков после запятой. Среди других его талантов – стремительное освоение иностранных языков и даже создание собственного языка. Являются ли его способности результатом соединения двух редких синдромов в одном человеке? Синестезия дает ему богатую многогранную форму памяти, а аутизм привносит высокую сосредоточенность на числах и синтаксических закономерностях. Как результат, на свет появилась книга, которая описывает историю жизни одновременно примечательную и вдохновляющую.

*Саймон Барон-Козн
Директор Центра исследования аутизма
Кембриджский университет*

Синие девятки и красные слова

Я родился 31 января 1979 года, в среду. Я знаю, что тогда была среда, потому что эта дата окрашена для меня в синий цвет, а среды всегда синие – так же, как девятки или звук громко спорящих голосов. Мне нравится дата моего рождения. Почти все составляющие ее числа видятся мне гладкими и округлыми, как галька на пляже. Дело в том, что это простые числа: 31, 19, 197, 97, 79 и 1979. Они делятся только на единицу и на самих себя. Я могу распознать любое простое число вплоть до 9973 по его округлой форме. Так устроен мой мозг.

У меня имеется редкое расстройство, которое называется синдромом саванта. О нем мало кто слышал до тех пор, пока в 1988 году не вышел оscarоносный фильм «Человек дождя» с Дастином Хоффманом. Как и персонаж Хоффмана, Рэймонд Бэббит, я испытываю навязчивую потребность в строгом распорядке и правилах, которые касаются буквально любого аспекта моей жизни. К примеру, каждое утро я съедаю ровно 45 граммов овсянки на завтрак; для верности я взвешиваю тарелку на электронных весах. Перед тем, как выйти из дома, я пересчитываю, сколько предметов одежды на мне надето. Я начинаю нервничать, если мне не удастся выпить чашку чая в строго определенное время. Когда я слишком возбужден и мне становится трудно дышать, я закрываю глаза и считаю. Мысли о числах меня успокаивают.

Числа – мои друзья, они со мной повсюду. Каждое из них уникально и имеет свой характер. Одиннадцать – приветливое, пять – громкое, четыре – тихое и застенчивое. Я люблю четверку, возможно, потому что она похожа на меня. Есть большие числа – 23, 667, 1179, а есть маленькие – 6, 13, 581. Есть красивые, например, 333, а есть уродливые, например, 289. Для меня каждое число особенное.

Куда бы я ни шел и что бы я ни делал, числа никогда не покидают моих мыслей. Когда я был в Нью-Йорке на ток-шоу Дэвида Леттермана, я сказал Дэвиду, что он похож на число 117 – такой же длинный и худой. Позже, оказавшись на площади Таймс-Сквер, я смотрел на высоченные небоскребы и чувствовал себя окруженным девятками – именно это число больше всего ассоциируется у меня с ощущением грандиозности.

Ученые называют мое визуально-эмоциональное восприятие чисел синестезией – редкой особенностью, когда каналы восприятия словно смешиваются между собой, что часто приводит к способности видеть буквы и/или числа в цвете. Моя синестезия необычного и сложного типа: число для меня обладает формой, цветом, текстурой или движением. Например, единица – это яркая белая вспышка, словно кто-

то светит фонариком мне прямо в глаза. Пятерка – раскат грома или звук волн, разбивающихся о скалы. Тридцать семь – комковатое, как овсяная каша, а восемьдесят девять напоминает о падающем снеге.

37

89

Вероятно, самый известный случай синестезии был описан в 20-х годах XX века. Русский психолог А. Р. Лурия в течение 30 лет наблюдал журналиста по фамилии Шерешевский, обладавшего исключительной памятью. Ш., как Лурия называл его в заметках к своей книге «Ум мнемониста», обладал сильной визуальной памятью, которая позволяла ему «видеть» слова и числа в разных цветах и формах. Ш. был способен запомнить матрицу из 50-ти чисел, изучив ее в течение трех минут, причем мог воспроизвести ее как сразу после запоминания, так и много лет спустя. Лурия полагал, что в основе выдающейся кратковременной и долговременной памяти Шерешевского лежат его особенности синестета.

Пользуясь собственной синестезией с раннего детства, я развил способность мысленно оперировать огромными числами, не прилагая к этому осознанных усилий – так же, Рэймонд Бэббит в фильме. На самом деле, таким умением обладают и другие реальные саванты (иногда их называют «моментальными калькуляторами»). Доктор Дарольд Трефферт, врач из Висконсина и ведущий исследователь синдрома саванта, в своей книге «Исключительные люди»¹ приводит пример слепого человека, чьи «способности к вычислению граничат с чудом».

«Ему дали следующую задачу: есть 64 коробки с зерном; в первой коробке лежит 1 зернышко, во второй – 2, в третьей – 4, в четвертой – 8 и так далее. Затем его попросили назвать, сколько зерен будет в той или иной коробке. Он мгновенно дал ответы для коробок под номерами четырнадцать (8192), восемнадцать (131 072) и двадцать четыре (8 388 608). За шесть секунд он сообщил ответ для сорок восьмой коробки (140 737 488 355 328), а за сорок пять секунд верно вычислил общее количество зерен во всех 64 коробках (18 446 744 073 709 551 616)».

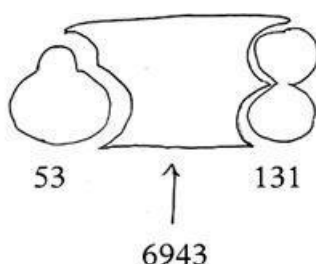
Моя любимая операция с числами – это возведение в степень, то есть, умножение числа на само себя определенное количество раз. Когда число умножается на себя единожды, это называется квадратом. Например, 72 в квадрате – это $72 \times 72 = 5184$. Квадраты в моем представлении всегда симметричны, что делает их особенно прекрасными. Если число умножается на себя еще раз, это называется кубом или возведением в третью степень. Куб или третья степень числа 51 – это $51 \times 51 \times 51 = 132\,651$. Каждый результат возведения в степень я вижу как четкий узор у себя в голове. По мере того, как числа и результаты операций растут, образы и цвета, которые я вижу, становятся все более сложными. Число 37 в пятой степени, то есть, $37 \times 37 \times 37 \times 37 \times 37 = 69\,343\,957$, представляется мне как большой круг, состоящий из маленьких кружков, бегущих по часовой стрелке.

¹ Darold Treffert, “Extraordinary People”. Здесь и далее – примечания переводчика.

Когда я делю одно число на другое, в уме я вижу спираль, которая раскручивается вниз увеличивающимися витками, которые изгибаются, сжимаются и растягиваются. Разные результаты деления производят спирали разного размера и по-разному закрученные. С помощью мысленных образов я могу поделить 13 на 97 (0.1340206 ...) с точностью почти до ста знаков после запятой.

Во время вычислений я никогда ничего не записываю, потому что всегда решаю в уме, и мне гораздо проще представить ответ в голове с помощью собственных образов, чем пытаться считать в столбик, как учат в школе. Когда я умножаю, я вижу два числа как два четких образа. Затем картинка меняется, и появляется третий образ – верный ответ. Этот процесс занимает пару секунд и происходит спонтанно. Я считаю словно бы не задумываясь.

На иллюстрации выше я умножаю 53 на 131. Я представляю оба числа в виде уникальных образов и помещаю одно напротив другого. В пространстве между ними формируется третий образ, который я воспринимаю как новое число (6943) – оно и является решением.

С разными задачами связаны разные образы. Кроме того, некоторые числа вызывают у меня определенные ощущения и эмоции. Когда я умножаю на 11, всегда возникает чувство, будто цифры в мозгу сыплются сверху вниз. Шестерки труднее всего запомнить, потому что они кажутся маленькими черными точками без определенной фактуры и формы. Я бы сказал, они похожи на маленькие дырочки или пустоты. Для каждого числа, вплоть до 10 000, у меня есть свой зрительный образ, а иногда и эмоция – это мой индивидуальный зрительно-числовой словарь. И как одни слова лучше ложатся в стихотворные строки, чем другие, так и сочетания цифр по-разному подходят друг другу: единицы хорошо смотрятся рядом с более темными цифрами, например, восьмерками и девятками, но не очень подходят шестеркам. Телефонный номер, где есть 189, для меня гораздо более красив, чем тот, в котором есть 116.

Эта эстетическая сторона моей синестезии имеет свои плюсы и минусы. Если на магазинном ценнике или номере машины попадает особенно красивое число, у меня бегут мурашки от восхищения и удовольствия. С другой стороны, если изображение числа не соответствует моему восприятию, например, «99 пенсов» на ценнике написано красным или зеленым (а не синим), мне это кажется неприятным и раздражающим.

Неизвестно, многие ли саванты обладают синестезией, и помогает ли она им в их исключительных способностях. Отчасти дело в том, что, как и Рэймонд Бэббит, многие из них страдают тяжелыми психическими и/или физическими заболеваниями и поэтому не могут рассказать, как

они делают то, что делают. Мне повезло, что у меня нет особо серьезных проблем, которыми часто сопровождаются умения, подобные моим.

При этом, как и большинство савантов, я нахожусь в спектре аутизма. У меня синдром Аспергера - достаточно легкая и высокофункциональная форма аутизма, которая в Великобритании встречается примерно у одного из 300 человек. Согласно исследованию, проведенному в 2001 году британским Национальным обществом аутизма, почти половина всех взрослых с синдромом Аспергера получила диагноз лишь после 16 лет. Мне поставили диагноз только в 25, после того, как я прошел обследование в Центре исследования аутизма в Кембридже.

Для аутизма, включая синдром Аспергера, свойственны нарушения, которые касаются социальных взаимодействий, общения и воображения (к примеру, проблемы с эмпатией и гибкостью мышления). Аутизм сложно диагностировать, его нельзя выявить по анализу крови или томограмме мозга. Доктора должны наблюдать за поведением человека и изучать историю его развития с младенческого возраста.

Люди с синдромом Аспергера часто имеют хорошие речевые навыки и способны вести относительно нормальную жизнь. Многие обладают интеллектом выше среднего и добиваются успеха в областях, требующих логики и зрительного мышления. Как и другие формы аутизма, синдром Аспергера гораздо чаще встречается у мужчин, чем у женщин (около 80% аутистов и 90% людей с СА - мужчины). Самая типичная характеристика таких людей - заикленность на определенном интересе, а также сильное стремление анализировать детали и выявлять закономерности в системах. Люди с синдромом Аспергера часто обладают особыми способностями, касающимися памяти, чисел и математики. До сих пор не ясно, чем вызывается это расстройство, однако, известно, что оно врожденное.

Сколько себя помню, я всегда воспринимал числа через образы и синестезию. Числа - мой первый язык, на котором я часто думаю и чувствую. Мне бывает сложно понять эмоции, и я не всегда знаю, как на них реагировать, но и в этом мне помогают числа. Когда друг говорит, что ему грустно или тоскливо, чтобы испытать похожее чувство и понять его, я представляю, что сижу в темной пустоте числа шесть. Если в книге пишется, как некий человек ощутил угрозу, я представляю, что стою рядом с числом девять. Когда кто-то рассказывает, как побывал в очень красивом месте, я вспоминаю свои числовые пейзажи и ощущение радости, которое они во мне вызывают. Таким образом, числа помогают мне лучше понимать других людей.

Иногда люди, которых я встречаю впервые, напоминают мне о каком-то числе, и это помогает мне освоиться в их компании. Очень высокий человек может напомнить мне число девять, а полный - число три. Если я расстроен, встревожен или нахожусь в незнакомой ситуации (а именно тогда я, скорее всего, буду испытывать дискомфорт и напряжение), я начинаю мысленно считать, и числа складываются в узоры и картины, которые приносят мне уверенность и спокойствие. Тогда я могу расслабиться и начать взаимодействовать с той ситуацией, в которой нахожусь.

Мне всегда нравится думать о календарях – они целиком состоят из чисел и закономерностей. Разные дни недели связаны для меня с разными цветами и ощущениями: вторники окрашены в теплый оттенок, а четверги – рыхлые и пушистые. Способность производить календарные вычисления – то есть, определять, на какой день недели приходится та или иная дата – имеется у многих савантов. Возможно, дело в том, что числа в календарях предсказуемы и следуют определенным правилам. Например, 13-е число месяца всегда отстоит на два дня недели от 1-го числа (если 1-е число – четверг, то 13-е – вторник). Некоторые месяцы ведут себя одинаково, например, январь и октябрь; сентябрь и декабрь; февраль и март (1 января приходится на тот же день недели, что и 1 октября). Поэтому, если 1 января вызывает у меня ощущение пушистости (четверг), то 13 октября того же года будет окрашено в теплый цвет (вторник).

В книге «Человек, который принял жену за шляпу» писатель и невролог Оливер Сакс² описывает двух близнецов с тяжелой формой аутизма как пример, насколько развиты у некоторых савантов способности к календарным вычислениям. Близнецов звали Джон и Майкл. Притом что они не могли себя обслуживать и с семи лет находились в различных лечебных учреждениях, они умели определять день недели для любой даты на 40 000 лет в прошлое или будущее.

Кроме того, Сакс рассказывает, как Джон и Майкл могли часами играть в игру, которая состояла в том, чтобы обмениваться друг с другом простыми числами. Как и близнецов, меня всегда завораживали простые числа. Каждое такое число имеет для меня гладкую четкую форму, в отличие от составных чисел, более шероховатых и неопределенных. Когда я вижу простое число, у меня в голове возникает чувство (где-то в районе лба), которое очень трудно описать словами. Это очень особенное чувство, похожее на внезапное покалывание.

Иногда я закрываю глаза и представляю себе первые тридцать, пятьдесят, сто чисел – так, как я их воспринимаю синестетически. Тогда я вижу, как прекрасны и особенны простые числа – и как ярко они выделяются среди других. Именно поэтому я могу смотреть и смотреть на них сколько угодно; каждое из них разительно отличается от того, что перед ним, и того, что после. Их одиночество среди других чисел делает их такими примечательными и интересными для меня.

Иногда, когда я засыпаю по ночам, мой разум наполняется ярким светом, и все, что я вижу, это числа – сотни, тысячи чисел, проплывающих перед глазами. Эта прекрасная картина действует на меня успокаивающе. Если мне не спится, я представляю, как гуляю по своим числовым пейзажам. Тогда мне становится спокойно и радостно. Я никогда не сбиваюсь с пути, потому что простые числа служат мне указателями.

Математики тоже издавна размышляют о простых числах, отчасти потому что нельзя быстро и легко проверить, является ли число простым. Самый лучший из способов носит название «решето Эратосфена», в честь древнегреческого ученого Эратосфена Киренского. Работает этот метод следующим образом: выпишите ряд чисел от 1 до нужного вам предела, например, до 100. Считая от 2

---

2 Oliver Sacks, "The Man Who Mistook His Wife for a Hat".

(поскольку единица не относится ни к простым, ни к составным), вычеркивайте каждое второе число: 4, 6, 8 ... и так до 100. Затем переходите к 3 и вычеркивайте каждое третье число: 6, 9, 12... затем переходите к 5 и вычеркивайте каждое пятое: 10, 15, 20 ... и так далее, пока не останется горстка чисел, которые не были вычеркнуты ни на одном из шагов: 2, 3, 5, 7, 11, 13, 17, 19, 23, 29, 31 ... Это и есть простые числа – строительные кирпичики моего мысленного мира.

X	2	3	X	5	X	7	X	X	X
11	X	13	X	X	X	17	X	19	X
X	X	23	X	X	X	X	X	29	X
31	X	X	X	X	X	37	X	X	X
41	X	43	X	X	X	47	X	X	X
X	X	53	X	X	X	X	X	59	X
61	X	X	X	X	X	67	X	X	X
71	X	73	X	X	X	X	X	79	X
X	X	83	X	X	X	X	X	89	X
X	X	X	X	X	X	97	X	X	100

Синестезия влияет и на то, как я воспринимаю слова и язык. Например, слово *ladder* («лестница») – синее и блестящее, а слово *hoop* («обруч») – белое и мягкое. То же самое происходит, когда я читаю слова на других языках: *jardin*, что значит «сад» по-французски – размыто-желтое, а исландское *hnugginn*, «грустный» – белое с синими крапинками. Исследователи синестезии говорят, что цвет слова часто зависит от первой буквы и связан с цветом, который начинается на ту же букву. В целом, это справедливо и для меня: *yoghurt* («йогурт») – желтое слово, а желтый цвет по-английски *yellow*; *video* («видео») – фиолетовое, а фиолетовый по-английски *purple* или *violet*; *gate* («ворота») – слово зеленого цвета, а зеленый по-английски *green*. Я даже могу заставить слово изменить цвет, мысленно приписав букву к его началу: *at* (предлог «у», «около») – красное слово, но если добавить H, то получится *hat* («шляпа») – и оно станет белым. Однако, не все слова следуют правилу первой буквы. Например, слова, которые начинаются с буквы A, всегда красные, а те, что начинаются с W, всегда темно-синие.

Некоторые слова идеально подходят к тому, что они означают. *Raspberry* («малина») – красное слово для красной ягоды, а *grass* («трава») и *glass* («стекло») – зеленые слова, обозначающие зеленые предметы. Слова, начинающиеся с буквы T, всегда оранжевые – как *tulip* («тюльпан»), *tiger* («тигр») или *tree* («дерево»), а осенью листья на деревьях становятся оранжевыми.

И наоборот, другие слова не соответствуют своему значению: *geese* («гуси») – зеленое слово, но обозначает белых птиц (на мой взгляд, им больше бы подошло *heese*). Слово *white* («белый») – синее, а *orange* («оранжевый») – прозрачное и блестящее, как лед. *Four* («четыре») – синее слово, но угловатая цифра, по крайней мере, в моем понимании. Слово *wine* («вино») – тоже синее. На мой взгляд, цвету вина лучше соответствует французское *vin* – для меня оно пурпурного цвета.

То, что слова для меня имеют цвет и фактуру, помогает мне запоминать имена и факты. Например, я помню, что победитель каждого этапа велогонки «Тур де Франс» получает желтую майку (а не

зеленую, красную или синюю), потому что слово *jersey* (майка) для меня желтое. Точно так же я помню, что флаг Финляндии – это голубой крест на белом фоне, потому что слово *Finland* голубое (как и все слова на букву F). Когда я знакоюсь с новым человеком, я часто запоминаю его имя по цвету: *Richard* – красный, *John* – желтый, *Henry* – белый.

Также это помогает мне легко и быстро изучать другие языки. В данный момент, я знаю десять языков: английский (родной), финский, французский, немецкий, литовский, эсперанто, испанский, румынский, исландский и валлийский. Ассоциации с разными цветами и эмоциями, которые вызывает у меня каждое слово, помогают мне их запоминать. Например, финское слово *tuli* для меня оранжевое, а означает оно «огонь». Когда я читаю слово, я тут же мысленно вижу его цвет и вспоминаю значение. Еще один пример – валлийское слово *gweilgi*, оно имеет темный сине-зеленый цвет и означает «море». По-моему, оно замечательно соответствует цвету моря. Есть исландское слово *rökkur*, которое означает «сумерки» или «закат». Это алое слово, и когда я вижу его, то представляю кроваво-красный заход солнца.

В детстве я часто бывал в местной библиотеке. Помню, однажды, я провел там не один час, перебирая книгу за книгой и пытаюсь найти ту, на которой написано мое имя. В библиотеке было множество книг с самыми разными именами на обложках, и я решил, что где-то среди них должно быть мое. В то время я не понимал, что на книге указывается имя автора, а не кого-то еще. Теперь мне 26, и я прекрасно знаю – если я хочу когда-нибудь найти свою книгу, сначала мне придется ее написать.

То, что я начал писать о своей жизни, дало мне возможность увидеть со стороны, чего я достиг, и проследить свой путь от начала до настоящего момента. Если бы лет десять назад кто-нибудь сказал моим родителям, что я буду жить совершенно самостоятельной жизнью, иметь карьеру и счастливые отношения, они бы вряд ли поверили. Наверное, я бы и сам не поверил. Эта книга расскажет, как я ко всему этому пришел.

Моему младшему брату Стивену недавно поставили тот же диагноз, что и мне. У него высокофункциональный аутизм. В свои 19 лет он сталкивается со многими из тех трудностей, что в юности переживал и я – от проблем одиночества и тревожности до неуверенности в своем будущем. Когда я был ребенком, врачи не знали о синдроме Аспергера (он стал считаться отдельным диагнозом лишь после 1994 года), и долгие годы я рос, не понимая, почему ощущаю себя таким непохожим на сверстников и словно бы отделенным от окружающего мира. Описывая свой собственный опыт взросления, я надеюсь, что смогу помочь другим молодым людям, живущим с высокофункциональным аутизмом, как мой брат. Я хочу, чтобы они почувствовали, что не одиноки, и увидели, что счастливая и продуктивная жизнь возможна и для них. Я живое тому подтверждение.

Ранние годы

Стояло морозное январское утро. Моя мать Дженнифер, к тому времени глубоко беременная мной, молча сидела у единственного большого окна крошечной квартирki в Ист-Лондоне и смотрела на узкую заледеневшую улицу. Мой отец Кевин, всегда встававший очень рано, вернулся из ближайшего магазина со свежей газетой в руках и удивился, что жена уже проснулась. Встревожившись, не случилось ли что, он тихо подошел и взял ее за руку. Она выглядела усталой, как и все последние недели. Какое-то время Дженнифер сидела неподвижно и тихо. Затем она медленно повернулась к мужу и, бережно обняв свой живот, вдруг прошептала: «Мы будем любить его, чтобы ни случилось. Мы просто будем его любить». Из глаз у нее полились слезы. Отец сидел рядом и лишь молча кивал, сжимая ее руку.

В детстве Дженнифер часто ощущала себя лишней. Старшие братья были слишком взрослыми, чтобы с ней играть, и покинули дом, когда она была еще маленькой, а родители были строги и скупы на ласку. Без сомнения, они ее любили, но она редко это чувствовала. Даже тридцать лет спустя ее детские воспоминания были полны противоречивых эмоций.

Мой отец всецело посвятил себя моей матери с тех самых пор, как они познакомились через общих друзей. За стремительным романом последовала свадьба. Однако, как ему тогда казалось, он мало что мог предложить ей кроме своей преданности.

В юности он в одиночку растил братьев и сестер, пока мать, разведенная с мужем, подолгу уезжала на заработки. Когда ему исполнилось десять, семья переехала в приют для бездомных – с тех пор он и взял на себя заботу о младших. У него оставалось мало времени на учебу или на обычные мечты и радости детства. Позже он вспоминал, что день, когда он встретил мою мать, был самым счастливым в его жизни. Они были очень разными людьми, но безмерно дорожили друг другом и, учитывая все сложности своей судьбы, хотели, чтобы мое детство было самым безоблачным.

Через несколько дней после того эмоционального разговора, у матери начались роды. Когда вечером отец вернулся с работы, ее уже мучили схватки, но она боялась ехать в больницу без него. Он вызвал скорую и как был, в одежде, перепачканной грязью и маслом после работы на металлозаводе, поехал в больницу вместе с ней. Роды прошли быстро, и я появился на свет с весом чуть меньше шести фунтов³.

---

³ 6 фунтов ≈ 2722 г

Говорят, что появление ребенка всё меняет. Несомненно, мое рождение бесповоротно изменило жизнь родителей. Я был их первым ребенком, и, наверное, естественно, что они связывали со мной столько надежд. Всю беременность мама старательно читала колонки популярных женских журналов, посвященные уходу за младенцами, и вместе с отцом копила деньги на кроватку.

Однако, первые дни, что мама провела со мной в больнице, оказались не такими, как она представляла. Я плакал часами, не умолкая ни на миг. Как она ни прижимала меня к себе, как ни гладила ласковыми пальцами мое лицо, я плакал, и плакал, и плакал.

Родители жили в крошечной квартире, и я должен был спать в кроватке, стоявшей в углу их единственной спальни. Однако, оказалось, что меня невозможно уложить в колыбель. Я никак не засыпал и продолжал кричать не переставая. Мать кормила меня грудью до полутора лет – не в последнюю очередь потому, что это был один из немногих способов меня успокоить.

Польза грудного вскармливания давно известна: оно улучшает развитие мозга и нервной системы, а кроме того, укрепляет иммунитет ребенка. Считается, что грудное вскармливание особенно полезно для эмоционального развития детей с аутизмом, так как дает возможность тесного физического и эмоционального контакта между матерью и ребенком. Исследования показывают, что аутичные дети, которых кормили грудью, лучше реагируют на окружение, легче адаптируются и сильнее демонстрируют привязанность, чем их сверстники с тем же диагнозом, находившиеся на искусственном вскармливании.

Как выяснилось, еще одним способом успокоить мой плач было движение. Отец регулярно укачивал меня на руках, иногда более часа подряд. Нередко ему приходилось есть, держа в одной руке ложку, а в другой меня. Возвращаясь с работы – часто это было ранним утром – он подолгу гулял со мной на улице. Но стоило коляске остановиться, я вновь заходился плачем.

Вскоре время дня и ночи вообще перестало иметь значение, поскольку режим моих родителей строился вокруг моего плача. Должно быть, я просто сводил их с ума. Иногда, отчаявшись, они клали меня на одеяло и, держа за противоположные края, – мать за один, а отец за другой – раскачивали из стороны в сторону. Казалось, ритмичное движение меня успокаивало.

Тем летом меня покрестили. Родители не были особенно набожны, но я был их первенцем, и они решили, что так будет правильно. На крещение собрались все родственники, друзья и соседи. Погода стояла теплая и солнечная. Но как только началась церемония, я принялся кричать во весь голос, заглушая слова священника. Родители не знали куда деться от стыда.

Иногда нас навещали бабушка и дедушка с маминой стороны и удивлялись, каким я был беспокойным ребенком. Они советовали матери не брать меня на руки, когда я начинал плакать. «Устанет и сам замолчит», – говорили они. Но стоило маме последовать этому совету, мои крики становились лишь громче.

Не раз родители вызывали врача, но он говорил, что у меня просто колики, и скоро это пройдет. Коликами часто объясняют продолжительный детский плач. Когда ребенок плачет дольше и

громче обычного, и его трудно успокоить (а это верно примерно для каждого ребенка из пяти), ему ставят диагноз «колики». При этом врачи и ученые десятилетиями пытаются найти причины, стоящие за чрезмерным плачем. Самое недавнее предположение состоит в том, что колики, в большинстве случаев, имеют неврологическую причину и связаны с мозгом, а не с пищеварительной системой, как полагают многие родители. К примеру, дети с коликами склонны иметь повышенную чувствительность к раздражителям и с большей вероятностью подвержены сенсорной перегрузке.

Однако, мой плач – продолжавшийся и после того, как мне исполнился год – был необычен даже для колик. Недавно исследователи, изучавшие развитие детей, много плакавших в младенчестве, обнаружили, что это может оказаться признаком будущих проблем с поведением. По сравнению с умеренно плакавшими детьми, к пяти годам дети, которые плакали много, демонстрировали более слабую зрительно-моторную координацию и были склонны к гиперактивности и проблемам с дисциплиной.

К счастью, в других областях я развивался без проблем: ходить и говорить первые слова я начал вскоре после своего первого дня рождения. Один из критериев диагностики синдрома Аспергера – отсутствие задержки речевого развития (тогда как при более тяжелых формах аутизма речь может развиваться с опозданием или отсутствовать вовсе).

Затем, одна за другой, последовали несколько ушных инфекций, от которых мне давали антибиотики. Из-за боли в ушах я оставался капризным, раздражительным и плаксивым ребенком и на втором году жизни. Все это время родители, хоть я часто изматывал их до предела, продолжали баюкать меня в одеяле и качать на руках каждый день.

А потом, среди постоянного плача и болезней, мама обнаружила, что снова беременна. Родители обратились в местный совет с просьбой предоставить им более просторное жилье, и вскоре мы переехали в квартиру поблизости. Мой брат Ли родился майским воскресным днем и оказался моей полной противоположностью: веселым, спокойным и тихим. Должно быть, для родителей это было громадным облегчением.

Тем временем, мое поведение ничуть не улучшилось. В два года я начал подходить к одной и той же стене в гостиной и биться в нее головой. Я раскачивался взад и вперед, ритмично ударяясь лбом о стену. Иногда я бился с такой силой, что оставались синяки. Отец оттаскивал меня от стены всякий раз, как слышал эти звуки, но я тут же бежал и начинал заново. Временами я впадал в бурную истерику, лупил себя по голове ладонью и кричал во весь голос.

Родители вызвали врача. Она заверила их, что когда ребенок бьется головой – это просто способ разрядки от некоего стресса. Она предположила, что мне скучно и не хватает впечатлений, и пообещала устроить меня в местный детский сад. Тогда мне было два с половиной года. К облегчению родителей, через несколько недель им позвонили из сада и сказали, что я принят.

С появлением моего брата родителям пришлось изменить распорядок, который они вместе выработали за прошедшие два с небольшим года. Детский сад был значительной частью этих перемен. Их жизнь больше не вращалась исключительно вокруг меня. Я всегда

спал очень чутко, просыпался несколько раз за ночь и вставал ни свет ни заря. Когда приходило время завтрака, отец кормил, умывал и одевал меня, пока мать заботилась о младшем. Затем отец сажал меня в коляску и вез в детский сад. Путь, занимавший около мили, был довольно извилистым – мы проходили мимо квакерского кладбища, где похоронена Элизабет Фрай, реформатор тюремной системы 19 века, мимо жилого комплекса с большими квартирами, сворачивали под арку, выходили на пешеходную дорожку, а затем делали еще несколько поворотов между домами.

Детский сад был моим первым опытом общения с окружающим миром. Мои воспоминания о том времени малочисленны, но яркие, как узкие лучи света, пронизывающие пелену времени. Там была песочница, и я подолгу мог сидеть в ней, зачерпывая песок руками, пересыпая его с места на место и замороженно изучая отдельные песчинки. Затем пришло увлечение песочными часами (в саду их было несколько разных размеров) – я помню, как не отрываясь следил за бегущей струйкой песка, не замечая игравших вокруг детей.

Родители рассказывают, что я был одиночкой и не общался с другими детьми, а воспитатели говорили, что я замкнут в своем мире. Контраст между первыми годами моей жизни и последующими был, должно быть, очень заметен, поскольку из плачущего, орущего и бьющегося головой ребенка я превращался в молчаливого, закрытого и погруженного в себя. Теперь родители понимают, что это не было таким уж улучшением, как им тогда показалось. Я становился даже слишком хорошим – слишком тихим и ничего не требующим.

Аутизм как сложное расстройство развития в то время был мало известен широкой публике, и мое поведение не выглядело аутичным – я не раскачивался, я умел говорить и так или иначе взаимодействовал с окружающим миром. Пройдет еще десятилетие прежде чем высокофункциональный аутизм, включая синдром Аспергера, будет признан медиками и станет известен многим.

Была и еще одна важная деталь. Родители не хотели вешать на меня ярлыки или каким-либо образом ограничивать. Больше всего на свете они хотели, чтобы я был счастлив, здоров и жил «нормальной» жизнью. Когда друзья, родственники или соседи задавали неизбежные вопросы на мой счет, родители говорили что я очень «застенчив» и «чувствителен». Думаю, помимо прочего, родители боялись клейма, связанного с тем, чтобы иметь ребенка с психическим расстройством.

Еще одно из моих воспоминаний о первых месяцах в детском саду связано с полом, застеленным разными материалами. В одних помещениях он был покрыт матами, в других – ковром. Я помню, как ходил по разным участкам пола, низко нагнув голову и глядя на собственные ноги, и прислушивался к ощущениям своих стоп. Поскольку я все время смотрел вниз, то иногда натыкался на других детей или воспитателей, но ходил я очень медленно, и столкновения были несильными – поэтому я просто огибал препятствие и двигался дальше.

Когда на улице было тепло и сухо, воспитатели разрешали нам играть на площадке возле сада. Там стояли качели и горка, а в траве были разбросаны разные игрушки: яркие мячи, барабаны и ксилофоны. Под качелями и перед спуском горки всегда лежали маты, обтянутые

полиэтиленом – чтобы никто из детей не ушибся. В жаркую погоду босые ноги становились потными и прилипали к матам. Я занимал себя тем, что раз за разом то ставил ногу на мат, то отрывал, чтобы повторить ощущение липнувшей к стопам пленки.

Что думали обо мне другие дети? Не знаю, потому что совершенно их не помню. Для меня они были лишь фоном моих зрительных и тактильных впечатлений. Я не понимал, что значит играть вместе. Полагаю, воспитатели подстраивались под мое необычное поведение, потому что никогда не пытались заставить меня играть с другими. Возможно, они надеялись, что я привыкну к детям и сам начну с ними общаться, но этого не происходило.

В детский сад меня всегда отвозил отец, и он же иногда забирал. Бывало, он приезжал прямо с завода, даже не сменив спецодежды. Его это ничуть не смущало. У отца было много талантов. Вернувшись домой, он переодевался и тут же начинал мастерить ужин. Готовкой обычно занимался он; думаю, это помогало ему расслабиться после работы. Я был очень привередлив и питался, в основном, хлопьями, хлебом и молоком. Заставить меня съесть овощи было равносильно сражению.

Уложить меня спать тоже было непросто – часто я бегал по квартире или скакал на одном месте, и чтобы успокоиться, мне требовалось время. Я непременно брал в кровать одну и ту же игрушку – маленького красного зайца. Иногда я никак не засыпал и плакал до тех пор, пока родители не сдавались и не разрешали мне лечь в постель вместе с ними. Если я все же спал, мне часто снились кошмары. Один из них я помню до сих пор. Я просыпался от того, что мне виделся огромный дракон, возвышавшийся надо мной. Рядом с ним я казался совсем крошечным. Этот сон повторялся несколько ночей подряд. Мне было страшно засыпать – я боялся, что дракон меня съест. Затем, в одну из ночей, он исчез так же внезапно, как и появился. Хотя я продолжал видеть кошмары, постепенно они становились более редкими и не такими пугающими. Так я, в каком-то смысле, победил дракона.

Однажды утром, по дороге в детский сад, отец решил изменить маршрут и свернуть на другую улицу. К его удивлению, я принялся громко кричать. Мне не было еще и трех лет, но я во всех деталях помнил дорогу от дома до детского сада. Проходившая мимо пожилая женщина остановилась, внимательно посмотрела на меня и сказала: «Да, легкие у него что надо». Мой отец смущенно развернулся и пошел обычным путем. В тот же миг я замолчал.

Еще одно воспоминание, связанное с детским садом – о том, как одна из воспитательниц надувала мыльные пузыри. Многие дети тянули руки и пытались схватить пузыри, проплывавшие у них над головами. Я не пытался дотронуться до пузырей – я пристально разглядывал их форму и то, как они летели и переливались своей блестящей влажной поверхностью. Мне особенно нравилось, когда воспитательница дула сильнее, и получалась длинная цепочка мелких пузырьков, летящих друг за другом.

И в саду, и дома я редко играл с игрушками. Если я все же брал игрушку в руки, например, своего зайца, я крепко сжимал ее за края и двигал из стороны в сторону. Я не пытался обнять ее, прижать к себе

или показать, как заяц прыгает. Одним из моих любимых занятий было брать монетку, крутить ее на полу и смотреть, как она вращается. Я мог повторять это раз за разом, и мне это никогда не надоедало.

Родители вспоминают, что я любил стучать по полу мамиными туфлями – мне нравился звук, который они издавали. Иногда я даже надевал их на ноги и принимался осторожно вышагивать по комнате. Родители называли их «туфли цок-цок».

Во время одной из прогулок отец вез меня мимо магазина, и я вдруг издал громкий возглас. Отец помедлил. Обычно родители не брали меня в магазин, потому что в те редкие разы, когда это случалось, я начинал рыдать и устраивал истерику. Им приходилось извиняться и со словами «он у нас очень чувствительный» спешно покидать магазин. В этот раз мой крик показался отцу другим, более требовательным. Когда он зашел внутрь вместе со мной, то заметил большую полку с книгами серии «Мистер Мэн»⁴. Там были обложки и с ярко-желтым мистером Весельчаком, и с фиолетовым мистером Торопыжкой, имевшим треугольное туловище. Отец взял одну из книг и дал мне. Я вцепился в нее и не захотел отдавать, так что пришлось ее купить. На следующий день мы проходили мимо того же магазина, и я снова закричал. Отец пошел и купил еще одну книжку. Вскоре это стало традицией, которая длилась, пока он не скупил книги обо всех персонажах серии.

Вскоре с книгами «Мистер Мэн» я стал попросту неразлучен. Я отказывался выходить из дома без какой-либо из этих книжек. Я мог целый вечер лежать на полу и разглядывать линии и цвета их ярких иллюстраций. Родители были рады моему увлечению. Казалось, я впервые в жизни был спокоен и счастлив. Кроме того, это оказалось хорошим способом поощрения. Мне обещали купить новую книжку «Мистера Мэна», если за день я не устрою ни одной истерики.

В наш первый частный дом мы переехали, когда мне было четыре. Дом стоял на углу Блитбери-роуд и имел весьма странную планировку. Лестница на второй этаж была доступна только из узкого коридора, прилегавшего к гостиной, а ванная комната находилась внизу, рядом с входной дверью. Если кто-то принимал ванну, а в это время к нам заходили друзья или родственники, гости сразу же у входа оказывались окутаны клубами влажной дымки.

У родителей остались не очень приятные воспоминания о доме на Блитбери-роуд. Кухня регулярно страдала от сырости, а зимой во всем доме стоял холод. Однако, у нас были хорошие соседи – включая пожилую пару, которая прониклась особой симпатией ко мне и брату и угощала нас домашним лимонадом и сладостями, когда мы выходили в сад.

Перед домом отец разбил огород, которым занимался по выходным. Грядки быстро заполнились картошкой, морковью, горохом, луком, кольраби, помидорами, клубникой и ревенем. По воскресеньям у нас всегда был десерт из ревеня со сладким кремом.

Я жил в одной комнате с братом. Комната была маленькой, и, чтобы сэкономить место, нам поставили двухъярусную кровать. Брат

---

⁴ «Мистер Мэн» (“Mr. Men”) – серия детских книг, написанных английским автором Роджером Харгривсом.

был на два года младше меня, но спал наверху. Родители боялись, что я начну метаться во сне и свалюсь.

К брату я не испытывал сильных чувств, мы жили словно бы параллельно друг другу. Он часто играл в саду, а я сидел в комнате. Едва ли мы играли вместе, и даже если оказывались рядом, то ничем не занимались сообща – я не испытывал желания делиться с ним игрушками или какими-то мыслями. Сейчас эти воспоминания кажутся мне словно чужими. Теперь я понимаю, что такое совместные занятия и общие впечатления. Хотя иногда мне по-прежнему трудно открыться и проявить чувства, желание их проявлять у меня определенно присутствует. Возможно, оно было и раньше, но мне понадобилось время, чтобы найти и осознать его.

Я становился все более тихим ребенком и большую часть времени проводил у себя в комнате, сидя на полу в своем излюбленном месте и впитывая тишину. Иногда я зажимал пальцами уши, чтобы бы еще больше в нее погрузиться. Тишина никогда не была для меня чем-то статичным – она вилась тонкими шелковистыми струйками вокруг моей головы, как сгущающийся пар.

Когда я закрывал глаза, тишина представлялась серебристой и мягкой. Мне не нужно было задумываться об этом, это происходило само собой. Если откуда-то вдруг доносился резкий звук, например, стук в дверь, он болезненно отдавался во мне и разрушал это чувство.

В гостиной внизу всегда было полно книг. И мать, и отец обожали читать. Я до сих пор помню, как, сидя на полу, наблюдал за ними, листавшими книгу, газету или журнал. Иногда, когда я хорошо себя вел, мне разрешалось посидеть у них на коленях, пока они читали. Мне нравился шелест переворачиваемых страниц. Книги стали для меня чем-то особенным, потому что, когда родители читали, комната наполнялась тишиной. И мне тогда становилось хорошо и спокойно.

В какой-то момент я принялся таскать книги родителей в свою комнату. Лестница была большая, книги тяжелые, поэтому я носил их по одной, преодолевая ступеньки шаг за шагом. Если книга была особенно увесистой, на то, чтобы справиться с дюжиной ступенек, у меня могла уйти целая минута. Некоторые книги были совсем старыми и имели затхлый аромат.

У себя в комнате я раскладывал книги стопками на полу, чтобы они окружали меня со всех сторон. Родителям было непросто зайти в комнату – они боялись опрокинуть одну из стопок на меня. Если они пытались убрать какие-то из книг, я раздражался слезами и устраивал истерику. Все страницы книг были пронумерованы, и в окружении цифр мне было уютно, как в мягком одеяле. Читать я умел задолго до того, как научился читать буквы. И когда я считал, числа вспыхивали цветными или движущимися образами у меня в голове.

Однажды, взбираясь по лестнице с особенно тяжелой книгой в руках, я оступился и упал. От падения мой разум, казалось, наполнился беспорядочными цветными вспышками, похожими на отблески солнца. Скотившись вниз, я сел у подножия лестницы, растерянный и ошеломленный. Ушибы болели. Мне не приходило в голову позвать кого-то на помощь – я просто ждал, пока отец придет на шум. Я редко подавал голос, если ко мне не обращались. После этого случая

родители стали прятать от меня большие и тяжелые книги, боясь, что я снова упаду и сильно ударюсь.

Неподалеку от дома, буквально в пешей доступности, был парк, где мы часто бывали по выходным. Родители крошили для меня хлеб, чтобы я мог покормить уток. Обычно мы ходили в парк рано утром, когда людей было немного. Родители знали, что большое скопление народа меня пугало. Пока брат носился вокруг, я сидел сам по себе, дергая травинки и выщипывая лепестки у маргариток.

Моим любимым развлечением в парке были качели. Отец поднимал меня, сажал на качели и начинал осторожно толкать. Когда он уставал и делал перерыв, я тут же принимался кричать «еще! еще!», чтобы он не останавливался. Еще там была вертушка – я садился на нее посередине, а родители вставали с обеих сторон и медленно вращали. Я закрывал глаза и улыбался. Мне было хорошо.

Соседняя с парком дорога, мимо которой мы шли домой, временами бывала шумной. Если проезжавшая машина вдруг сигналила или издавала другой громкий звук, я останавливался и крепко зажимал уши ладонями. Зачастую шум был скорее неожиданным, чем громким. Похоже, именно внезапность пугала меня больше всего. По этой же причине я ненавидел воздушные шары и прятался, если видел шарик у кого-то в руках. Я боялся, что он вдруг лопнет с громким треском.

После нашего переезда на Блитбери-роуд я до пяти лет продолжал ходить в детский сад при местной школе, носившей имя Дороти Барли, настоятельницы женского монастыря, которая жила здесь в 16 веке во времена Генриха Восьмого. В саду нам часто давали бумагу и цветные карандаши, чтобы мы рисовали и раскрашивали. Мне всегда нравилось это занятие, хотя мне трудно было держать карандаш пальцами, и я зажимал его в кулаке. Мне нравилось рисовать круги самых разных размеров. Круг был моей любимой фигурой, я рисовал его снова и снова.

В детском саду в углу стояла коробка, полная разных вещей, с которыми можно было играть. Я обожал разноцветные бусины, которые там нашел. Я набирал их в ладони, тряс и смотрел, как они ударяются о пальцы. Если нам для игры давали картонные трубки (например, чтобы изобразить бинокль или телескоп), я насыпал бусины в трубку и увлеченно следил, как они исчезали в ней и появлялись с другого конца. Если я находил какую-нибудь коробку или банку, я ссыпал бусины внутрь, высыпал обратно, снова насыпал и повторял так по кругу.

На одной из стен висела полка с книгами. Моей любимой книжкой была «Голодная-преголодная гусеница». Мне нравились отверстия в ее страницах и яркие округлые иллюстрации. Поблизости был читальный уголок, где дети сидели на большом ковре возле воспитательницы и слушали, как она читает. В один из таких дней я сидел позади, скрестив ноги и нагнув голову, и был полностью погружен в свои мысли. Я не слышал ни слова из того, что нам читали. Вдруг, не отдавая себе отчета, я начал что-то мычать под нос. Подняв глаза, я увидел, что воспитательница перестала читать, и все на меня смотрят. Я замолк, снова опустил голову, и чтение продолжилось.

Не помню, чтобы мне было одиноко в детском саду – возможно, потому что я был всецело поглощен своими книгами, бусинами и кругами. Думаю, постепенно я начал понимать, что отличаюсь от других детей, но, так или иначе, меня это не беспокоило. В то время я не испытывал желания заводить друзей, мне вполне хватало игр наедине с собой. Если же дело доходило до какой-нибудь совместной игры, наподобие «музыкальных стульев», я отказывался присоединяться. Меня пугала мысль, что другие дети будут задевать меня и толкаться, пытаюсь занять свободные стулья. Никакие ласковые уговоры со стороны воспитателей не помогали. В итоге, мне разрешали просто стоять у стены и смотреть, как другие играют. Я был счастлив, когда меня оставляли в покое.

Вернувшись домой из сада, я сразу же шел в свою комнату. Когда я уставал или был чем-то расстроен, я забирался под кровать и лежал там в темноте. Родители научились тихонько стучать в дверь перед тем как проведать меня. Мама всегда заставляла меня рассказывать, как прошел день в саду. Она пыталась меня разговорить, потому что большую часть времени я просто молчал.

Моя комната была моим убежищем, личной территорией, где мне было спокойнее и приятнее всего. Я проводил в ней так много времени, что иногда родители заходили посидеть рядом, чтобы просто побыть со мной. Они проявляли ко мне невероятное терпение.

Сейчас, описывая те ранние годы, я с восхищением думаю о том, как много родители делали для меня, притом что вовсе не были обеспеченными. Слушать их воспоминания о моем раннем детстве – это нечто волшебное. Это возможность самому увидеть, как велика их роль в том, что я стал тем, кем стал. Несмотря на все сложности, все мои слезы, истерики и другие проблемы, они любили меня беззаветно и посвятили себя тому, чтобы помогать мне – шаг за шагом, день за днем. Они для меня герои.

Удар молнии: эпилепсия

Мне было четыре года, когда это случилось. Я сидел на полу в гостиной, рядом играл младший брат Ли, отец готовил обед на кухне. В том возрасте у меня часто бывали моменты полного отключения от мира и погружения в себя – например, когда я пристально изучал линии на своих ладонях или медленно и ритмично покачивался взад-вперед, наблюдая, как движется моя собственная тень. Но в этот раз что-то было иначе, не так, как обычно. Комната вокруг меня словно начала растягиваться во всех направлениях, свет потускнел, и сам поток времени будто сгустился и застыл в одном долгом мгновении. Я не знал и не мог знать, но именно тогда у меня случился сильный приступ эпилепсии.

Эпилепсия – одно из самых распространенных заболеваний мозга. В Великобритании около 300 000 человек страдают ею в той или иной форме. Эпилептические приступы – это результат вспышек чрезмерной электрической активности в мозгу. О том, почему приступы возникают, как они начинаются и как прекращаются, в данное время известно не многое. Хотя ни одной явной причины до сих пор не найдено, врачи полагают, что эпилепсия может возникать из-за проблем связей между нервными клетками или нарушения химического баланса мозга.

За несколько дней до приступа, когда я лежал на диване в гостиной и смотрел телевизор, отец заметил, что мои глаза странно бегают, а руки сильно напряжены. Он встревожился и вызвал врача, чтобы тот осмотрел меня. Стояла жаркая и влажная погода, и врач предположил, что я просто перегрелся. Однако, он порекомендовал отцу наблюдать за мной и немедленно сообщить, если такой эпизод повторится.

Мне невероятно повезло, что во время второго приступа рядом был брат. У меня начались судороги, и я потерял сознание. Услышав плач брата, отец прибежал узнать, что происходит. Не раздумывая, он подхватил меня на руки, выбежал из дома и бросился к стоянке такси по соседству. Он вскочил в первую же машину и попросил водителя отвезти нас в ближайшую больницу. Пока такси мчалось по улицам, моему отцу оставалось лишь крепко прижимать меня к себе и молиться.

Как только машина остановилась, отец, обливаясь потом, ринулся прямо в детское отделение больницы. Я все еще был без сознания, и судороги не прекращались – такое состояние носит название «эпистатус» и может быть опасным для жизни. Медсестра в приемном покое забрала меня из рук отца и вызвала врачей, которые первым делом вкололи мне валиум, чтобы стабилизировать. Я не дышал и уже

начал синеть, поэтому мне сделали искусственное дыхание. Лишь где-то через час после начала приступа я наконец стал постепенно приходить в норму. Совершенно измотанный случившимся, отец разрыдался от облегчения, когда узнал, что мне лучше. Его своевременные действия помогли спасти мне жизнь.

У меня диагностировали височную эпилепсию. Височные доли расположены по обеим сторонам мозга и находятся примерно над ушами. Они отвечают за получение сенсорной информации, запоминание, слух и восприятие. Приступы, возникающие в этих участках мозга, могут повлиять как на работу памяти, так и на черты личности человека.

Среди аутистов эпилепсия встречается намного чаще, чем у остальных людей. Примерно у трети детей с расстройствами аутистического спектра к подростковому возрасту развивается височная эпилепсия. По этой причине считается, что оба расстройства могут иметь общий источник в структуре мозга или в генах, за нее отвечающих.

В больнице мне сделали электроэнцефалограмму (ЭЭГ). Это процедура, во время которой на голове размещают электроды, чтобы измерить электрическую активность мозга и проверить наличие аномалий в мозговых волнах. Я помню, как надо мной стояла медсестра и крепила к моей голове электроды – маленькие металлические кружочки, смазанные гелем, чтобы лучше держались. От каждого нового электрода я вздрагивал и морщился, потому что не любил, когда кто-то прикасался к моей голове.

Кроме того, мне просканировали мозг с помощью магнитно-резонансной томографии (МРТ). МРТ служит для того, чтобы создавать детальные снимки внутреннего строения тела – для этого необходим большой мощный магнит, микроволновое излучение и компьютер. Перед процедурой мне дали успокоительное, возможно, потому что врача беспокоило, что я не смогу выдержать шум и возможное ощущение клаустрофобии внутри аппарата. Помню, как меня положили на мягкую белоснежную кушетку, которую затем задвинули в узкий тоннель аппарата МРТ. Сканирование длилось около получаса. Хотя аппарат очень громко шумел, делая снимки, я, похоже, заснул: помню, как меня разбудил отец, когда кушетку извлекли на свет.

Я провел в больнице несколько дней, пока проводили различные обследования. Родители по очереди сидели со мной днем и ночью. Они боялись, что у меня случится паника, если я проснусь и не увижу рядом знакомого лица. В палате, где я находился, был блестящий пол, испещренный множеством мелких царапин. Простыня и пододеяльник на кровати были совсем другими, чем дома – более жесткими и колючими. Родители приносили мне апельсиновый сок и раскраски с карандашами, чтобы чем-то развлечь меня, но большую часть времени я просто спал, потому что чувствовал ужасную усталость.

Врачи сказали, что прогноз благоприятен – примерно у половины детей с диагнозом височной эпилепсии с возрастом болезнь проходит. Мне прописали противосудорожные препараты и отпустили домой.

То, что у меня диагностировали эпилепсию, стало большим ударом для родителей, особенно для отца. Его собственный отец, мой

дед, долгие годы страдал эпилептическими припадками уже будучи взрослым и умер довольно рано за несколько лет до моего рождения.

Моего деда звали Уильям Джон Эдуард, он родился в Ист-Лондоне в начале 1900-х годов. Он работал сапожником и воевал во Второй мировой. Участвовал в битве при Дюнкерке⁵ и был эвакуирован, а после служил артиллеристом-зенитчиком на военной базе в северной Шотландии. Он был женат и имел четырех детей, младшим из которых был мой отец. Приступы, причем очень сильные, начались у деда после войны. Бабушке часто приходилось слышать звук бьющихся тарелок и чашек, сброшенных с кухонного стола.

В те времена средства помощи больным эпилепсией были весьма ограничены. Врачи полагали, что болезнь моего деда вызвана контузией, которую он получил на войне. Они посоветовали бабушке развестись с мужем и начать новую жизнь: в конце концов, она была еще молода и с детьми на руках. Наверное, это было самым сложным решением в ее жизни, но она последовала совету и через какое-то время вышла замуж снова. Мой дед был направлен в пансионат для бывших военных с психическими расстройствами.

Развод моих деда и бабушки имел катастрофические последствия для семьи. Бабушка снова вышла замуж, но ее второй муж подолгу оставался без работы и даже то малое, что зарабатывал, проигрывал в азартные игры. Стабильного дохода не было, и долги за аренду квартиры стали расти. В один из дней семья вернулась домой и обнаружила, что их мебель свалена во дворе, а дверь заперта на висячий замок. Администрация выселила их за неуплату – они остались без дома.

Детей на какое-то время взял к себе друг семьи. Мой отец был старшим среди своих сводных братьев и сестер. Затем они переехали с моей бабушкой в приют для бездомных. Отцу в качестве прощального подарка от друга семьи достался конструктор «Лего». Приют состоял из крошечных комнат с общими туалетами, ванной и кухней. Комнаты соединялись узкими коридорами, а пол был покрыт красным бетоном. Отец научился различать членов персонала по звуку шагов. Одного из них он прозвал «Кованый сапог».

Семье отвели две тесных комнаты с минимумом мебели. Никаких телевизоров или радио. В одной комнате – детской – стояли три маленькие кровати. В бабушкиной комнате помещались лишь кровать, стол и стул. Мужчины внутрь не допускались, поэтому ее муж был вынужден снимать комнату над магазином. Все то время, что семья жила в приюте, они оставались в разлуке.

Жизнь в приюте была тяжелой – помимо спартанских условий, там не было никакой возможности уединиться, так как запираеть дверь на замок не разрешалось. Персонал был строг и поддерживал в учреждении армейскую дисциплину. Семья провела в этом ненавистном месте полтора года. Их пребывание там скрашивалось

---

⁵ Битва при Дюнкерке – сражение Второй мировой войны между войсками Германии и союзными силами нескольких стран (Англии, Франции, Бельгии). Битва под французским городом Дюнкерк длилась с 26 мая по 4 июня 1940 года. Немцы одержали тактическую победу, силы союзников оказались блокированы. Британское правительство предприняло масштабную операцию по их эвакуации морем.

лишь дружбой, которую моя бабушка завела с управляющей приютом, миссис Джонс. Со временем семья переехала в новый дом.

Мой отец впервые встретил собственного отца в одиннадцать лет. К тому времени его приступы стали реже, и днем его отпускали работать в сапожной мастерской. Вечером он возвращался в пансионат. Мой отец был очень мал, когда у деда развилась болезнь, и потому ничего о нем не помнил и даже не знал, как он выглядел. Они встретились в доме того самого друга семьи, который помог ему и его сводным братьям и сестрам несколькими годами раньше. Отец помнит, как пожал руку седому нескладно одетому мужчине, и кто-то ему сказал: «Это твой папа». Со временем они сблизились.

С возрастом здоровье деда стало быстро ухудшаться. Отец старался навещать его в больнице как можно чаще. Отцу был 21 год, когда дед умер – после инсульта и очередного приступа у него отказали органы. Судя по воспоминаниям, он был добрым и любящим человеком. Жаль, что мне не довелось его увидеть.

Мне чрезвычайно повезло жить в век развитой медицины, и поэтому эпилепсия совсем не так драматично отразилась на моей судьбе. После того, как начались приступы и мне был поставлен диагноз, думаю, больше всего моих родителей пугала вероятность, что я не смогу жить той «нормальной» жизнью, которую они мне так сильно желали. Для них, как и для многих родителей, нормальность была синонимом счастливой и продуктивной жизни.

Приступы больше не повторялись – как и бывает в 80% случаев больных эпилепсией, лечение оказалось эффективным. Думаю, именно это помогло матери смириться с моей болезнью. Она всегда очень остро воспринимала то, что я был другим, более уязвимым, нуждающимся в дополнительной заботе, любви и поддержке. Порой она могла распереживаться от самой мысли, что у меня в любой момент может случиться приступ. Тогда она уходила в другую комнату и тихо плакала. Я помню, как отец говорил мне не ходить туда, когда мама была расстроена.

Мне было сложно уловить мамины чувства. Я был по-прежнему погружен в собственный мир и увлечен различными мелочами; настроения членов семьи или какое-либо напряжение в доме от меня ускользали. Иногда мои родители ссорились, как, наверное, большинство родителей, по поводу воспитания детей или решения разных проблем. Когда они ругались, их голоса приобретали темно-синий цвет у меня в голове. Я ложился на пол, прижимался лбом к ковру и зажимал уши руками, пока шум не стихал.

Отец следил за тем, чтобы я каждый день по расписанию принимал таблетки, запивая их стаканом молока или воды. Мне давали карбамазепин, а это значило, что каждый месяц я должен был ездить в больницу сдавать анализ крови, так как побочные эффекты этого лекарства могли повлиять на печень. Мой отец чрезвычайно пунктуален, поэтому мы всегда приезжали в больницу как минимум за час до назначенного времени. Мы сидели на неудобных пластиковых стульях, но я помню, что не хотел вставать сам и ждал, пока первым встанет отец. Стульев там было много, и я коротал время, пересчитывая их снова и снова.

Когда медсестра называла мое имя, отец проходил вместе со мной в маленький занавешенный закуток, где я садился на стул, а медсестра закатывала мне рукав и протирала спиртом кожу возле локтевого сгиба. Я много раз сдавал кровь, так что со временем процедура стала привычной. Медсестра советовала отвернуться, пока вводится игла, но я сидел неподвижно, пристально глядя, как прозрачная трубочка над иглой наполняется темно-красной кровью. Закончив, медсестра снова протирала место укола, прикладывала кусочек ваты и заклеивала его пластырем с улыбающейся рожицей.

Одним из самых частых побочных эффектов от лекарства была повышенная чувствительность к свету. В летние месяцы, пока брат играл в саду или в парке, я сидел дома. Меня это не огорчало – даже сегодня от солнечного света я испытываю зуд и дискомфорт и поэтому редко выхожу на улицу в ясную погоду. После приступов родители еще больше не спускали с меня глаз, так что я много времени проводил в гостиной, где мама могла приглядывать за мной, пока я смотрел телевизор либо играл с монетками или бусинами, которые мне давали.

Также к побочным эффектам, посещавшим меня, относились головокружение и сонливость. Когда у меня начинала кружиться голова, я садился там же, где был, скрестив ноги, и ждал, когда все пройдет. Иногда родителям бывало неловко, когда они шли со мной по улице, а я вдруг останавливался и садился прямо посреди тротуара. К счастью, приступы головокружения длились недолго, буквально несколько секунд. Однако, непредсказуемость этих моментов и потеря контроля пугали меня, поэтому после я часто начинал злиться и плакать.

Существует тесная связь между эпилепсией и сном. У страдающих эпилепсией часто встречаются нарушения сна. Некоторые ученые полагают, что такие явления, как ночные кошмары или хождение во сне (сомнамбулизм), – это результат ночной судорожной активности мозга. Примерно лет с шести и до начала подросткового периода я тоже ходил во сне, иногда чаще, иногда реже. Сомнамбулизм возникает в первые три часа сна, когда мозговые волны спящего имеют увеличенную амплитуду, а сон глубокий и лишен сновидений. Обычно человек, ходящий во сне, не реагирует, если с ним заговорить, а при пробуждении не помнит, что с ним было. В моем случае, я выбирался из кровати и начинал ходить по комнате по одному и тому же маршруту. Иногда я принимался стучать в стены или в дверь своей комнаты. Родители просыпались, приходили и аккуратно сопровождали меня обратно в кровать. Будить ходящего во сне не опасно для его здоровья, но это может напугать его и дезориентировать.

Родители приняли несколько мер предосторожности, чтобы со мной ничего не случилось. Каждый вечер они убирали все игрушки с полу и оставляли включенным свет в коридоре. Кроме того, они приделали дверцу наверху лестницы после того, как однажды я во сне спустился вниз и добрался до кухни, где меня и нашли, когда я пытался открыть дверь, ведущую в сад.

Неудивительно, что днем я часто ощущал себя совершенно без сил и хотел только спать и ничего больше. В школе я нередко опускал голову на парту и засыпал прямо на уроке. Учителя, которым родители подробно рассказали о моих проблемах, всегда относились ко мне с

пониманием и терпением. Часто бывало так, что, проснувшись через десять, двадцать или тридцать минут, я в растерянности обнаруживал, что класс пуст, а все дети бегают на игровой площадке, но учительница помогала мне прийти в себя.

Разнообразные побочные эффекты от лекарств сильно повлияли на мой первый год учебы в школе. Мне было трудно сосредоточиться, я быстро уставал. В классе я был последним, кто освоил алфавит. Моя учительница, миссис Лемон, поощряла меня разноцветными наклейками, когда я делал меньше ошибок в буквах. Я не испытывал стыда или неуверенности из-за того, что отставал от других детей. Они просто не были частью моего мира.

Дважды в год вместе с отцом я посещал Вестминстерскую детскую больницу в Лондоне, где мне сканировали мозг, чтобы проверить мое состояние. Мы ехали на такси, прибывали, как обычно, сильно заранее, а затем ждали, когда нас позовут. За эти годы я, должно быть, провел в больничных коридорах многие и многие часы.

Через три года было решено постепенно снять меня с противосудорожных препаратов. Мама паниковала от мысли, что эпилепсия может вернуться, но, к счастью, приступы больше не повторялись. Побочное действие лекарств сошло на нет, и моя успеваемость в школе улучшилась.

Не ясно, оказала ли эпилепсия какой-то длительный эффект на мой мозг и на то, как он работает. Во время моих детских приступов судорожная активность начиналась в левой височной доле, а некоторые исследователи предполагают, что савантические способности могут объясняться травмой левого полушария и, как следствие, компенсацией правого. Дело в том, что способности, которые чаще всего наблюдаются у савантов, связаны именно с правым полушарием – включая таланты, связанные с числами и вычислениями.

Однако, сложно сказать, является ли эпилепсия причиной или симптомом повреждения левого полушария. Возможно, мои приступы появились в результате уже существовавшего повреждения мозга, может быть, полученного еще при рождении.

По этой причине оказалось, что мои особенности восприятия представляют интерес для ученых. Меня пригласили принять участие в эксперименте, который проходил в Центре исследования аутизма в Кембридже осенью 2004 года. Руководит центром Саймон Барон-Козэн, профессор психопатологии развития и ведущий специалист в области расстройств аутистического спектра.

Эксперимент проверял так называемую теорию слабой центральной когерентности. Согласно ей, люди, находящиеся в спектре аутизма, лучше воспринимают детали в ущерб общей информации, тогда как большинство людей обращают внимание, прежде всего, на контекст и общий смысл, часто упуская мелкие детали. Например, исследования говорят о том, что аутичные дети лучше узнают знакомые лица на фотографиях, если им показать только фрагмент лица (по сравнению с контрольной группой неаутичных детей).

В тесте Навона участникам предлагается распознать заданный образ, показанный на «локальном» или «глобальном» уровне. Когда я проходил тест, меня просили нажимать кнопку левой рукой, если я видел на экране букву А, и правой, если не видел. Изображения

сменялись очень быстро, так что отвечать нужно было не задумываясь. В нескольких случаях я нажимал «нет», а секунду спустя мой мозг понимал, что расположение других букв действительно образовывало собой форму буквы А. Этот эффект называется зрительной интерференцией, он часто применяется в оптических иллюзиях. Для большинства людей доминирует глобальный образ – например, если им показать букву Н, составленную из маленьких букв А, сначала они увидят Н, тогда как А заметят не сразу. В моем же случае, как и в случае большинства аутичных людей, интерференция работает противоположным образом: мне сложно заметить очертания большой буквы, поскольку мой мозг автоматически сосредотачивается на отдельных деталях.

Н	А	А
Н Н	А	А
Н Н	А	А
Н Н Н Н	А	А А А А
Н Н	А	А
Н Н	А	А

На рисунке слева показана буква А, состоящая из маленьких Н, а справа – буква Н, состоящая из маленьких А.

В Австралии профессор Аллан Снайдер, руководитель Центра изучения разума при Сиднейском университете, привлек большое внимание своими утверждениями о том, что он способен вызвать у испытуемых савантические способности, используя процедуру под названием транскраниальная магнитная стимуляция (ТМС).

В медицине ТМС используется во время операций на мозге, чтобы стимулировать или подавлять различные участки мозга – таким образом, врачи могут отслеживать результаты операции в реальном времени. Это неинвазивная процедура, которая, по всей видимости, не имеет серьезных побочных эффектов.

Профессор Снайдер полагает, что аутичное мышление – это не принципиально иная форма мышления, а лишь крайняя разновидность нормальности. По его словам, временно подавив с помощью ТМС определенную деятельность мозга – например, способность к абстрактному и контекстуальному мышлению – можно открыть доступ к частям мозга, отвечающим за получение чистой, не отфильтрованной информации. Таким образом, Снайдер надеется усовершенствовать работу мозга, отключив некоторые его участки и изменив восприятие человека.

В своем эксперименте профессор использует сетку электродов, подключенных к аппарату ТМС. Через электроды аппарат посылает переменные магнитные импульсы в височные доли мозга. Некоторые из испытуемых, прошедших такую процедуру, утверждают, что они временно стали лучше рисовать и замечать ошибки на письме; их рисунки животных стали более детальными и реалистичными, а чтение – более внимательным.

Большинство людей читают, распознавая знакомые слова группами. По этой причине многие пропускают мелкие орфографические ошибки или повторяющиеся слова. Например:

*Лучше синица в руках,
чем журавль в
в небе.*

При беглом чтении большинство людей не замечает лишнего предлога «в».

То, что я воспринимаю информацию частями, а не целиком, имеет свои плюсы – благодаря внимательности к деталям, я очень быстро нахожу ошибки в тексте. Бывало, по воскресеньям, листая страницы свежей газеты, я доводил родителей до крайнего раздражения, указывая на каждую обнаруженную мной грамматическую или орфографическую неточность. «Ну почему ты не можешь просто читать газету, как все?» – восклицала мама после того, как я в двенадцатый раз демонстрировал ей ошибку в тексте.

Профессор Снайдер утверждает, что савантические способности могут быть у каждого, но большинство людей не в состоянии их раскрыть. Он полагает, что мои эпилептические припадки могли сыграть роль, схожую с действием магнитных импульсов ТМС – они воздействовали на определенные участки моего мозга и открыли путь к моим вычислительным талантам и особому восприятию.

Есть и другие примеры людей, которые обрели савантические способности в результате болезни или травмы мозга. Один из таких – Орландо Серрелл, получивший удар бейсбольным мячом по голове в возрасте десяти лет. Через несколько месяцев после травмы он начал запоминать и воспроизводить огромное количество информации, включая номера автомобилей, тексты песен и прогнозы погоды.

Похожие трансформации отмечаются и у некоторых пациентов, страдающих лобно-височной деменцией (ЛВД) – дегенеративной болезнью мозга, которая поражает лобные и височные доли мозга. По мере того как болезнь прогрессирует, она влияет на личность, поведение и память человека. ЛВД чаще всего возникает в возрасте от сорока до семидесяти лет.

Брюс Миллер, невролог из Калифорнийского университета в Сан-Франциско, сообщает, что у некоторых из его пациентов с ЛВД спонтанно развивается интерес и способности к рисованию и музыке. Сканирование мозга таких пациентов показывает, что кровообращение или метаболизм в их левой височной доле заметно снижены, тогда как правое полушарие, отвечающее за обработку визуальной и пространственной информации, сохранено гораздо лучше.

Возможно, мои детские приступы действительно сыграли важную роль в том, кем я стал. Многие другие люди тоже испытывали нечто подобное по отношению к своей эпилепсии. Среди них русский писатель Федор Достоевский, автор таких классических произведений, как «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы». Он страдал редкой формой височной эпилепсии под названием экстатическая эпилепсия. У Достоевского приступы случались в основном по ночам и охватывали все тело. Под влиянием своей болезни он создал персонажей-эпилептиков в четырех из своих романов: это Кириллов в «Бесах», Смердяков в «Братьях Карамазовых», Нелли в «Униженных и оскорбленных» и князь Мышкин в «Идиоте».

Достоевский описывал свои переживания эпилепсии следующим образом:

На несколько мгновений я испытываю такое счастье, которое невозможно в обыкновенном состоянии, и о котором не имеют понятия другие люди. Я чувствую полную гармонию в себе и во всем мире и это чувство так сильно и сладко, что за несколько секунд такого блаженства можно отдать десять лет жизни, пожалуй, всю жизнь.⁶

Я почувствовал, что небо сошло на землю и поглотило меня. Я реально постиг Бога и проникнулся им. Вы все, здоровые люди, не подозреваете, что такое счастье, которое испытываем мы, эпилептики, за секунду перед припадком.⁷

Считается, что писатель и математик Льюис Кэрролл также страдал височной эпилепсией, что, возможно, отразилось в содержании его самой известной книги, «Приключения Алисы в Стране Чудес». К примеру, следующий фрагмент описывает опыт непровольного падения, что очень похоже на ощущение от эпилептического припадка:

Алиса не успела опомниться, как полетела куда-то вниз, точно в глубокий колодец. «После такого падения, – думала Алиса, – мне уже не страшно будет упасть с лестницы». Размышляя так, Алиса падала всё ниже, ниже и ниже. «Неужели этому не будет конца?»⁸

Некоторые исследователи вообще полагают, что эпилепсия и творческие способности могут быть взаимосвязаны. Писательница Ева Лапланте говорит об этом в своей книге «Височная эпилепсия как явление в медицине, истории и искусстве».⁹ Она приводит в пример знаменитого художника Винсента ван Гога, который страдал от сильных припадков, которые повергали его в состояние депрессии, смятения и тревожности. Несмотря на свою болезнь, ван Гог создан сотни акварелей, рисунков и масляных картин.

Когда мне было лет восемь, я в течение нескольких месяцев сочинял истории и исписывал ими длинные листы печатной бумаги. Я мог сидеть часами, покрывая страницу за страницей плотными строками слов. Родителям приходилось покупать для меня огромные рулоны бумаги, потому что она все время заканчивалась. У меня был чрезвычайно мелкий почерк – одна из учительниц жаловалась, что ей приходилось надевать более сильные очки, чтобы читать мои работы – поскольку я боялся, что бумага закончится, и мне не на чем будет писать.

Насколько я помню, истории, которые я придумывал, были полны описаний – я мог целую страницу описывать различные детали какого-то одного места, все цвета, формы и фактуры, которые его наполняли. В моих текстах не было диалогов, не было эмоций. Я писал о длинных ветвящихся тоннелях, пролегающих глубоко под бескрайними мерцающими океанами, о скалистых пещерах и о башнях, возвышающихся до небес.

Мне не приходилось обдумывать то, что я писал, слова, казалось, текли сами собой. Однако, даже без какого-либо четкого плана истории

---

6 Цит. по книге "Воспоминания и исследования о творчестве Ф. М. Достоевского" (В. А. Соллогуб и др.)

7 Цит. по книге "Мемуары" (С. В. Ковалевская).

8 Пер. А. Рождественской.

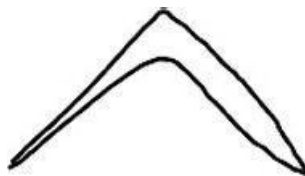
9 Eve LaPlante, "Seized: Temporal Lobe Epilepsy as a Medical, Historical and Artistic Phenomenon".

всегда получались связными. Когда я показал один из рассказов своей учительнице, он ей так понравился, что она зачитала несколько фрагментов из него перед классом. Моя страсть к письму вскоре исчезла так же внезапно, как и нахлынула. Однако, она принесла мне восхищение языком и словами, которое остается со мной по сей день.

Благодаря развитию медицины и техники, сегодня все больше и больше людей, страдающих эпилепсией, могут жить без приступов. Стигматизация такого диагноза, как эпилепсия (и аутизм), быстро ослабевает. Однако, расстройства, связанные с работой мозга, по-прежнему остаются непонятными для многих. Я бы советовал родителям, у чьих детей диагностировали эпилепсию, узнавать как можно больше об этой болезни и, самое главное, поддерживать в детях веру в себя и в свои мечты, потому что именно это формирует будущее каждого человека.

4

Школьные дни

Школьная пора началась для меня в сентябре 1984 года, как раз когда мой брат Ли пошел в детский сад. На занятия меня отводил отец, что стоило ему немало терпения – я шел очень медленно и то и дело останавливался, подбирая мелкие камушки пальцами ног. Моя учительница, миссис Лемон, была высокой худощавой дамой с коротко стриженными темными волосами. Мне нравилась ее фамилия – всякий раз, как я ее слышал, я тут же представлял себе форму и цвет лимона¹⁰. «Лимон» было одним из первых слов, которые я научился писать.

Сразу за школьными воротами находился гардероб, где дети оставляли верхнюю одежду. Мне не нравилось туда заходить, потому что там было всего одно маленькое окошко под потолком и всегда стоял полумрак. Я так боялся, что потеряю свое пальто среди других или по ошибке возьму похожее, что взял в привычку считать крючки, чтобы понять, какой из них мой. Если я приходил и оказывалось, что мой крючок уже занят, меня охватывала паника и растерянность. Помню, как однажды я вошел в класс прямо в пальто, потому что на моем крючке уже висело чужое – хотя вокруг было много свободных вешалок.

Класс, где мы занимались, был комнатой прямоугольной формы с дверью с правой стороны. Внутри стояли ряды шкафчиков, куда дети убирали свои карандаши и бумагу – на каждом шкафчике значилось полное имя ученика. Кроме того, каждому из нас была выдана пластиковая папка, в левом верхнем углу которой также была наклеена полоска с именем. В папку мы клали свои книги для чтения и тетради, сверху она застегивалась на цветную молнию. Своей папкой я пользовался с величайшей аккуратностью и всегда складывал книги на место после занятий.

Моя парта стояла в заднем ряду возле окна, обклеенного цветной бумагой и детскими рисунками. Со своего места я мог видеть остальных детей, не встречаясь с ними взглядом. Я не помню ни имен, ни лиц тех, с кем учился в младших классах – они всегда были для меня скорее объектами, между которыми приходилось лавировать и мириться с их присутствием, чем людьми, с которыми можно было общаться и играть.

Когда я стоял или ходил по классу, я часто держал руки прижатыми к себе на уровне груди. Иногда я сжимал пальцы в кулак, а затем разгибал их по одному и просто стоял на месте, указывая одним или несколькими пальцами в потолок. Однажды я отогнул средний палец, и вдруг ко мне подошел мальчик и сказал, что я ругаюсь. «Как

¹⁰ Lemon – по-английски «лимон».

можно ругаться пальцем?» – спросил я. Вместо ответа он громко позвал учительницу, и та отчитала меня за грубое поведение.

При этом мне очень нравились школьные утренние линейки. Прежде всего, они были предсказуемыми и начинались каждое утро в одно и то же время. Учительница выводила нас из класса, просила построиться в алфавитном порядке и вела нас в актовЫй зал. В зале ровными рядами сидели дети из других классов. Мы проходили мимо них и садились позади. Ощущение порядка и четкой последовательности событий успокаивало меня. Бывало, я садился прямо на пол и закрывал глаза, слегка покачиваясь и тихо напевая под нос – я часто так делал, когда мне было хорошо и спокойно.

Самая лучшая часть линейки начиналась, когда все пели духовные гимны: особенно я любил “He’s Got the Whole World in His Hands” и “Oats, Peas, Beans and Barley Grow”. Я закрывал глаза и внимательно слушал, как дети поют вместе, и ноты сливаются в ровный и плавный ритм. Музыка всегда наполняла меня покоем и радостью. Линейка была моей любимой частью школьного дня.

Когда пришло мое первое школьное Рождество, настало время рождественской пьесы. Мне поручили роль одного из пастухов. Я холодел от мысли, что придется стоять на сцене перед целой школой – перед всеми детьми, учителями и родителями. Я был напуган настолько, что отказывался примерять костюм пастуха или обсуждать свою роль с учительницей. В конце концов, маме удалось подкупить меня конфетами, и я согласился участвовать. Я простоял на сцене, все время глядя в пол, но это не помешало моим родителям сказать потом, как они мной гордятся. После пьесы я не захотел расставаться с костюмом, и родители убедили учительницу одолжить нам его на рождественские каникулы. В ту ночь и все последующие ночи, до самого Нового года, я спал в плаще и шапке пастуха.

Занятия в классе давались мне непросто – мне было тяжело сосредоточиться, когда другие дети болтали между собой или кто-то ходил по коридору снаружи. Мне очень трудно фильтровать внешний шум, и я регулярно затыкаю уши пальцами, чтобы сфокусировать внимание. У моего брата Стивена та же проблема, поэтому он надевает беруши каждый раз, когда хочет почитать или подумать.

Когда я писал в тетради, то корпел над каждой буквой, каждым словом и каждой запятой. Если я замечал помарку или ошибку, то стирал все и начинал заново. Такой перфекционизм порой приводил к тому, что работал я с черепашьей скоростью, и к концу урока был совершенно без сил, а результат оставался мизерным. При этом я никогда не беспокоился, что учительница сочтет меня ленивым или неспособным, и меня не волновало, что думают другие дети. Понятие «учиться на ошибках» было мне незнакомо.

Письмо всегда представляло для меня проблему. Выводить некоторые буквы, например, *g* и *k*, было особенно утомительно, потому что я никак не мог запомнить, как они пишутся. Я тренировался, исписывая этими буквами целые листы, но их петельки и крючки казались слишком запутанными, и прошло еще немало времени, прежде чем я научился писать их уверенно. Я отставал еще и потому, потому не умел писать слова безотрывно. Если отдельные буквы были сложны сами по себе, то такие сочетания, как *gh* и *th* было практически

невозможно написать слитно. Даже сегодня большинство букв в слове я пишу по отдельности.

Одной из вещей, которую каждый ученик регулярно уносил домой из школы, была старая жестяная банка, наполненная полосками бумаги. На каждой полоске значилось по одному слову, в написании которого нужно было тренироваться. Каждую неделю мы писали самостоятельную работу по выученным словам. Я всегда получал за них хорошие оценки, потому что мог мысленно представить себе каждое слово в зависимости от формы букв, которые его составляли. Например, слово *“dog”* (собака), состоит из трех кружков с палочкой вверх на первой букве и петелькой вниз на последней. На самом деле, это слово и вправду похоже на собаку, если представить, что палочка – это собачье ухо, а петелька внизу – это хвост. Точно так же, две буквы *“o”* в слове *“look”* (смотреть) напоминали мне пару глаз. Палиндромы – слова, которые одинаково читаются слева направо и справа налево – например, *“mum”* (мама) и *“noon”* (полдень) казались мне очень красивыми, и их я любил особенно.

Примерно в то время, как я пошел в школу, у меня возникла большая любовь к сказкам. И сами сюжеты, и подробные иллюстрации к ним будоражили мое воображение. Я представлял себя города, по улицам которых текла каша из волшебного горшка, и принцесс, спавших на постелях с сотней перин (и единственной горошиной под ними). Одной из моих любимых сказок был знаменитый «Румпельштильцхен» братьев Гримм. Я любил слушать перед сном, как родители перечисляют причудливые имена, которыми королева пыталась назвать карлика, умевшего прясть золото из соломы: Каспар, Мельхиор, Бальцер, Риппенбист, Гаммельсваде, Шнюрбейн...

Еще одна сказка, которая сильно мне запомнилась – это «Каменный суп». В ней рассказывалось, как в одну деревню пришел солдат и попросил у жителей еды и ночлега. Жадные и недоверчивые жители отказали ему, и тогда он объявил, что приготовит для всех суп из камня – и для этого ему понадобится лишь камень, котел и вода. Люди столпились вокруг, а солдат принялся за готовку, в предвкушении облизывая губы. «Суп из камня, конечно, неплох, но вот бы туда еще капусты...» – громко сказал он, будто бы размышляя вслух. Один из жителей подошел и дал ему кочан капусты. Тогда солдат сказал: «Помню, однажды я добавил в суп чуть-чуть солонины – так вышел суп достойный самого короля!» Тут же деревенский мясник принес ему кусок солонины. Так, один за другим, жители стали приносить ему картошку, лук, морковь, грибы и прочее – и в конце концов получился вкуснейший суп для всей деревни. В то время история меня сильно озадачила, потому что понятие обмана было мне незнакомо. Я не понял, что солдат притворился, будто готовит суп из камня, чтобы люди дали ему настоящей еды. Только много лет спустя я наконец догадался, о чем эта история.

Однако, некоторые сказки меня чересчур пугали. Раз в неделю в класс привозили телевизор на столике с колесиками и показывали образовательную программу. На канале BBC шла серия детских передач «Смотрим и читаем», и одной из самых популярных программ был сериал «Темные башни» – о девочке, которая вместе со своей

собакой искала сокровище в таинственном старом особняке под названием «Темные башни». Сериал длился десять недель.

В первой серии девочка Трейси обнаруживает этот особняк и узнаёт, что там водятся призраки. В конце серии семейный портрет начинает раскачиваться, и в комнате становится очень холодно. Трейси слышит голос, который говорит ей, что дому грозит опасность, и она должна помочь его спасти. Я помню, как смотрел сериал вместе со всеми. В классе стояла тишина, и я сидел, сжав ноги вместе и бесшумно покачивая ими под стулом. До самого конца я не ощущал никаких эмоций, а потом в голове будто щелкнул выключатель, и я вдруг понял, что мне страшно. Разрыдавшись, я выскочил из класса и отказывался возвращаться, пока телевизор не убрали. Сейчас я могу понять, почему остальные дети дразнили меня и называли плаксой. Мне было почти семь, и никто из одноклассников не был ни капли напуган или расстроен этим фильмом. Так или иначе, с тех пор каждую неделю меня отводили в кабинет директора, где мне разрешалось пождать, пока класс смотрел очередную серию. У директора в кабинете был свой маленький телевизор, и я помню, как смотрел по нему автогонки – машины мчались по трассе, проходя один круг за другим. За ними я мог наблюдать спокойно.

Еще один сериал из цикла «Смотрим и читаем», который произвел на меня сильное впечатление, назывался «Сквозь глаз дракона». В нем трое детей прошли сквозь рисунок, который они нарисовали на стене игровой площадки, и оказались в странном мире под названием Пеламар. Миру грозила гибель, и чтобы вернуть ему жизненную силу, дети должны были собрать светящееся шестиугольное устройство, части которого разбросало взрывом. Искать недостающие фрагменты детям помогал добрый дракон Горвен.

В этот раз истерики у меня не было. Во-первых, я был старше, мне уже исполнилось десять. Во-вторых, сериал меня на самом деле увлек. Он был очень красиво снят. Путешествуя по волшебной стране, дети оказывались среди разнообразных красочных пейзажей. Несколько персонажей сериала, хранители жизненной силы, были с головы до ног окрашены в яркие цвета – фиолетовый, оранжевый и зеленый. Еще там была огромная говорящая мышь и гигантская гусеница. В одной из сцен снежинки падали с неба и опускались в ладони детям, превращаясь в буквы, из которых складывались слова (это была подсказка, чтобы помочь детям отыскать недостающие части). В другой серии звезды складывались в сияющие указатели для летящего по ночному небу дракона. Такие сцены завораживали меня, потому что история большей частью рассказывалась с помощью картинок, и мне это было намного понятнее, чем диалоги.

С тех пор, приходя домой из школы, я непременно садился смотреть телевизор. Мама вспоминает, что я сидел очень близко к экрану и начинал злиться, если она уговаривала меня отодвинуться, чтобы поберечь зрение. Даже в теплую погоду я оставался в куртке и не снимал ее все то время, что смотрел разные передачи, а иногда и дольше. Мне она казалась дополнительным слоем защиты от окружающего мира, как доспехи для рыцаря.

Тем временем, наша семья росла. Родители вовсе не были религиозны, но они любили детей и всегда мечтали о большой семье.

Моя сестра Клэр родилась в том же месяце, как я пошел в школу, а два года спустя появился на свет Стивен. Вскоре после этого мама обнаружила, что беременна пятым ребенком – это будет мой брат Пол – и нам потребовалось переехать в более просторный дом. Поначалу я мало реагировал на растущую компанию родственников. Пока братья и сестра шумели, играли и бегали в нижних комнатах и в саду, я сидел и играл сам с собой в тишине своей спальни. В итоге, однако, их присутствие повлияло на меня очень положительным образом: оно вынудило меня постепенно развивать свои навыки общения. То, что вокруг всегда были люди, научило меня лучше справляться с шумом и переменами. Я также стал учиться взаимодействовать с другими детьми, молча наблюдая, как братья и сестра играют между собой и с друзьями, из окна своей спальни.

В середине 1987 года мы переехали в дом номер 43 по Хедингем-роуд. Интересно, что номера всех трех домов, где я провел детство, представляют собой простые числа: 5, 43, 181. Что еще замечательнее, номера соседей тоже были простыми числами: 3 (и 7), 41, 179. Такие сочетания – когда простые числа отличаются друг от друга на двойку – называются «близнецами». Чем больше числа, тем реже встречаются простые-близнецы. Например, чтобы найти соседей с простыми номерами, начинающимися на 9, понадобилась бы очень длинная улица: первая такая пара – это 9011 и 9013.

Год нашего переезда отличался на редкость суровой погодой. Такого холодного января на юге Англии не было более ста лет – местами температура опускалась ниже -22 градусов Цельсия, и поэтому в школе иногда отменяли занятия. Кроме того, холод принес сильные снегопады. Дети на улице играли в снежки и катались на санках, но меня вполне устраивало сидеть у окна и смотреть, как с неба кружась, падают снежинки. Позже, когда все разошлись по домам, я выходил в сад и лепил из снега одинаковые колонны в несколько футов высотой. Если смотреть из окна моей спальни, они образовывали круг – мою любимую фигуру. Однажды к нам пришел сосед и сказал моим родителям: «Ваш сын построил из снега Стоунхендж».

1987 год был также годом большого октябрьского шторма – сильнейшего на юго-востоке Англии с 1703 года. Скорость ветра достигала 100 миль в час, и в результате вызванных штормом разрушений погибло восемнадцать человек. В ту ночь я лег спать, но никак не мог заснуть. Родители недавно купили мне пижаму, новая ткань была кусачей, и я все время вертелся в кровати. Окончательно я проснулся от громкого треска – ветер срывал черепицу с крыши. Я забрался на подоконник и выглянул в окно: снаружи стояла кромешная тьма. Однако, для осени было необычно тепло, мои ладони вспотели и липли к подоконнику. Затем я услышал, как к моей комнате приближается скрип шагов. Дверь отворилась, и в комнату вплыл оранжевый огонек, дрожавший над толстой и длинной белой свечой. Я смотрел на него, не отрывая глаз, пока мамин голос не спросил: «У тебя все хорошо?» Я ничего не ответил, потому что она протягивала свечу вперед, и я не мог понять, хочет ли она отдать ее мне, как ту ярко-красную свечку на торте, что был на мой прошлый день рождения. Но

сейчас мне не хотелось брать свечу, потому что мой день рождения еще не настал. «Хочешь горячего молока?» – спросила мама.

Я кивнул и медленно спустился на кухню следом за ней. Повсюду было темно, электричества не было, ни один выключатель не работал. Я сел за стол и стал пить пенистое молоко, которое мама подогрела и налила в мою любимую кружку, разрисованную цветными горошинами – я всегда из нее пил. Когда мама отвела меня обратно в мою комнату, я забрался в кровать, натянул одеяло на голову и заснул.

Утром меня разбудил отец и сказал, что уроков в школе сегодня не будет. Выглянув из окна спальни, я увидел разбросанные куски черепицы и крышки мусорных баков. Люди стояли маленькими группками и разговаривали между собой, качая головами.

Вся наша семья собралась на кухне и смотрела в окно на сад за домом. Ураганный ветер вырвал из земли большое дерево в дальней стороне сада – его ветви и корни распростерлись по траве. Лишь через несколько недель его удалось распилить и убрать. А до этого я провел много радостных часов, в одиночку лазая по стволу дерева и среди веток. Домой я возвращался неизменно покрытый грязью, ссадинами и всяческими букашками.

Дом на Хедингем-роуд стоял всего через улицу от моей школы. Из окна спальни я видел учительскую парковку, и это придавало мне спокойствия. Каждый день после школы я бежал в спальню и смотрел, как разъезжаются машины. Я считал их по одной по мере того, как они уезжали, и помнил каждый номерной знак. Только когда последние машины покидали стоянку, я слезал с подоконника и шел ужинать.

Мое самое яркое воспоминание о том доме – это выстиранные пеленки, сохнувшие над камином, и младенцы, плачущие на коленях родителей в ожидании молока. Через год после переезда мама родила в шестой раз, и это были близнецы – Мария и Наташа. Мама особенно радовалась появлению девочек. Имея четырех сыновей и только одну дочь, она мечтала уравновесить соотношение. Когда мама вернулась из больницы, она позвала меня, чтобы я спустился и посмотрел на новорожденных сестер. Стоял июль, разгар лета, и я видел, что ей было жарко, потому что к ее лбу прилипли пряди волос. Папа сказал, чтобы я сел на диван в гостиной и держал спину прямо. Затем он осторожно взял детей, отнес их ко мне и медленно опустил так, чтобы каждая из девочек оказалась на одной из моих рук. Я посмотрел на них – у них были пухлые щечки, крошечные пальчики и одинаковые розовые распашонки с пластмассовыми пуговицами. Одна из пуговиц была расстегнута, и я ее застегнул.

Размер нашей семьи сам по себе был источником немалых сложностей. Купание всегда было шумным и сумбурным мероприятием. Каждое воскресенье, в шесть часов вечера, отец закатывал рукава и звал сыновей (меня, Ли, Стивена и Пола) в ванную для еженедельной помывки. Я ненавидел эту процедуру: за то, что приходилось делить ванну с братьями, за то, что горячая мыльная вода лилась из кувшина на волосы и лицо, за то, что братья плескались и брызгались, а горячий пар наполнял комнату. Я часто плакал, но родители настаивали, чтобы я мылся со всеми. Когда в доме столько людей, горячая вода была ценным ресурсом.

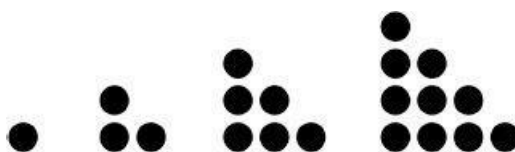
Так же, как и деньги. Имея пятерых детей младше четырех лет, родители оба сидели дома, чтобы их воспитывать. Отсутствие постоянного дохода создавало большую нагрузку на мать и отца; ссоры по поводу того, что, где и когда потратить становились все более частыми. Но даже при этом родители делали все возможное, чтобы мы не нуждались в еде, одежде, книгах или игрушках. Мама в совершенстве овладела искусством находить дешевые товары на распродажах, в секонд-хендах и на рынках, а отец поддерживал в порядке дом. У них получался очень слаженный дуэт.

Я старался держаться как можно дальше от ежедневной суеты. В семье все знали, что меня почти всегда можно найти в спальне, которую я делил с братом Ли. Даже летом, когда братья и сестры резвились на солнце, я сидел на полу комнаты, скрестив ноги и сложив руки перед собой. Подо мной был толстый мягкий ковер цвета красной глины; я часто водил по нему тыльной стороной ладони, потому что мне нравилось прикосновение его ворса к коже. В ясную погоду лучи солнца проникали в комнату, подсвечивая многочисленные пылинки, витающие в воздухе и создающие единый пронизанный светом узор. Молча сидя на одном месте, я часами наблюдал, как меняются цвета и оттенки на стенах и мебели комнаты с течением дня... то был видимый ход времени.

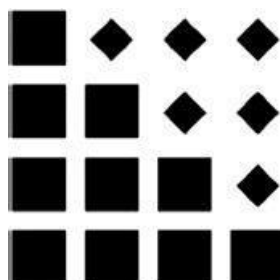
Зная мою страсть к числам, мама подарила мне книгу математических загадок для детей, которую она увидела в секонд-хенде. Насколько помню, это было в начальной школе, потому что мистер Трейвс, мой учитель, ругал меня, если я приносил книгу с собой на уроки. Он полагал, что я буду слишком много думать о числах и слишком мало уделять внимания уроку – и, конечно же, был прав.

Одна из задач в книге была следующей. В комнате находятся двадцать семь человек. Каждый из них обменялся рукопожатием со всеми присутствующими. Сколько всего рукопожатий произошло?

Прочитав задачу, я закрыл глаза и представил себе двух человек в большом пузыре. Потом я представил полусферу, примкнувшую к большому пузырю – в ней находился третий человек. Двое в большом пузырежимают руки друг другу, затем каждый из них жмет руку третьему человеку в полусфере. Это три рукопожатия на троих. Затем я представил вторую полусферу (с четвертым человеком) на другой стороне большого пузыря. Двое из большого пузыряжимают руку ему, а потом люди в полусферах жмут руки друг другу. Это шесть рукопожатий на четыре человека. Далее я добавил еще двух человек в двух других полусферах – таким образом, их стало шесть, и на них приходилось пятнадцать рукопожатий. В результате, последовательность рукопожатий выглядела следующим образом: 1, 3, 6, 10, 15 ... . И тут я понял, что всё это треугольные числа – то есть, соответствующее им число точек можно представить в форме треугольника:

Треугольные числа формируются так: 1 ; $1+2 = 3$; $1+2+3 = 6$; $1+2+3+4 = 10$ и т. д. Можно заметить, что два соседних треугольных числа образуют квадратное число, например, $6+10 = 16$ (4×4), а $10+15 = 25$ (5×5). Чтобы увидеть это, мысленно поверните шестерку, чтобы она встала в верхний правый угол над десяткой:

Поняв, что ответ на загадку с рукопожатиями – это треугольное число, я увидел закономерность, которая помогла мне получить решение. Во-первых, я знал, что первое треугольное число (единица) соответствует двум людям – минимальному количеству, необходимому для одного рукопожатия. Если последовательность треугольных чисел начинается с двух людей, то двадцать шестое число в этой последовательности будет совпадать с количеством рукопожатий, которое произведут двадцать семь человек.

Далее я заметил, что десятка (четвертое число в последовательности) соотносится с четверкой следующим образом: $10 = (4+1) \times 4/2$, и это верно для всех чисел в последовательности. Например, пятое треугольное число, 15, равняется $(5+1) \times 5/2$. Поэтому ответ на загадку равен $26+1 \times 26/2 = 27 \times 13 = 351$ рукопожатие.

Я любил решать эти загадки – они были гораздо увлекательнее, чем математика, которую преподавали в школе. Я мог часами их читать и размышлять над ответами – хоть в классе, хоть на игровой площадке, хоть дома. Страницы этой книги приносили мне одновременно удовольствие и покой, так что на какое-то время я стал с ней неразлучен.

Но что всерьез досаждало моим родителям, так это моя страсть к коллекционированию всяких мелочей – например, блестящих коричневых конских каштанов, что в больших количествах опадали осенью с деревьев вдоль длинной дороги, шедшей мимо нашего дома. Деревья я обожал всегда, сколько сам себя помню. Я любил гладить ладонями шершавую кору и водить пальцами по ее морщинам. А листья падали вниз, кружась, как те спирали, что я видел в уме, когда делил числа.

Родители не отпускали меня гулять одного, поэтому каштаны я собирал вместе со своим братом Ли. Я не возражал – он был дополнительной парой рук. Подбирая каждый каштан с земли, я сжимал его в ладони, ощущая его гладкую округлую форму (эта привычка сохранилась и по сей день – тактильное ощущение меня успокаивает, хотя теперь я использую для этого монеты или шарики).

Я набивал каштанами все карманы, пока те не начинали оттопыриваться. Это походило на навязчивую идею – я просто обязан был подобрать каждый каштан в пределах видимости и сложить их в

одно место. Я снимал ботинки, носки и тоже набивал их каштанами, а потом шел домой босиком, с полными руками и карманами.

Дома я высыпал каштаны на пол своей комнаты и принимался их пересчитывать. Отец принес мне большой полиэтиленовый мешок и попросил, чтобы я складывал их туда. Каждый день я часами собирал каштаны и относил их к себе. Мешок в углу стремительно наполнялся. Со временем родители, боясь, что от тяжести прогнетса потолок этажом ниже, вынесли мешок в сад. Они разрешали мне играть с каштанами в саду, но я не должен был приносить их домой и оставлять на полу – младшие сестры могли сунуть их в рот и подавиться. Через несколько месяцев мой интерес постепенно угас, каштаны стали покрываться плесенью, и в конце концов родители отвезли их на местную свалку.

Через некоторое время пришло увлечение всевозможными рекламными брошюрами. Их часто клали в почтовый ящик вместе с газетами или письмами, и меня приводила в восторг их блестящая глянцевая бумага и симметричная форма (что там рекламировалось, было не важно – текст меня не интересовал). Родители быстро начали жаловаться на стопки бумаг, которыми оказывались заняты все ящики и полки в доме, а особенно на то, что они рассыпались по полу, стоило открыть буфет. Как и с каштанами, моя мания постепенно сошла на нет, к большому облегчению мамы с папой.

Когда я хорошо себя вел, мне давали карманные деньги. Например, если брошюры были разбросаны по полу, родители просили меня собрать их и сложить в ящик, а за это давали мне много мелких монеток, потому что знали, как я люблю круглые предметы. Я часами аккуратно складывал монеты одну на другую, и они образовывали блестящие шаткие башни высотой по несколько футов. Мама всегда просила в магазинах сдачу мелкими монетами, так что строительного материала у меня было достаточно. Иногда я выстраивал несколько столбиков одинаковой высоты в форме круга и садился в центре, чтобы они окружали меня со всех сторон – тогда мне становилось хорошо и спокойно.

В сентябре 1988 года начались Олимпийские игры в Сеуле, столице Южной Кореи. Меня потрясло то, что я увидел на экране телевизора – еще ни разу я не сталкивался с таким разнообразием красок и звуков. Это были крупнейшие игры в истории, на них присутствовало 8465 участников из 159 стран. Пловцы рассекали сверкающую воду бассейна, которая пенилась от их движений, а их головы, как поплавки, то скрывались под водой, то возникали снова. Бегуны мчались по дорожкам стадиона, их загорелые мускулистые руки и ноги размывались в единое пятно. Гимнасты прыгали, вращались на снарядах и крутили сальто в воздухе. Я был всецело поглощен олимпийской трансляцией и, сидя в гостиной, смотрел все, что мне попадалось, независимо от вида спорта.

Было большой удачей, что учитель дал всем задание рассказать об Играх в Сеуле. Всю следующую неделю я вырезал из газет и журналов сотни фотографий спортсменов и событий, а затем наклеивал их на листы цветного картона. Отец помогал мне с ножницами. Фотографии я группировал по чисто визуальному принципу: спортсмены в красной форме наклеивались на один лист, в желтой – на

другой, в белой – на третий и так далее. На тетрадных линованных листах, самым красивым почерком, на который я был способен, я написал длинный список всех стран-участниц, упоминания о которых смог найти в газетах. Также я перечислил все представленные виды спорта, включая тхэквондо – корейское национальное боевое искусство – и настольный теннис, который в Сеуле был впервые включен в олимпийскую программу. Кроме того, я выписал подробную статистику, включая счета матчей, баллы за выступления, рекорды и медали. В итоге листов с вырезками и записями получилось так много, что отцу пришлось пробить их дыроколом и связать шнурком. На обложке я нарисовал олимпийские кольца, раскрасив их в соответствующие цвета – синий, желтый, черный, зеленый и красный. Учитель поставил мне высший балл за все усилия и время, что я вложил в проект.

Пока я читал о множестве стран, представленных на Олимпийских играх, у меня возникло желание узнать о них больше. Я помню, как взял в библиотеке книгу о языках мира. В ней мне попалось описание и изображение древнего финикийского алфавита. Финикийский алфавит возник около 1000 лет до нашей эры. Считается, что от него произошли многие современные системы письменности, включая еврейскую, арабскую, греческую и кириллицу. Так же, как арабский и еврейский, финикийский алфавит содержал только согласные буквы; гласные на письме не отображались, их нужно было определять по контексту. Слова обычно писались справа налево. Меня завораживали четкие линии и изломы этих букв. Я начал записывать целые предложения и истории финикийскими буквами, заполняя ими блокнот за блокнотом. На внутренних стенах нашего садового сарая я цветными мелками писал свои любимые слова, составленные из финикийских букв. Вот так выглядит мое имя – Дэниел:

На следующий год, когда мне было десять, умер наш пожилой сосед, и на этом месте поселилась молодая семья. Однажды к нам пришла маленькая светловолосая девочка. Она сказала, что видела на улице девочку из нашего дома (это была моя сестра Клэр), и спросила, можно ли прийти и поиграть с ней. Мама познакомила ее с моей сестрой и со мной – она решила, что для меня это будет хорошей возможностью пообщаться с другими детьми по соседству. Мы пошли к ней в гости и посидели немного на крыльце в саду ее дома. Моя сестра быстро подружилась с этой девочкой, и они часто играли вместе. Звали ее Хейди, было ей лет шесть-семь. Ее мама была родом из Финляндии, а отец шотландец, поэтому Хейди воспитывалась на английском и тогда только начинала учить финские слова.

У Хейди было несколько детских книжек с яркими картинками, которые были подписаны финскими словами. Под рисунком гладкого красного яблока стояло слово *omena*, а под рисунком ботинка было написано *kenkä*. Что-то в облике и звуке финских слов, которые я читал и слышал, казалось мне прекрасным. Пока моя сестра и Хейди играли

вместе, я сидел и читал книжки, изучая слова. Хотя они сильно отличались от английских слов, я легко и быстро их запоминал. Когда я шел домой от Хейди, я всегда оборачивался и кричал ей: «Хей-хей!» – по-фински это означало «пока!»

В то лето мне впервые разрешили самому ходить из дома в школу и обратно, благо расстояние было совсем небольшим. Вдоль дороги тянулись живые изгороди, и однажды, возвращаясь с учебы, я заметил, как по такой изгороди ползет крошечная красная букашка с черными точками. Меня настолько увлекло это зрелище, что я сел прямо на тротуар и стал наблюдать, как она обползает каждый листик и веточку, то останавливаясь, то двигаясь дальше. Я раз за разом пересчитывал точки на ее круглой блестящей спинке. Прохожие обходили меня, временами что-то ворча под нос. Должно быть, я им мешал, но в тот момент я не думал ни о чем кроме божьей коровки перед собой. Я осторожно подставил палец, чтобы она забралась на него, и побежал домой.

Раньше я видел божьих коровок только на картинках, но читал о них все, что попадалось, и знал, к примеру, что во многих странах они считаются добрым знаком, поскольку уничтожают вредителей (они способны съесть по пятьдесят-шестьдесят тлей за день) и помогают защитить урожай. В средние века крестьяне считали их помощь даром с неба и поэтому называли «божьими». Черные пятнышки божьей коровки поглощают солнечное тепло, а яркая окраска помогает отпугивать хищников, потому что яркий цвет ассоциируется с ядом. Кроме того они выделяют вещество с неприятным запахом и вкусом, поэтому хищники их не едят.

Я был взбудоражен своей находкой и хотел собрать как можно больше божьих коровок. Когда мама увидела меня на пороге с насекомым в руке, она сказала, что божьи коровки «приставучие», и нужно сказать «божья коровка, улетай на небо!» и отпустить ее. Но я не стал так говорить, потому что не хотел, чтобы она улетала. В комнате у меня была пластмассовая коробку, где я хранил свои монеты. Я опустошил ее, высыпав монеты горкой прямо на пол, и посадил коровку внутрь. Потом я снова пошел на улицу и несколько часов бродил до самой темноты, разыскивая других божьих коровок на изгородях. Каждую найденную я осторожно брал пальцами и сажал к остальным в коробку. Я читал, что божьи коровки любят есть листья и тлю, поэтому я нарвал листьев с изгороди и крапивы, на которой сидела тля, и тоже положил к ним в коробку.

Вернувшись домой, я отнес коробку в свою комнату и поставил на стол рядом с кроватью. В стенках я проковырял иголкой дырочки, чтобы божьим коровкам хватало воздуха и света, а сверху положил большую книгу, чтобы они не разлетелись по всему дому. Всю следующую неделю после школы я собирал свежие листья и тлей и подкладывал к ним. Листья я сбрызгивал водой, чтобы коровки могли пить.

В классе я без умолку болтал о божьих коровках, пока мой учитель, мистер Трейвс, не попросил меня принести их в класс. На следующий день я принес коробку в школу и показал свою коллекцию ему и остальным детям. К тому времени я уже собрал не одну сотню божьих коровок. Учитель мельком взглянул на коробку и попросил

поставить ее к нему на стол. Затем он дал мне сложенный листок бумаги и попросил отнести его учителю в другой класс. Я отсутствовал лишь несколько минут. Когда я вернулся, коробки нигде не было. Мистера Трейвса беспокоило, что божьи коровки могут разлететься по классу, и он велел одному из учеников отнести их на улицу и выпустить. Когда я понял, что случилось, мне показалось, что голова у меня сейчас взорвется. Я разрыдался, выбежал из класса и бросился напрямик домой. Я был абсолютно раздавлен. После этого я несколько недель не разговаривал с учителем и вздрагивал, если он называл меня по имени.

При этом временами мистер Трейвс был ко мне очень добр. Когда на уроках я становился слишком возбужденным и нервным, он отводил меня в музыкальный кабинет, чтобы помочь успокоиться. Он сам был музыкантом и часто играл детям на гитаре во время уроков. В музыкальном кабинете хранилось множество инструментов, включая цимбалы, барабаны и пианино, которое использовалось на различных школьных мероприятиях и концертах. Он показал мне, как разные клавиши издают звуки, и научил играть простые мелодии. Мне нравилось сидеть там и экспериментировать с клавишами. Я всегда любил музыку за то, что она помогала мне сбросить нервозность и успокоиться.

Ощущение сильной тревоги часто преследовало меня в школе. Я раздражался, когда о школьном мероприятии, в котором должны были участвовать все, объявлялось внезапно, или когда что-то менялось в привычном распорядке. Мне важна была предсказуемость – это помогало ощущать контроль над происходящим и удерживать тревогу в узде, хотя бы временно. В школе мне всегда было неуютно и мало что радовало, за исключением моментов, когда мне позволяли заниматься своими делами. От постоянного напряжения у меня часто болели голова и живот. Доходило до того, что я пропускал занятия – например, если мне случалось опоздать на несколько минут, и класс к тому времени уже уходил на линейку. Меня ужасала мысль о том, чтобы войти в зал одному. Однако, ждать суеты и гвалта возвращавшихся детей я тоже не хотел, поэтому шел домой и отправлялся напрямик в свою комнату.

Еще одним источником сильного стресса был ежегодный день спорта в школе. Меня никогда не интересовало участие в играх и вообще не волновал спорт. В этот день толпы кричащих зрителей наблюдали за соревнованиями – такими, как прыжки в мешках или бег с яйцом в ложке. Для меня же сочетание множества людей и шума (а также, зачастую, летней жары) было нестерпимым. Родители часто разрешали мне остаться дома, иначе я рисковал дойти до истерики. Когда обстановка чересчур меня будоражила, лицо у меня становилось ярко-красным, и я начинал с силой бить себя по голове, пока не становилось очень больно. Я ощущал внутри такое напряжение, что мне необходимо было сделать хоть что-то, что угодно, чтобы дать ему выход.

Однажды подобное случилось на уроке физики, когда мистер Трейвс помогал одному из учеников подготовить эксперимент, в котором был задействован пластилиновый шарик, подвешенный на нитке. Меня заинтересовало необычное зрелище – не зная, что это

часть эксперимента, я подошел и стал трогать шарик и мять его пальцами. Учитель рассердился, что я вмешиваюсь без причины (как минимум, с его точки зрения), и отчитал меня, но я совершенно не понял, чем он был недоволен. Меня все это очень огорчило и сбило с толку. Я выбежал из класса, хлопнув дверью с такой силой, что оконное стекло разлетелось на кусочки. Я до сих пор помню, как дети вскрикнули за моей спиной. Когда я прибежал домой, родители объяснили, что так реагировать нельзя, и я должен постараться больше так не делать. Им пришлось идти к директору, писать объяснительное письмо и оплачивать замену разбитого окна.

Родители придумывали разные способы, как помочь мне справляться с эмоциями. Одной из таких идей было научить меня прыгать через скакалку. Они надеялись, что это улучшит мою координацию и поспособствует тому, чтобы я больше времени проводил на свежем воздухе, а не в комнате. Получаться стало не сразу, но вскоре я уже мог прыгать достаточно долго, и при этом чувствовал себя гораздо лучше и спокойнее. Прыгая через скакалку, я считал и представлял себе форму и вид каждого числа, какими они мне казались.

Когда в классе нам раздавали листки с примерами, меня часто приводило в недоумение, что все числа были напечатаны одинаковым черным цветом. Мне казалось, что в примерах полно ошибок. Я не мог понять, почему восемь не крупнее, чем шесть, или почему девять – черная, а не синяя. Я предположил, что школе пришлось напечатать столько девяток в предыдущих примерах, что у них закончились чернила нужного цвета. Когда я писал ответы на бумаге, учитель жаловался, что моя работа неаккуратная и грязная. Он велел мне писать все числа одинаково. Но я не хотел так писать, ведь это было неправильно. Однако, остальные дети, похоже, не возражали. Только уже будучи подростком я осознал, что мое восприятие чисел совсем не такое, как у других.

С примерами я всегда справлялся быстрее всех в классе. Со временем я стал обгонять остальных буквально на целый учебник. Когда я заканчивал, меня просили тихо сидеть за партой, чтобы не мешать другим. Я клал голову на руки и думал о числах. Иногда, погрузившись в свои мысли, я начинал что-то мычать под нос, не замечая этого. Только когда учитель подходил к моей парте, я понимал, в чем дело, и останавливался.

Чтобы занять время, я создавал собственные шифры, заменяя буквы числами. Например, 24 1 79 5 3 62 означало Daniel. Я попарно группировал буквы алфавита: (ab), (cd), (ef), (gh), (ij) и так далее, а потом нумеровал каждую пару от 1 до 13: (ab) = 1, (cd) = 2, (ef) = 3, (gh) = 4, (ij) = 5 и так далее. Оставалось только различать буквы в паре. Если мне нужна была первая буква в паре, я просто брал число, которое соответствовало номеру пары. А если нужна была вторая, то я добавлял к номеру случайную цифру. Таким образом, 24 означало вторую букву во второй паре, “d”, а 1 означало первую букву в первой паре, то есть, “a”.

С разрешения учителя, после уроков я часто брал домой учебники по математике. Я ложился на пол своей комнаты с разложенными вокруг книгами и часами решал примеры. Однажды мой брат Ли сидел

в комнате со мной. Зная, что я люблю умножать числа сами на себя, он стал задавать мне примеры, проверяя ответы на калькуляторе: «23?» «529». «48?» «2304». «95?» «9025». Потом он задал пример посложнее: «Сколько будет $82 \times 82 \times 82 \times 82$?» Я задумался секунд на десять, крепко стиснув руки, мой разум наполнился образами, цветами и формами. «45 212 176», – ответил я. Брат ничего не сказал, поэтому я поднял на него глаза. Его лицо изменилось – он улыбался. Мы с Ли не были особо близки до того момента. Я впервые увидел, как он улыбается мне.

В мое последнее лето в школе Дороти Барли учителя организовали недельную поездку для нескольких классов, включая и мой. Мы поехали в Треверн, центр отдыха в сельской местности на границе Англии и Уэльса. Родители посчитали, что для меня это будет хорошей возможностью побыть несколько дней в другой обстановке. За детьми и учителями приехал длинный блестящий автобус с водителем, от которого пахло табаком. Отец помог мне упаковать одежду и книги в дорогу и пришел меня проводить.

В центре нас разделили на небольшие группы, и каждой группе выделили комнату, где предстояло жить неделю. В каждой комнате помещались только двухъярусные кровати, раковина и стол со стульями. Мне не нравилось быть вдали от дома, потому что все было не так, все было иначе, и мне трудно было справляться с большим количеством перемен. Вставать приходилось очень рано – около пяти утра – и выходить на пробежку по полю в шортах и футболке. Я постоянно был голодным, потому что в центре, казалось, не было ничего из того, что я ел дома – например, хлопьев “Weetabix” или сэндвичей с арахисовым маслом. Кроме того, мне редко удавалось побыть в одиночестве, потому что каждый день всем приходилось участвовать в каких-то мероприятиях.

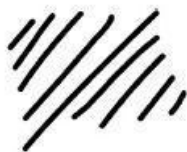
В один из дней местная конюшня организовала для нас катание на пони. Сначала нам показывали, как управлять пони, а потом мы верхом отправлялись на прогулку по дорожкам в сопровождении инструктора. Мне было сложно удерживать равновесие, я постоянно соскальзывал с седла, и поэтому очень сильно натягивал поводья, чтобы не упасть. Одна из владелиц конюшни увидела меня, очень рассердилась и начала кричать. Она с большой любовью относилась к своим животным, но я тогда не понял, что сделал не так, и очень расстроился. После этого я замкнулся еще больше и старался как можно реже выходить из комнаты.

Были и другие мероприятия, включая поход в пещеру. Там было темно, поэтому всем выдали каски с фонариками. В пещере было холодно, сыро и скользко, и я был рад, когда мы вышли обратно на мост, который представлял собой несколько бревен, перекинутых через ручей. Пока я медленно переходил по мосту, один мальчик из группы подбежал и со смехом толкнул меня так сильно, что я полетел в воду. От неожиданности и растерянности я просто остался молча сидеть в мелкой воде; одежда намочила и прилипла к телу. Затем я выбрался и в одиночестве пошел к дому. Лицо горело, и я изо всех сил старался не расплакаться от внезапности этой ситуации и от того, что ничего не мог сделать. Временами надо мной издевались, потому что я был одиночкой и отличался от остальных. Дети обзывали меня или

дразнили за то, что у меня нет друзей. К счастью, им это быстро надоедало, и они уходили, поскольку я не отвечал и не дрался. Такие случаи только усиливали ощущение, что я был изгоем.

Единственное радостное событие за неделю в Треверне произошло в самом конце, когда работники центра вручали различные призы разным группам; моя получила приз за самую чистую комнату.

Я был рад вернуться домой, там я чувствовал себя в покое и безопасности. Единственное другое место, где я ощущал подобное – это наша местная библиотека. С тех самых пор как я научился читать, я заставлял родителей ежедневно водить меня в это маленькое кирпичное здание, стены которого были разрисованы граффити, а внутри был зал, где стояли ряды полок с детскими книгами, обернутыми в пластиковые обложки и помеченными разными цветами. В углу было много ярких кресел-мешков. Я ходил в библиотеку каждый день и в любую погоду, после уроков и на каникулах, и сидел там часами, иногда до самого закрытия. В библиотеке царили тишина и порядок, которые всегда доставляли мне радость. Больше всего я любил читать энциклопедии, хотя они были слишком тяжелыми, чтобы держать их в руках, и поэтому приходилось садиться с ними за стол. Я любил узнавать различные факты и цифры, например, названия столиц разных стран, и составлять списки – имена и годы правления королей и королев Англии, президентов США и так далее. Библиотекари быстро привыкли к моим ежедневным визитам и нередко общались с моими родителями, пока я читал. Глава библиотеки был впечатлен настолько, что номинировал меня на награду (которую я в итоге получил) за прилежность и любовь к чтению. Приз, который был выполнен – вполне уместно – в виде книжной закладки, вручал мэр города во время небольшой церемонии в городской ратуше. Когда я подошел за призом, мэр наклонился и спросил, как меня зовут, но я не расслышал его и ничего не сказал, потому что был слишком занят тем, что считал звенья на его должностной цепи, а мне плохо удается делать несколько дел одновременно.

Одиночка

Я помню, как стою один в тени деревьев, растущих по периметру школьной площадки, и смотрю, как бегают, играют и кричат другие дети. Мне десять лет, и я знаю, что каким-то невыразимым, необъяснимым образом отличаюсь от них. Дети шумят и носятся, налетая друг на друга и толкаясь. Я все время боюсь, что в меня ударит один из мячей, которые они пинают и подбрасывают, и отчасти именно поэтому предпочитаю стоять с краю, подальше от одноклассников. Я делаю так на каждой большой перемене, и по школе быстро расходятся шутки о том, что Дэниел разговаривает с деревьями, и вообще он странный.

На самом деле, я никогда не разговаривал с деревьями. Нет смысла говорить с предметами, которые не могут тебе ответить. Я говорю со своими кошками, но они хотя бы могут мяукнуть в ответ. Я любил стоять среди деревьев, потому что мог там прогуливаться туда и обратно, погружившись в свои мысли, и не опасаться, что меня толкнут или собьют с ног. Во время этих прогулок на короткие мгновения возникало чувство, что я могу исчезнуть, просто шагнув за один из стволов. Желание исчезнуть у меня возникало не раз. Казалось, мне нигде нет места, словно я родился в каком-то не том мире. На меня давило ощущение, что я нигде не нахожу покоя и уверенности – ощущение, что я всегда неким образом отделен от других.

Я все острее сознавал свое одиночество, и мне хотелось найти друга. У всех моих одноклассников был хотя бы один друг, а у большинства даже несколько. Иногда перед сном я часами лежал в кровати, глядя в потолок и представляя, каково это было бы – с кем-то дружить. Я не сомневался, что тогда вдруг перестал бы так отличаться от всех. Возможно, тогда, думал я, дети не будут считать меня странным. То, что у моих младших братьев и сестер были друзья, которые иногда приходили к нам после школы, ничуть не помогало. Я сидел у окна, выходящего в сад, и слушал, как они играют. Я не понимал, почему они не говорят о по-настоящему интересных вещах – о монетах, каштанах, числах или божьих коровках.

Иногда дети в классе пытались со мной заговорить. Именно «пытались», потому что мне было сложно с ними взаимодействовать. Во-первых, я не знал, что делать и что сказать. Когда я говорил, то почти всегда смотрел в пол. Если я и поднимал взгляд на собеседника, то смотрел на то, как шевелятся его губы при разговоре. Иногда учитель велел мне смотреть ему в глаза. Тогда я поднимал голову и смотрел на него, но это требовало больших усилий и вызывало странное неприятное чувство. Когда я говорил с кем-то, я начинал

сыпать длинными предложениями без пауз. Мысль о том, чтобы сделать паузу или обмениваться репликами по очереди, просто не приходила мне в голову.

Я никогда не был груб намеренно; я не понимал, что цель разговора заключается не только в том, чтобы говорить о вещах, которые интересуют тебя больше всего. Я излагал свои мысли очень подробно, пока не исчерпывал все, что хотел сказать. Если меня перебивали на середине, у меня возникало чувство, будто я сейчас взорвусь. Мне не приходило в голову, что тема, о которой я говорю, может быть неинтересна другому человеку. Я не обращал внимания, если слушатель начинал ерзать или смотреть по сторонам. Я говорил и говорил, пока мне не сообщали что-нибудь вроде: «Ладно, мне пора».

Мне нелегко слушать других людей. Когда кто-то говорит со мной, у меня часто возникает ощущение, словно я пытаюсь настроиться на некую радиостанцию, и большая часть сказанного просто проходит сквозь мою голову, как статические помехи. Со временем я научился выхватывать достаточное количество информации, чтобы понять, о чем идет речь, но бывает так, что мне задают вопрос, а я его не слышу. Иногда это раздражает спрашивающего, и мне становится неловко.

Общению в классе или на игровой площадке регулярно мешала моя неспособность придерживаться одной темы. Мои мысли часто начинали блуждать – отчасти потому, что я запоминаю очень многое из того, что вижу и читаю, и случайное слово или имя посреди разговора может вызвать у меня лавину ассоциаций, как эффект домино. Сегодня, когда я слышу имя «Иан», у меня перед глазами автоматически возникает образ моего друга с этим именем. Затем я тут же вспоминаю «Мини-Купер», который он водит. В свою очередь, это вызывает в памяти сцены из классического фильма «Ограбление по-итальянски». Цепочка моих мыслей не всегда логична, но часто основана на зрительных ассоциациях. В школе эти ассоциативные отклонения от темы приводили к тому, что я прекращал слушать, что мне говорили, и учителя часто ругали меня за то, что я отвлекаюсь или недостаточно внимателен.

Иногда я могу расслышать все слова и уловить все детали того, что мне говорится, но все равно не способен ответить, как надо. Например, кто-то говорит мне: «Я писал отчет на компьютере, а потом случайно нажал не ту кнопку, и все удалилось». Я слышу, что он нажал кнопку, которую не следовало, и то, что он писал отчет в тот момент, когда нажал кнопку. Но я не могу соединить эти утверждения и получить общую картину – что отчет удалился. Это все равно что пытаться соединить точки в детской раскраске и видеть каждую точку в отдельности, но не то, что они образуют вместе. «Читать между строк» для меня практически невозможно.

Точно так же мне сложно понять, когда нужно отвечать на реплику, которая не является прямым вопросом. Я склонен воспринимать сказанное как информацию, и мне сложно использовать язык как средство общения, как это делает большинство людей. Теперь я знаю, что если человек говорит: «У меня сегодня неудачный день», нужно спросить у него, что случилось. В классе меня часто ругал учитель, если ему казалось, что я не реагирую, тогда как на самом деле я просто не понимал, что от меня ждут ответ. Например, он говорил

«семь на девять» и смотрел на меня. Конечно, я знал, что ответ «шестьдесят три», но не понимал, что должен произнести это вслух. Только когда учитель повторял вопрос напрямую – «Сколько будет семь на девять?» – тогда я давал ответ. У меня нет интуитивного понимания, когда кто-то ждет ответа на утверждение, и мои способности к общению развились только в результате долгих тренировок.

Тренироваться в таких вещах было для меня очень важно, потому что больше всего на свете я хотел быть нормальным и иметь друзей, как другие дети. Я радовался, когда осваивал новый навык, например, способность поддерживать зрительный контакт. Каждое такое достижение стоило мне больших усилий, и ощущение успеха невероятно воодушевляло.

Мне приходилось привыкать к ощущению одиночества, которое повисало вокруг меня на игровой площадке. Кроме прогулок между деревьями я коротал время тем, что считал камни под ногами или числа на сетке для игры в «классики». Часто я полностью погружался в собственные мысли, не обращая внимания на то, что видят или думают люди вокруг. Когда меня что-то увлекало, я складывал ладони вместе и прижимал пальцы к губам. Иногда я начинал непроизвольно похлопывать одной ладонью о другую. Если я делал это дома, мама сердилась и просила меня прекратить. Но я совершал эти действия неосознанно и, чаще всего, даже не замечал, пока кто-то не говорил мне об этом.

То же касалось и разговоров с самим собой. Чаще всего я просто не сознавал, что рассуждаю вслух. Мне бывает очень сложно о чем-то думать, не проговаривая при этом свои мысли. Когда я что-то обдумываю, это вызывает сильное напряжение, в том числе и физическое, я прямо чувствую, как напрягается мое тело. Я и сейчас все время двигаю руками и непроизвольно тереблю губы, когда думаю. Когда я говорю сам с собой, это помогает мне успокоиться или сосредоточиться.

Иногда ребята на площадке подходили ко мне и начинали обзывать или передразнивать мои движения. Мне не нравилось, когда они подходили настолько близко, что я кожей ощущал их дыхание. Я садился прямо на твердый бетон, зажимал уши руками и ждал, пока они уйдут. В неприятных ситуациях я всегда считал степени двойки: 2, 4, 8, 16, 32 ... 1024, 2048, 4096, 8192 ... 131072, 262144 ... 1048576. Числа формировали узоры в моей голове, которые меня успокаивали. Из-за того, что я так отличался, дети не знали, что со мной делать, и вскоре им надоедало дразнить меня, потому что я не реагировал так, как им хотелось – не убегал и не плакал. Обзывания продолжались и позже, но я научился их игнорировать, и они перестали сильно меня волновать.

Люди с синдромом Аспергера хотят иметь друзей, но им это очень сложно дается. Я испытывал острое чувство изоляции, и это было очень болезненным. Чтобы компенсировать отсутствие друзей, я придумывал их сам, и они сопровождали меня на прогулках за деревьями вокруг игровой площадки. Среди них была женщина, которую я помню даже сейчас и по-прежнему ясно вижу ее лицо – умудренное возрастом, но прекрасное, по крайней мере, для меня. Она была очень высокой, больше шести футов ростом; с головы до пят ее укрывала длинная

голубая накидка. Ее худое лицо было изборождено морщинами, потому что она была чрезвычайно стара – ей было больше ста лет. Ее глаза походили на бледные узкие щели, и она часто прикрывала их, когда глубоко задумывалась. Я не спрашивал, откуда она пришла, это не имело значения. Она сказала, что ее зовут Энн.

Каждую большую перемену я проводил за долгими неторопливыми разговорами с Энн. У нее был негромкий голос, всегда добрый, нежный и ободряющий. Мне было спокойно с ней. Ее жизнь сложилась непросто. Она была замужем за человеком по имени Джон, который работал кузнецом. Они были счастливы вместе, но детей у них не было. Джон давным-давно умер, и Энн была одинока. Она радовалась моей компании не меньше чем я – ее. Она стала мне близким другом; что бы я ни сказал и ни сделал, она бы не ушла и не стала бы любить меня меньше. Я изливал ей все свои мысли, а она стояла и внимательно слушала, никогда не перебивая и не говоря, что я странный.

Мы часто вели философские беседы о жизни, о смерти и о чем угодно еще. Мы говорили о моей любви к божьим коровкам, о моих башнях из монет, о книгах и числах, о великанах и принцессах из моих любимых сказок. Иногда я задавал Энн вопросы, на которые она не могла ответить. Однажды я спросил ее, почему так отличаюсь от других, но она лишь покачала головой: «Я не могу этого сказать». Я испугался, что ответ настолько ужасен, что она не хочет меня огорчать, и не стал спрашивать снова. Но она сказала, чтобы я не беспокоился о других детях, и что у меня все будет хорошо. Она часто поддерживала меня, и это всегда помогало. После разговора с ней я всегда ощущал себя умиротворенно и радостно.

Однажды она появилась, когда я как обычно прогуливался за деревьями, на ходу постукивая каблуками по толстой шершавой коре. Она стояла совсем неподвижно, не так, как раньше. Она попросила меня взглянуть на нее, потому что хотела сказать что-то важное. Мне было трудно смотреть ей в глаза, но я поднял голову и посмотрел на нее. Ее губы были плотно сжаты, но лицо казалось мягче и светлее, чем раньше. Она молчала несколько минут, а потом заговорила медленно и едва слышно. Она сказала мне, что уходит и не сможет вернуться. Я очень расстроился и спросил: «Почему?» Она ответила, что умирает и пришла проститься. После этого она исчезла и больше не появлялась. Я плакал и плакал, пока на слезы больше не осталось сил, и горевал о ней еще много дней. Она была очень дорога мне, и я знаю, что никогда ее не забуду.

Оглядываясь назад, я понимаю, что Энн была воплощением моего чувства одиночества и неуверенности. Она была порождением той части меня, что стремилась разобраться в моих проблемах и освободиться от них. Отпустив ее, я тем самым принял трудное решение постараться найти собственный путь в большой мир и научиться в нем жить.

* * *

Пока другие дети после школы гуляли в парках и на улицах, я предпочитал оставаться дома в своей комнате и размышлять о чем-нибудь, сидя на полу. Иногда я играл в простую разновидность

солитера, которую придумал сам. Каждой карте в колоде я присвоил численное значение: туз – 1, валет – 11, дама – 12, король – 13; остальные карты соответствовали своему достоинству. Целью игры было сохранить на руках как можно больше карт. В начале игры колода тасовалась, игрок снимал первые четыре карты и складывал в стопку. Если сумма карт в стопке оказывалась простым числом, эти карты «сгорали», если нет – сохранялись. Как и во многих других видах солитера, здесь присутствовал элемент удачи. Представим, что первые четыре карты – это двойка, семерка, король (13) и четверка. Этой стопке пока ничего не грозит, так как $2 + 7 = 9$ (не простое), $9 + 13 = 22$ (не простое), и $22 + 4 = 26$ (также не простое). Теперь игрок должен решить – рискнуть положить еще одну карту на стопку или начать новую стопку с нуля. Если игрок решает не рисковать, все карты из стопки сохраняются. Если игрок продолжает добавлять новые карты, и сумма на каком-либо этапе достигает простого числа, то вся стопка «сгорает», и необходимо начать новую. Игра заканчивается, когда все пятьдесят две карты разыграны – то есть, либо «сгорели», либо находятся на руках у игрока. Чтобы определить окончательный счет, игрок подсчитывает общую сумму оставшихся у него карт.

Меня увлекала эта игра, поскольку она задействовала одновременно и память, и математические способности. Когда у игрока имеется стопка из четырех карт, еще не достигших простого числа, решение продолжать эту стопку или начинать новую зависит от двух факторов: суммарного значения карт в стопке на данный момент и значения оставшихся карт в колоде. Возьмем четыре карты из предыдущего примера: 2, 7, 13 (король) и 4, что в сумме дает 26. Игрок должен учитывать, сколько простых чисел ему может выпасть со следующей картой, если он продолжит стопку. Простые числа после 26 – это 29, 31 и 37 (поскольку максимальное значение карты – 13, в этом примере нет нужды рассматривать числа больше 39). Таким образом, тройка, пятерка или валет (11) приведут к сгоранию стопки, но любая другая карта позволит ее увеличить.

Также имеет смысл помнить значения оставшихся карт в колоде. К примеру, если вы достигли суммы 70, имея стопку из десяти карт, а в колоде при этом остаются три карты, то будет явным преимуществом знать, что в колоде остались, скажем, тройка, шестерка и девятка. В такой ситуации игроку стоит отложить те десять карт и начать новую стопку, поскольку 73 и 79 являются простыми числами. Я запоминал значения карт, остающихся в колоде на любом этапе игры, следующим образом: изначально в колоде есть четыре карты каждого достоинства (четыре туза, четыре двойки и т. д.). Каждый набор из четырех карт я представлял себе как квадрат, состоящий из точек. Квадраты имели различные цвета или свойства, в зависимости от достоинства карты; например, комплект тузов я представлял ярко светящимся, потому что единица для меня всегда выглядит как очень яркая точка света. Число 6 я вижу как маленькое черное отверстие, поэтому комплект шестерок я представлял как квадратную черную дырку. По ходу игры и по мере того, как карты становились известны, квадраты в моей голове меняли форму. Когда появлялся первый туз, яркий квадрат превращался в яркий треугольник. С первой шестеркой черный квадрат превращался в черный треугольник. Когда появлялся второй туз, яркий треугольник

становился яркой линией, а с третьим тузом – яркой точкой. Когда все четыре карты одного достоинства были разыграны, зрительный образ этого комплекта исчезал из моей головы.

Карты помогают проиллюстрировать особое свойство простых чисел – неравномерность их распределения. Некоторые значения стопок в игре выгоднее, чем другие. К примеру, сумма 44 лучше, чем 34, потому что после 44 игроку могут выпасть только два простых числа – 47 и 53, а после 34 – четыре простых числа: 37, 41, 43 и 47, то есть, в два раза больше. Сумма 100 особенно неблагоприятна, поскольку следующая карта может дать пять простых чисел: 101, 103, 107, 109 и 113 (если окажется тузом, тройкой, семеркой, девяткой или королем, соответственно).

Моих родителей всегда беспокоило, что я слишком много времени провожу в своей комнате и не пытаюсь играть с детьми на улице. Мама дружила с женщиной, которая жила через несколько домов от нас, и у которой была дочь примерно моего возраста. Однажды мама взяла меня с собой в гости, чтобы я пообщался с девочкой, пока женщины беседовали за чаем. Когда я начинал говорить о том, что меня интересовало, девочка меня перебивала. Это очень злило, потому что я не мог высказать, что хотел, и от этого накатывало чувство, будто я задыхаюсь. Мое лицо сделалось красным от напряжения, и девочка стала смеяться. От этого я покраснел еще сильнее, а потом окончательно разозлился, встал и ударил ее. Она расплакалась. Неудивительно, что больше меня туда не приглашали.

Мама просила моего брата Ли брать меня с собой, когда он шел играть с друзьями. Его лучшим другом был мальчик по имени Эдди, который жил через две улицы от нас. Большую часть времени Ли ходил в гости к нему, а не наоборот – у Эдди было намного больше игрушек, чем у нас. Они с братом играли в пинг-понг или футбол в саду, а я в это время сидел на качелях и ритмично покачивался взад-вперед.

Летом семья Эдди позвала Ли поехать с ними на неделю к морю. Моя мама предложила взять и меня, на что мать Эдди с радостью согласилась. Я колебался, потому что мне не хотелось покидать дом. Но маме очень хотелось, чтобы я поехал – она надеялась, что это поможет мне набраться уверенности в компании других людей. После мягких, но настойчивых и долгих уговоров я согласился.

Когда мы приехали, поначалу казалось, что все хорошо. Погода стояла теплая и солнечная, родные Эдди были ко мне очень добры и внимательны. Однако, спустя всего день меня охватила ужасная тоска по дому, и мне захотелось поговорить с мамой. Неподалеку от места, где мы остановились, был платный телефон-автомат, поэтому я взял монеты, лежавшие у меня в кармане, и позвонил домой. Мама подняла трубку и услышала, как я плачу. Она спросила, что случилось, но я смог лишь ответить, что мне здесь плохо и я хочу домой. Через несколько минут деньги подошли к концу, и я попросил ее перезвонить мне, а потом повесил трубку и стал ждать. Я не догадался, что она не сможет позвонить сюда, ведь она не знает номер этого телефона. Я простоял у телефона больше часа и только потом ушел. Остаток отдыха я провел в слезах. Мать Эдди огорчалась и досадовала, что я не хотел проводить время со всеми, а сидел в общей спальне на полу, зажав уши руками. Это была моя первая и последняя поездка с Эдди и его семьей.

Большую часть детства моими друзьями были родные братья и сестры. Хоть они играли в мяч лучше меня и гораздо быстрее научились заводить друзей, они любили меня, потому что я был их старшим братом и мог читать им сказки. Со временем они научились играть со мной, вовлекая меня в занятия, которые мне нравились и в которых я мог полноценно участвовать. Однажды, посмотрев, как мама гладит белье, я вытащил всю свою одежду из шкафа и комода и отнес ее в гостиную. Мама разрешила мне взять утюг, когда тот уже был выключен и остыл. Я стал брать каждый предмет одежды и водить по нему утюгом. Братья и сестры увидели это и спросили, можно ли им поиграть со мной. Я видел, как мама сбрызгивает одежду водой перед тем, как ее прогладить, поэтому сказал своей сестре Клэр принести брызгалку и смачивать каждую вещь, а потом передавать мне. Ли тоже захотел поучаствовать, поэтому я сказал, чтобы он встал по другую сторону от меня, забирал проглаженную одежду и складывал ее. Своему брату Стивену, которому тогда было четыре года, я поручил сортировать сложенную одежду: отдельно футболки, отдельно свитера, отдельно брюки и так далее. Когда одежда заканчивалась, я говорил Стивену развернуть все вещи и передать их обратно Клэр, чтобы она снова их сбрызгивала и отдавала мне для глажки, а я буду передавать их Ли, который будет их складывать, а Стивен снова сортировать по стопкам – и так по кругу. Часто мы играли так часами.

Была и еще одна игра, в которую я играл с братьями и сестрами. Я собирал все книги, которые мог найти в доме – а книг у нас были сотни – и нес их в самую большую комнату, в спальню девочек. Там я разделял все книги на художественные и публицистические, а потом складывал их в стопки по тематике: исторические, любовные, приключенческие и так далее. Каждую из получившихся стопок я сортировал в алфавитном порядке. Затем я вырезал из бумаги квадраты и делал для каждой книги карточку, записывая ее название, имя автора, год издания и рубрику (публицистические > исторические > «Д»). Книги я складывал в коробки, соблюдая правильный порядок, и расставлял их по комнате, чтобы братья и сестры могли их просматривать и читать. Когда кто-то из них хотел взять книгу, я вынимал из нее карточку и клал в стеклянную банку, а им выдавал другой кусочек бумаги, где было написано время, когда книгу нужно было вернуть. На летних каникулах родители разрешали нам держать все книги вместе с карточками в коробках, но в остальное время нам приходилось убирать карточки в конце игры и расставлять книги обратно по полкам и столам.

Иногда во время игр с братьями и сестрами я подходил к кому-нибудь из них и трогал их шею указательным пальцем – это давало мне приятное ощущение тепла и уверенности. Я не догадывался, что их это могло раздражать или выглядело неприличным, и перестал так делать, только когда мама сделала мне замечание. Впрочем, иногда я и сейчас могу потрогать чью-нибудь шею, если нахожусь в сильном волнении или предвкушении, для меня это способ поделиться своими ощущениями с другими. Мне трудно было воспринять идею, что у людей есть личное пространство, которое нельзя нарушать и к которому нужно относиться с уважением. Мне не приходило в голову, что мое поведение было неприятным или назойливым, и обижался,

когда братья и сестры злились на меня, казалось бы, без видимой причины.

Трудности я испытывал со многими повседневными вещами – например, с чисткой зубов. Звук скребущей по зубам щетки был для меня физически болезненным. Если я проходил мимо ванной, когда кто-то чистил зубы, мне приходилось зажимать уши и ждать, пока звук прекратится, иначе я не мог заниматься никакими делами. Из-за такой чувствительности я чистил зубы очень быстро, да и то только после уговоров родителей. Мне очень повезло, что у меня редко болели зубы, возможно, потому что я пил много молока и ел мало сладкого. Проблема продолжалась несколько лет и приводила к частым спорам с родителями, которые не могли понять, почему я не хочу чистить зубы. Иногда они приносили щетку и пасту ко мне в комнату и не уходили, пока я не выполню процедуру. Только ближе к подростковому возрасту я понял, что проблему нужно как-то решать. Братья и сестры, а также дети в школе, стали замечать, что у меня темные зубы, и дразнить меня, что еще больше отбивало у меня желание разговаривать. Я попробовал затыкать уши ватой, чтобы не слышать скрежета зубной щетки. Кроме того, чтобы отвлечься, я чистил зубы и одновременно смотрел маленький телевизор, стоявший у меня в комнате, в противном случае у меня возникал рвотный рефлекс. Благодаря этим несложным усилиям я привык чистить зубы ежедневно. Когда впервые за много лет я пошел к стоматологу, то заткнул уши ватой, чтобы не слышать звуков бормашины и других инструментов. Сегодня я спокойно чищу зубы дважды в день. Я пользуюсь электрической щеткой, которая не издает такого противного звука, как обычные щетки.

Не меньшей проблемой для меня было научиться завязывать шнурки. Как бы сильно я ни старался, я не мог заставить свои руки выполнять те действия, что раз за разом показывали мне родители. Потом мама купила мне большой игрушечный ботинок с толстыми шершавыми шнурками, чтобы помочь мне тренироваться. Я возился с ним часами, пока руки не начинали краснеть и чесаться от долгого контакта со шнурками. А тем временем, отец каждое утро завязывал мне ботинки перед тем, как отвести в школу. Только в восемь лет я научился зашнуровывать обувь сам.

Помимо этого, я с трудом различал лево и право (мне и сейчас приходится прилагать для этого усилия). На самом деле, отцу приходилось не только завязывать мне шнурки, но и надевать ботинки. Когда я пытался обуться сам, то иногда просто доводил себя до истерики и зашвыривал ботинки куда-нибудь. В конце концов, родители придумали наклеивать на обувь ярлычки с буквами «Л» и «П». Тогда я наконец-то смог надевать ботинки сам и в целом стал лучше различать левую и правую сторону.

Когда я куда-нибудь шел, даже по улице, я всегда опускал голову вниз и смотрел, как движутся мои ноги. Часто я врезался во что-нибудь и тогда останавливался. Мама ходила вместе со мной и регулярно напоминала, чтобы я смотрел вперед, но если я и поднимал голову, то тут же опускал ее снова. Однажды она посоветовала мне выбрать какой-нибудь объект в отдалении – забор, дерево или здание – и смотреть на него, пока я иду. Этот простой прием помог мне держать голову прямо, и за следующие месяцы моя координация заметно

улучшилась. Я перестал врезаться в предметы и стал чувствовать себя увереннее.

На Рождество, незадолго до моего девятого дня рождения, мне подарили велосипед, как и моему брату Ли. На оба велосипеда родители поставили маленькие боковые колеса. И хотя брат очень быстро перестал нуждаться в подстраховке, я ездил с дополнительными колесиками еще много месяцев, притом что Ли был на два с лишним года младше меня. Из-за плохого равновесия и координации мне было сложно рулить и крутить педали одновременно. Я стал тренироваться – сидя на кухонном стуле, я держал перед собой длинную деревянную ложку и одновременно совершал круговые движения ногами. Через некоторое время после таких упражнений я смог кататься вместе с братом по улицам рядом с домом. Ему хотелось ездить со мной наперегонки, но он разогнался так сильно, что я паниковал и путался в собственных ногах. Падения с велосипеда быстро стали для меня привычным делом, так же как синяки и ссадины на руках и ногах.

Плохая координация также досаждала мне, когда я учился плавать. Я был последним в классе, кто научился переплыть бассейн хотя бы поперек. Я боялся воды – боялся, что меня утянет вниз, и я не смогу выплыть. Инструкторы бассейна были понимающими людьми и ради безопасности снабдили меня надувными нарукавниками и пенопластовыми блоками, но мои трудности только усиливали ощущение, что я был другим и отличался от сверстников, которые легко научились плавать за годы до того, как я освоил первые гребки. Только когда я был уже почти подростком, я вдруг утратил страх воды и обнаружил, что могу плыть и держаться на воде без вспомогательных средств. Меня охватил невероятный восторг, я почувствовал, будто сделал гигантский шаг вперед. Мое тело наконец начало меня слушаться.

В последний год начальной школы в нашем классе появился новый ученик – иранский мальчик по имени Бабак, родители которого бежали от режима Хомейни. Он был очень умным, хорошо говорил по-английски и отлично знал математику. Бабак стал моим первым настоящим другом. Он был первым, кто обратил внимание не на мои отличия, а на то, что у нас было общего – в частности, любовь к словам и числам. Его семья тоже была ко мне очень добра – помню, его мама всегда угощала меня чаем, когда я играл с ним в скрабл¹¹ в его саду.

Бабак был очень уверенным себе и хорошо ладил со всеми в классе. Неудивительно, что именно его выбрали на главную роль в амбициозной школьной постановке пьесы «Суини Тодд» – жуткой истории о парикмахере-убийце, который делал из своих жертв начинку для пирогов. Бабак несколько недель ходил на репетиции и каждый раз брал меня с собой. Я сидел на ящике из-под костюмов в самом дальнем углу и про себя читал строчки диалогов вслед за актерами. Я приходил с ним туда каждый день. Внезапно, в день спектакля, Бабак не появился на генеральной репетиции – оказалось, что он заболел и не сможет выступить. Учителя ударились в панику и начали спрашивать,

---

¹¹ Скрабл (англ. scrabble) – настольная игра, заключающаяся в том, чтобы составлять слова на квадратном поле (15 x 15) из имеющихся буквенных фишек. В русской версии известна под названием «Эрудит».

может ли кто-нибудь его заменить. Я вдруг понял, что, присутствуя на каждой репетиции, выучил все реплики - и согласился принять участие, хоть и ужасно нервничал. Во время спектакля я произнес все фразы персонажа в нужном порядке, лишь иногда пропуская свою очередь, потому что мне трудно было слушать других людей на сцене, и я не сразу мог понять, какие реплики предназначались залу, а какие были диалогом между актерами. Мои родители, которые сидели в зале, сказали потом, что я почти не проявлял эмоций и все время смотрел в пол, но я продержался до конца пьесы, и это было достаточным успехом и для них, и для меня.

Взросление

Я успел досчитать до семи – ровно столько секунд понадобилось моему отцу, чтобы, шатаясь, осесть на пол гостиной и превратиться в тень самого себя. Он лежал на спине, дыша хрипло и прерывисто, его широко распахнутые воспаленные глаза неотрывно смотрели на меня.

Болезнь моего отца проявляла себя постепенно – его поведение начало меняться вскоре после рождения близнецов. Он перестал работать в саду и отказывался видеть старых друзей. На него находили приступы то чрезмерной болтливости, то почти полного молчания. Физически он за пару месяцев, казалось, постарел на десять лет: сильно исхудал, осунулся и передвигался по дому все более медленно и неуверенно. Даже морщины на его лице стали глубже.

Мне было десять, когда я невольно стал свидетелем первого нервного срыва своего отца. В предыдущие месяцы мама как могла ограждала нас от все более явных признаков его болезни. В тот день, однако, я вошел в гостиную незамеченным и увидел, как отец, спотыкаясь, бродит по комнате с расширившимися глазами и что-то неразборчиво бормочет. Я ничего не делал, только молча наблюдал за ним, не зная, как к этому отнестись, но при этом не желая оставлять его одного. Когда он упал, на шум прибежала мама. Она мягко оттеснила меня в сторону и велела идти к себе. Мама объяснила, что отцу нездоровится, и она как раз ждала врача. Через десять минут приехала скорая с выключенной сиреной. Стоя на лестнице, я смотрел, как отца положили на носилки, укутали одеялом и унесли.

На следующий день в доме стало тише и как будто холоднее. Я помню, как сидел в своей комнате и пытался разобраться в своих чувствах по поводу отца. Я знал, что должен что-то испытывать, но не был уверен, что именно. В конце концов, я понял, что дом кажется без него неполным и мне хочется, чтобы он вернулся.

Нам сказали, что отцу нужно время, чтобы поправиться, и что его забрали в больницу, где он будет лечиться. Его не было дома несколько недель. Нас, детей, к нему не пускали, хотя мама ездила на автобусе навещать его. Он лежал в психиатрической клинике, но мы были слишком малы, чтобы понимать, что такое психическое заболевание. Мама не обсуждала с нами состояние отца, только говорила, что он идет на поправку и скоро вернется домой. Тем временем, оставшись с семьей детьми (из которых пятеро были четырех лет и младше), мама во многом полагалась на поддержку своих родителей, друзей семьи и помощников, вызванных из социальной службы. Нам с братом тоже приходилось помогать всеми силами – например, мыть посуду и носить покупки.

Когда отца выписали из больницы, мы не праздновали его возвращение. Мы пытались в каком-то смысле вернуться к нормальной жизни. Отец старался заниматься повседневными делами – менять подгузники и готовить ужин – что он обычно и делал до того, как на него обрушилась болезнь. Но все было по-другому, и, думаю, я знал, что как раньше уже не будет. Человека, который защищал меня и заботился обо мне, отдавая все силы и энергию, больше не было – вместо него появился человек, который сам нуждался в защите и заботе. Врачи прописали ему лекарства и рекомендовали регулярно отдыхать. Каждый день после обеда он поднимался в свою комнату и спал несколько часов. Мама просила моих братьев и сестер, чтобы они играли так же тихо, как я, чтобы его не тревожить. Когда кто-то из младенцев начинал плакать, мама первым делом выносила их из дома в сад, и только там уже занималась ими.

Отношения между родителями тоже изменились. Маме, которая прежде опиралась на отца и в практическом, и в эмоциональном смысле, пришлось переосмыслить их совместную жизнь и, в каком-то смысле, начать все с нуля. Их разговоры стали короткими, а то слаженное взаимодействие, которое они прежде отточили до совершенства, казалось, исчезло вовсе. Им как будто заново пришлось учиться строить отношения друг с другом. Они все чаще ссорились, и тогда их голоса становились громкими и темными. Мне не хотелось слышать, как они ругаются, и я зажимал уши руками. Часто после особенно шумной ссоры мама приходила в мою комнату посидеть в тишине. Мне хотелось укутать ее в мягкую тишину, как в одеяло.

Состояние моего отца колебалось изо дня в день и от недели к неделе. Были долгие периоды, когда он разговаривал с нами и вел себя, как обычно, но они прерывались внезапными приступами бессвязной заиклившей речи, замкнутости и дезориентации. В последующие годы он еще не раз отправлялся в больницу на несколько недель. А потом болезнь отступила так же внезапно, как и появилась. Отец начал гораздо лучше есть и спать, стал физически крепче и эмоционально стабильнее, к нему вернулись уверенность и энергия. Отношения моих родителей пошли на лад, и за этим последовало рождение восьмого ребенка, моей сестры Анны-Мари. Она родилась летом 1990 года. Еще через семнадцать месяцев, за четыре дня до моего тринадцатого дня рождения, появилась на свет их последняя дочь, Шелли.

Улучшение здоровья отца и очередное прибавление в семье означали новый переезд – в 1991 году мы перебрались в дом с четырьмя спальнями на Марстон-авеню. К дому примыкала терраса, позади был разбит большой сад, а поблизости находилось несколько магазинов и парк. Как и во всех наших домах до этого, в нем была лишь одна ванная и туалет на всю семью из одиннадцати человек. Перед дверью в ванную нередко выстраивалась очередь. Гостиная и столовая были разделены дверями, которые часто держались открытыми, так что комнаты на нижнем этаже как бы переходили одна в другую. Когда я обдумывал какую-то мысль или идею, я прохаживался по всему этажу – из гостиной в столовую, на кухню, в коридор, снова в гостиную и дальше по кругу. Опустив голову и прижав руки к телу, я ходил, погружившись в свои мысли и не замечая никого вокруг.

В сентябре 1990 года я пошел в среднюю школу. Тем летом мама поехала со мной в центр города, чтобы купить мне первую школьную форму: черный блейзер, черные брюки, белую рубашку и галстук в черно-красную полоску. Отец попробовал научить меня завязывать галстук, но когда после многочисленных попыток я ничуть не приблизился к успеху, он предложил, чтобы я просто ослаблял узел, а потом затягивал его снова. Примеряя форму, я ерзал и вертелся – блейзер был сшит из плотной тяжелой ткани, а новые кожаные ботинки сидели очень туго и жали в пальцах. Мне также понадобился ранец, чтобы носить в школу учебники и разные принадлежности: ручки, карандаши, блокнот, точилку, ластик, циркуль, линейку, транспортир и альбом для рисования.

Я учился в школе Баркинг Эбби (рядом с церковью Святой Маргариты, где в 1762 году венчался капитан Джеймс Кук). В первый учебный день отец помог мне завязать галстук и застегнуть пуговицы на манжетах рубашки. Мы доехали на автобусе до школьных ворот, и он сказал мне, чтобы я держался, и что первый день в новой школе – это всегда сложно, но и увлекательно. Он повернулся и пошел домой, а я провожал его взглядом до тех пор, пока он не скрылся из виду. Затем я нерешительно последовал за другими детьми, которых вели в спортзал неподалеку – там директор должен был поприветствовать новых учеников. В зале едва хватало места, чтобы все дети расселись на полу. Несколько учителей стояли вдоль стен. Пол был покрыт пылью, и я сел позади как раз в тот момент, когда директор – мистер Максвелл – попросил тишины и начал говорить. Мне было трудно сосредоточиться на его речи, поэтому я смотрел в пол, водил пальцами по тонкому слою пыли и ждал, пока собрание закончится. Нас распределили по классам, назначили руководителей и попросили вести себя тихо и разойтись по кабинетам. Я с радостью обнаружил, что школьная библиотека находится за соседней дверью с моим классом. После переклички в классе нам выдали расписание на неделю. Все предметы преподавались разными учителями в разных кабинетах, разбросанных по школе. Пожалуй, именно к этому было сложнее всего привыкнуть после начальной школы – каждый час нужно было переходить в новый класс и к новому учителю.

Знакомых лиц из моей прежней школы было мало. Бабак, мой единственный близкий друг оттуда, теперь учился в другой части города. Я ужасно нервничал и ни с кем не пытался заговорить или хотя бы познакомиться. Вместо этого я смотрел на часы и мечтал о том, чтобы стрелки вращались быстрее и день поскорее закончился. С пронзительной трелью звонка дети высыпали на игровую площадку. Пока все выбегали из класса, я держался позади, поскольку боялся, что меня могут толкнуть. Я пошел в библиотеку, расположенную за соседней дверью, взял с полки энциклопедию, сел за свободный стол и начал читать. Я следил за временем по библиотечным часам на стене, так как не хотел опоздать на урок. Меня ужасала мысль, что я войду в класс, а все остальные будут уже сидеть на местах и смотреть на меня. Когда после урока прозвенел звонок на обед, я вновь преодолел короткий путь до библиотеки и сел читать за тот же стол.

В начальной школе я брал с собой обед, еще с вечера приготовленный мамой. Однако, теперь родители настояли на том,

чтобы я обедал в школьной столовой, поскольку мне, как ребенку из малообеспеченной семьи, полагались купоны на еду. Почитав полчаса, я отправился в столовую. Очереди уже не было, и я мог спокойно взять поднос и выбрать себе еду. Я взял рыбные палочки, фасоль и жареную картошку. Я проголодался и поэтому положил еще пончик на десерт. Подойдя к стойке, я протянул купон женщине, которая стояла там и нажимала на кнопки. Купона не хватило, чтобы покрыть стоимость пончика, и она сказала мне, что я должен заплатить недостающее. Я не ожидал этого и запаниковал, ощутив, как краснеет мое лицо, а к глазам подступают слезы. Заметив мое состояние, женщина сказала, чтобы я не волновался и взял пончик просто так, раз уж это мой первый день в школе. Я нашел незанятый столик и сел. Столовая была уже полупустой, но я съел обед как можно быстрее, чтобы никто не сел рядом, а затем сразу ушел.

Когда настало время идти домой, я подождал, пока выйдет на улицу основная масса детей, и только потом добрался до автобусной остановки, которую запомнил – именно на ней я сошел этим утром. Я впервые сам пользовался общественным транспортом и не догадался, что для того, чтобы вернуться домой, мне нужен автобус, идущий в противоположную сторону. Когда подошел автобус, я зашел в него и назвал свою улицу (предварительно отрепетировав это в уме). Водитель что-то ответил, но я не расслышал его и машинально протянул деньги за билет. Он повторил еще раз, но я не смог его понять – я был слишком сосредоточен на том, чтобы не запаниковать от мысли, что еду на автобусе один. Я продолжал стоять, потому водитель в конце концов шумно вздохнул и взял деньги. Я оторвал билет и сел на ближайшее пустое место. Когда автобус двинулся, я стал ждать, что он вот-вот повернет к дому, однако, он не сворачивал и увозил меня все дальше и дальше. Занервничав, я побежал к выходу и стал нетерпеливо ждать, когда автобус остановится и откроются двери. К тому времени я уже осознал свою ошибку, так что выскочил и перешел через дорогу к другой остановке. В этот раз, когда подъехал автобус, и я сообщил водителю, куда мне нужно, он ничего не сказал, а просто назвал уже известную мне цену за билет. Я с облегчением понял, что сел на нужный маршрут. Еще большее облегчение я испытал через двадцать минут, когда увидел свою улицу из окна автобуса и понял, что наконец-то прибыл домой.

Спустя некоторое время, набравшись опыта, я смог один ездить в школу и обратно. Остановка была совсем недалеко от нашего дома на Марстон-авеню, и, поскольку я выучил все расписание автобуса, я никогда не опаздывал – кроме, разумеется, тех случаев, когда опаздывал сам автобус.

Каждый учебный день начинался с переключки в основном классе, а затем начинались уроки в разных кабинетах и зданиях на территории школы. К сожалению, поскольку у меня нет внутреннего чувства направления, я легко могу заблудиться даже в местах, где прожил много лет, если не считать тех маршрутов, которые я целенаправленно выучил путем многократных повторов. Поэтому, чтобы не заблудиться по пути на урок, мне оставалось ходить по пятам за одноклассниками.

Разумеется, одним из моих любимых школьных предметов была математика. В первый же день занятий все ученики выполнили тест, по

результатам которого их распределили по группам – в первую (лучшую), вторую, третью или четвертую. Я оказался в первой. Насколько я мог судить, занятия здесь шли в более быстром темпе, чем в начальной школе. Нам преподавали широкий набор тем, и, казалось, все в классе были увлечены и заинтересованы. Больше всего я любил числовые последовательности, например, ряд Фибоначчи (1, 1, 2, 3, 5, 8, 13, 21, 34, 55 ...), где каждый следующий член являлся суммой двух предыдущих, а также статистику (например, вычисление среднего арифметического и медианного значения для набора чисел) и задачи на вероятность.

Многие люди плохо понимают, что такое вероятность. Например, в задаче «У женщины двое детей, из них одна девочка. Какова вероятность, что второй ребенок – тоже девочка?» ответ будет не 1 к 2, а 1 к 3. Дело в том, что, поскольку у женщины уже есть одна девочка и, следовательно, она не может иметь двух мальчиков, то оставшиеся варианты таковы: МД (мальчик и девочка), ДМ (девочка и мальчик) и ДД (девочка и девочка).

«Задача о трех картах» – еще один пример задачи, чье решение противоречит интуиции. Представьте себе три карты: одна с обеих сторон красная, вторая с обеих сторон белая, а третья с одной стороны красная, а с другой белая. Человек кладет карты в мешок и перемешивает, а затем достает одну наугад и кладет на стол. Она ложится красной стороной вверх. Какова вероятность, что вторая сторона тоже красная? Кто-то считает, что, раз карт с красными сторонами только две (у одной обе стороны красные, у другой одна), то шанс должен быть 1 к 2, то есть, другая сторона карты с равной вероятностью может быть красной или белой. Однако, на самом деле, вероятность, что другая сторона окажется красной – 2 к 3. Чтобы понять это, мысленно представьте карту с двумя красными сторонами и обозначьте одну ее сторону буквой А, а другую сторону – буквой В. На карте, где одна сторона белая, а другая красная, обозначьте красную сторону буквой С. Теперь представьте, что некая карта вынимается красной стороной вверх. Варианты с красными сторонами – это А, В или С. Если мы видим А, то другая сторона В (красная). Если видим В, то другая сторона А (красная). Если видим С, то другая сторона белая. Таким образом, вероятность, что вторая сторона окажется красной – 2 к 3.

Другим моим любимым предметом в средней школе была история. С раннего детства я обожал запоминать длинные списки фактов, а на уроках истории таких списков было множество: особенно меня интересовали имена и даты правления монархов, президентов и премьер-министров. Документальные тексты я люблю гораздо больше, чем художественные, поэтому факты и цифры, связанные с ключевыми событиями истории, я читал и изучал с большим удовольствием. Кроме того, мне приходилось анализировать тексты и пытаться понять взаимосвязи между различными концепциями и явлениями в истории. Меня восхищало, что какое-то одиночное и, казалось бы, изолированное событие могло вызвать к жизни целый ряд других событий, словно эффект домино. Хитросплетения истории меня завораживали.

С одиннадцати лет я стал придумывать собственный мир исторических фигур, например, президентов и премьер-министров, и сочинял для каждого из них подробную и полную биографию. Имена, даты и события часто приходили мне в голову сами собой, и я много времени проводил, обдумывая вымышленные факты и увязывая их друг с другом. Некоторые из них были основаны на моих знаниях о настоящих исторических личностях и событиях, другие сильно отличались от реальности. Я и по сей день продолжаю обдумывать собственную историческую хронологию и добавлять в нее новых людей и события. Вот пример одной из придуманных мной исторических фигур:

Говард Сандум (1888–1967),

32-й президент Соединенных Штатов Америки

Сандум родился на Среднем Западе, в очень бедной семье. Он воевал в Первой мировой войне, а в 1921 году был избран от республиканской партии в Палату представителей. Три года спустя, в возрасте всего тридцати шести лет, он стал сенатором. В 1930 году он получил пост губернатора штата, а в ноябре 1938-го был избран президентом США, обогнав 64-летнего демократа Эвана Крамера. Будучи президентом, в декабре 1941 года Сандум объявил войну нацистской Германии и Японии. На выборах в ноябре 1944-го он проиграл демократу Уильяму Гриффину (родился в 1890) и вслед за тем отошел от большой политики. В отставке Сандум занимался написанием мемуаров – они были опубликованы в 1963 году. Его единственный сын Чарльз (1920–2000) пошел в политику вслед за отцом и занимал должность конгрессмена с 1966 по 1986 годы.

Были и школьные предметы, которые я не мог терпеть, и которые давались мне с большим трудом. Например, мне не нравилось столярное дело, и я не знал, как к нему подступиться. Мои одноклассники увлеченно пилили, шлифовали и сколачивали разные предметы из дерева, но мне было сложно следовать указаниям учителя, и я часто от всех отставал. Иногда учителю не хватало терпения, и он подходил ко мне и начинал помогать. Он считал меня лентяем, но правда была в том, что вся мастерская была для меня абсолютно чужеродным местом, и я не хотел там находиться.

То же касалось и физкультуры. Мне нравились упражнения, которые можно было выполнять в одиночку – я очень любил прыжки в высоту или с трамплина и всегда их с нетерпением ждал. К сожалению, чаще всего, занятия проводились на поле и были посвящены командным играм, например, регби и футболу. Я с тоской ждал момента, когда назначались капитаны команд. Капитаны по одному набирали игроков себе в команду, пока в стороне не оставался стоять лишь один человек – и этим человеком почти всегда был я. Не то чтобы я не мог быстро бегать или ровно бить по мячу. Просто я не умел взаимодействовать с другими членами команды. Я не знал, когда нужно бежать, когда пасовать, а когда уйти с дороги. Во время матча стоял такой шум, что я просто отключался, не сознавая этого и не замечая, что происходит вокруг, пока тренер или кто-нибудь из игроков

не подходил ко мне и, нависая надо мной, говорил, чтобы я «был внимательнее» или «играл активнее».

Даже когда я стал старше, мне по-прежнему было трудно общаться с одноклассниками и заводить друзей. В первые месяцы учебы в средней школе мне повезло познакомиться с Реханом. Он родился в Британии, но его семья переехала сюда из Индии пятьдесят лет назад. Рехан был высоким и худым, у него были очень густые черные волосы, и он регулярно расчесывал их щеткой, которую носил с собой в рюкзаке. Другие школьники дразнили его из-за необычной внешности – у него не было двух передних зубов, а верхняя губа была рассечена шрамом из-за давней травмы. Возможно, потому что он сам был застенчивым и нервным и – как Бабак – принадлежал другой культуре, мы стали друзьями и много времени проводили вместе. Я всегда сидел с Реханом за одной партой и гулял с ним по школьным коридорам, обсуждая свои интересы, пока другие играли на спортивном поле и детской площадке во время перемен. Иногда Рехан читал мне стихи; он знал много стихов, а также писал свои и очень интересовался словами и языком. В этом мы тоже были похожи.

Рехан любил Лондон и регулярно ездил по городу на метро. Он ходил по историческим местам, где жили знаменитые поэты, а также посещал мечеть в Уимблдоне для пятничных молитв. Он с удивлением узнал, что я, живя в Лондоне всю жизнь, не видел ничего кроме соседних со своим домом улиц. Тогда по выходным он стал приглашать меня покататься на метро и посмотреть такие достопримечательности, как Тауэр, Биг-Бен и Букингемский дворец. Он покупал мне билет, и мы шли на платформу, где ждали поезд. В метро было мрачно и сыро. Я помню, как смотрел под ноги и заметил сгоревшую спичку и мятую пачку от сигарет с надписью: «Внимание! Курение наносит вред вашему здоровью».

Когда мы садились в поезд, Рехан показывал мне карту линий и станций метро: желтая – Кольцевая линия, синяя – Виктория, зеленая – Дистрикт. Поезд все время сотрясался на ходу, как будто непрерывно чихал. Центр Лондона мне не понравился – там было слишком много людей, красок, звуков и запахов; я не мог воспринять столько информации сразу, и у меня заболела голова. К счастью, Рехан водил меня по тихим местам подальше от толп туристов и прохожих. Мы ходили по музеям, библиотекам и галереям. Рехан мне очень нравился, с ним всегда было спокойно.

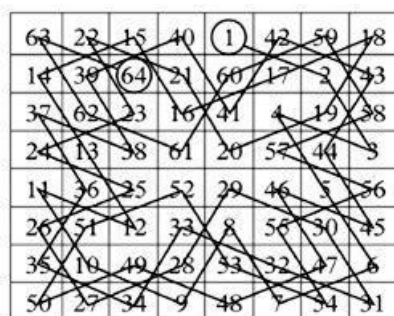
В школе Рехан много болел и со временем стал все чаще пропускать занятия. Мне приходилось привыкать к его отсутствию, что было нелегко, и одноклассники начинали дразнить меня за то, что у меня нет друзей. Когда школьная библиотека была закрыта, на переменах я просто бродил по коридорам, пока не звенел следующий звонок. Я с тоской ждал групповых занятий на уроках, где раньше с удовольствием работал с Реханом. Учитель громко задавал вопрос: «Кто окажет мне услугу и станет напарником Дэниела?» Становиться моим напарником не хотел никто, и мне часто приходилось работать одному, что, впрочем, вполне меня устраивало.

Когда мне было тринадцать, отец научил меня играть в шахматы. Он показал мне фигуры и доску, за которой иногда играл с друзьями, и спросил, не хочу ли я научиться. Я кивнул, и тогда он показал, как

движется по доске каждая из фигур, и объяснил основные правила игры. Мой отец был самоучкой, играл нечасто и лишь ради удовольствия. Однако, он был удивлен, что я победил его в первой же партии. «Новичкам везет», – сказал он, после чего расставил фигуры на начальные позиции, и мы сыграли еще раз. Я снова выиграл. В тот момент отцу пришла мысль, что мне будет полезно поиграть с другими людьми в шахматном клубе. Он знал один клуб поблизости и пообещал сводить меня туда на следующей неделе.

Есть много математических задач, связанных с шахматами: самая знаменитая и моя любимая из них известна как «Задача о ходе коня». Она заключается в том, чтобы найти путь, по которому конь (он ходит буквой «L» – на две клетки по вертикали и одну по горизонтали, либо одну по вертикали и две по горизонтали) может пройти по всем клеткам доски, посетив каждую только по одному разу. Над этой задачей веками размышляли многие известные математики. В одном из простых решений используется «правило Варнсдорфа»: при обходе доски конь следует на то поле, с которого можно пойти на минимальное число еще не пройденных полей. Если таких полей несколько, то можно пойти на любое из них. Ниже показан пример решенной задачи о ходе коня.

Клуб, в котором я играл, находился в двадцати минутах ходьбы от дома. Раз в неделю отец приводил меня туда, а вечером забирал. Члены клуба собирались в небольшом зале рядом с библиотекой, а руководил ими невысокий мужчина по имени Брайан, чье морщинистое лицо напоминало чернослив. В зале стояли ряды столов и стульев, над шахматными досками, ссутулившись, сидели пожилые люди. Во время игры было очень тихо – если не считать стука переставляемых фигур, тиканья часов, шороха подошв и гудения флуоресцентных ламп. Отец познакомил меня с Брайаном и сказал ему, что я новичок, но быстро учусь и люблю играть, хоть и очень застенчив. Брайан спросил, знаю ли я, как расставлять фигуры перед началом игры. Я кивнул, и он попросил меня сесть за свободный стол с доской и расставить все фигуры на их начальные позиции. Когда я закончил, Брайан подозвал пожилого мужчину в очках с толстыми стеклами и попросил сесть напротив и сыграть со мной. Брайан и отец стояли позади и смотрели, как я нервно передвигаю фигуры. Полчаса спустя мой оппонент опрокинул своего короля и встал. Я не знал, что это значит, пока Брайан не подошел ко мне и просто сказал: «Молодец, ты выиграл».

Мне нравилось играть в клубе каждую неделю. Там было тихо, и мне не нужно было разговаривать или активно взаимодействовать с

другими игроками. Когда я не играл в шахматы в клубе, я читал дома книги о них, которые взял в местной библиотеке. Вскоре я только и разговаривал, что о шахматах – даже говорил, что хочу стать профессиональным шахматистом, когда вырасту. Когда Брайан спросил, не хочу ли я поучаствовать в соревнованиях и сыграть с членами других клубов, я с радостью согласился, ведь это значило, что я смогу еще больше играть в шахматы. Матчи проходили в разные дни недели, но с каждым игроком заранее договаривались, будет ли он свободен. Брайан забирал меня на машине и вез, иногда с еще одним членом команды, к месту соревнований. Эти игры происходили в более официальной обстановке, чем те, что в клубе, и каждому игроку полагалось записывать все ходы на заранее выданном листе бумаги. Я выигрывал большинство своих матчей и быстро стал постоянным членом соревновательной команды клуба.

После каждого матча я забирал листок с собой и, сидя на полу спальни, воспроизводил все ходы на собственной доске, анализируя позиции и придумывая способы улучшить тактику. Этот совет я прочел в одной из книг, и это помогало мне не повторять ошибок, а заодно запоминать наиболее частые расстановки фигур во время игры.

Сложнее всего в шахматных матчах для меня было сохранять концентрацию в течение долгой игры, которая могла продолжаться по два-три часа. Обычно я над чем-то усиленно размышляю в течение короткого времени, а затем следует долгий период, когда мое внимание рассеяно и способность сосредотачиваться слабеет. Кроме того, мне сложно абстрагироваться от мелочей, которые происходят вокруг, например, чьих-нибудь шумных вздохов на другом конце зала. Бывало, что я занимал в игре выгодную позицию, а потом терял концентрацию, совершал неудачный ход и в результате проигрывал. Это всегда очень расстраивало.

Каждый месяц я читал свежий выпуск шахматного журнала в местной библиотеке. Однажды я прочел объявление о турнире, который проходил недалеко от моего дома. Помимо прочего, там было сказано: «Взнос за участие: заранее – скидка 5 фунтов, в день турнира – 20 фунтов». Я не понял, что такое «скидка», и решил, что участники турнира «скидываются» по 5 фунтов. Я спросил родителей, можно ли мне поучаствовать; они согласились и дали мне почтовый перевод на сумму, которую, как я думал, нужно послать: 5 фунтов. Две недели спустя я прибыл на место соревнования и назвал свое имя. Администратор проглядел свои записи, а потом сказал, что я, должно быть, ошибся, потому что я должен еще 15 фунтов (поскольку день соревнований уже наступил, нужно было заплатить полную сумму). К счастью, у меня были с собой деньги, и я заплатил взнос, хоть и был сильно озадачен всей этой ситуацией.

Игра шла на время, и первый свой матч я начал уверенно и активно. Вскоре я занимал сильную позицию на доске и имел большой запас времени против своего соперника. Я был очень доволен. Вдруг соперник сделал ход, нажал кнопку часов и резко встал. Он начал быстро расхаживать по коридору, ожидая моего хода. Я никак не ожидал такого и обнаружил, что не могу как следует сосредоточиться, пока он ходит и скрипит ботинками по твердому блестящему полу. Совершенно растерявшись, я сделал несколько неудачных ходов и

проиграл. Я был сильно разочарован и, кроме того, был не в состоянии продолжать другие матчи, потому что окончательно утратил концентрацию. Я вышел из зала и пошел домой, решив, что турниры не для меня.

Однако, я продолжал играть сам с собой на полу своей спальни. Семья знала, что в это время меня не стоит беспокоить. Когда я играл один, шахматы успокаивали меня своими строгими правилами и закономерными последовательностями ходов и позиций. В 16 лет я сочинил игру из 18 ходов и послал ее в журнал, который регулярно читал в библиотеке. К моему удивлению, через несколько месяцев ее опубликовали на первом месте в рубрике писем от читателей. Родители так гордились, что поместили эту страницу в рамку и повесили в моей спальне.

В том же 1995 году я сдал аттестационные экзамены. Я получил максимальную оценку – «отлично с плюсом» – по истории, а также «отлично» по английскому языку, английской литературе, французскому и немецкому. По физике было «хорошо», по столярному делу – «удовлетворительно». На предварительном экзамене по математике я оказался в числе лучших, но за итоговый вышло только «хорошо», потому что алгебра давалась мне с трудом. Я плохо понимал формулы, где вместо чисел, с которыми я имел синестетическую и эмоциональную связь, использовались буквы, никакого отклика во мне не вызывавшие. Именно поэтому в программе предуниверситетской подготовки я решил не заниматься математикой, а выбрал историю, французский и немецкий.

Одна из преподавателей французского, миссис Купер, помогла организовать мою первую поездку за границу – в Нант, прибрежный город на северо-западе Франции – когда мне было семнадцать. Учительница знала там семью, которая готова была приютить меня на это время. Прежде я никогда не нуждался в паспорте, поэтому его пришлось срочно оформлять перед полетом в середине лета. Помню, я очень нервничал из-за того, что мне придется одному, без своих близких, лететь на самолете и жить в другой стране. Но также я с радостью ждал возможности попрактиковаться во французском, и в итоге я неплохо справился. В течение этих десяти дней семья, где я гостил, относилась ко мне чрезвычайно тепло. Хозяева поддерживали мое желание говорить на французском, при этом понимая, что время от времени мне нужен покой. Все разговоры были *en français*¹² – за игрой в настольный теннис, во время поездок на пляж и за неторопливыми обедами с большим количеством блюд из морепродуктов. Домой я вернулся в целостности и сохранности, не считая того, что моя чувствительная кожа обгорела на солнце.

В то же лето в нашей школе появился немецкий мальчик по имени Йенс, который приехал сюда, чтобы улучшить свой английский. Поскольку я был единственным в классе, кто мог говорить по-немецки, он сидел со мной за одной партой и повсюду за мной ходил. Мне нравилось иметь товарища, с которым можно поговорить и скоротать время на переменах. Мы общались на смеси немецкого и английского. Йенс научил меня многим современным немецким словам, которых я не встречал раньше, например, *Handy* – «мобильный телефон» и *Glotze* –

---

12 На французском (фр.)

«телевизор». После того как он вернулся в Германию, мы стали поддерживать связь по электронной почте: он пишет мне по-английски, а я отвечаю по-немецки.

Взросление меняло меня – я становился выше ростом, а мой голос делался грубее. Родители научили меня пользоваться дезодорантом и бриться, хотя последнее оказалось для меня очень сложным и неприятным процессом, так что я часто отращивал длинную щетину. Всплеск гормонов влиял на то, как я воспринимал людей вокруг. Я не понимал, что такое чувства – они были чем-то, что просто случалось со мной, и зачастую как будто возникали из ниоткуда. Я лишь ощущал тягу быть ближе к кому-то, и, не понимая близость как, прежде всего, эмоциональное понятие, я подходил к другим ученикам на школьной площадке и вставал рядом настолько близко, что ощущал исходящее от их тел тепло. Я по-прежнему не понимал, что такое личное пространство, и не догадывался, что мое поведение может быть кому-то неприятно.

С одиннадцати лет я знал, что меня привлекают другие парни, хотя лишь несколько лет спустя осознал, что я «гей». Другие одноклассники интересовались девочками и много говорили о них, но это уже не делало меня бóльшим изгоем, чем раньше – к тому времени я прекрасно понимал, что мой мир сильно отличается от их мира. Я никогда не стыдился своих чувств, потому что я их не выбирал; они были столь же спонтанны и столь же реальны, как другие физиологические следствия полового созревания. Все подростковые годы я был очень неуверен в себе из-за того, что меня дразнили, и из-за неспособности общаться со сверстниками, поэтому возможностей для свиданий у меня не было. В школе проводились уроки полового воспитания, но они не вызывали у меня интереса и не объясняли те чувства, что я испытывал.

Впервые я влюбился в шестнадцать лет, после того, как пошел в классы предуниверситетской подготовки. Мой класс был гораздо меньше, чем раньше – учеников было всего двенадцать – и среди новеньких оказался парень, который только что сюда переехал и так же изучал историю на продвинутом уровне, как и я. Он был высоким, общительным и уверенным в себе, хоть и появился в школе совсем недавно – во многом, он был полной моей противоположностью. Я странно себя ощущал, когда смотрел на него: у меня пересыхало во рту, желудок сжимался, а сердце начинало колотиться часто-часто. Поначалу мне было достаточно просто видеть его каждый день, но если он опаздывал, я не мог сосредоточиться на уроке и ждал, когда же он войдет в дверь.

Однажды я увидел, как он читает в школьной библиотеке, и сел за стол рядом с ним. Я так нервничал, что даже забыл представиться. К счастью, он узнал меня по классу и просто продолжил читать. Я так и сидел, не в силах произнести ни слова, все пятнадцать минут, пока не прозвенел звонок. Тогда мне пришла в голову мысль, что если я помогу ему с историей, мне будет намного проще с ним общаться. Страницу за страницей, я переписал весь конспект по истории за прошедший месяц и отдал ему, когда в следующий раз увидел его в библиотеке. Он удивился и спросил, почему я это делаю. Я ответил, что хочу помочь, поскольку он в школе недавно. Он взял тетрадь и поблагодарил меня. Я

переписывал для него и другие конспекты, которые он принимал только после того, как я заверял его, что мне это совсем не трудно. Однако, он ни разу не пытался заговорить со мной как с другом или как-то провести со мной время. Я не находил себе места и вскоре написал о своих чувствах в короткой записке, которую и отдал ему в библиотеке на одной из перемен. Отдав ему записку, я сразу вышел, так как не в силах был смотреть, как он читает мои самые сокровенные мысли. Позже, в конце учебного дня, когда я шел к воротам, я увидел, как он стоит на дорожке, смотрит по сторонам и ждет. В глубине души мне хотелось развернуться и убежать, поскольку я все еще был не в состоянии встретиться с ним, но было поздно: он меня заметил. Мы стояли друг напротив друга и на короткий счастливый миг мне показалось, что он меня понял. Он вернул мне записку и сказал спокойно и мягко, что он не тот человек, каким я хотел бы его видеть. Он не был зол или расстроен и не спешил уйти; он стоял и терпеливо смотрел на меня, пока я не опустил голову и не пошел прочь.

Вернувшись домой, я сделал то, что всегда делал в моменты грусти и растерянности – стал слушать любимую музыку, которая помогала мне успокоиться. Моей любимой группой были The Carpenters, но я часто слушал и других исполнителей, например, Alison Moyet и The Beach Boys. Повторение меня не утомляет, так что иногда я проигрывал в плеере одну и ту же песню по сто раз, слушая ее часами без перерыва.

Последние два учебных года были сложны и по другим причинам. Новая структура уроков и новые темы стали для меня большой неожиданностью, мне было сложно к ним привыкнуть. По истории мы изучали совсем не то, что раньше – мне это было не интересно. Письменных заданий стало гораздо больше, и мне было трудно писать о событиях и идеях, о которых я мало что знал и которые меня не увлекали. Однако, с учителем истории, мистером Секстоном, у меня были прекрасные отношения – гораздо лучше, чем с кем-либо из сверстников. Он уважал мою любовь к предмету и после уроков любил поговорить со мной о тех областях истории, которые интересовали меня больше всего. Программа продвинутого уровня была довольно гибкой, занятий было меньше, а темы были более узкими, и так что я мог учиться в комфортном для себя темпе. Однако, к концу последней четверти я ощущал себя уставшим и неудовлетворенным. Я хорошо сдал итоговые экзамены, но это не давало мне ответа на вопрос, который к тому времени постоянно крутился у меня в голове: «Что дальше?»

Билет до Каунаса

Мои родители всегда думали, что я пойду в университет. Они поддерживали меня в учебе и гордились моими успехами. И мать, и отец окончили лишь среднюю школу и не имели специальности, так что никто в моей семье прежде не получал высшего образования. Но мысль о том, чтобы поступить в университет, мне никогда не нравилась. Хотя я усердно работал над своими навыками общения, я по-прежнему ощущал неловкость и дискомфорт рядом с людьми. Кроме того, мне уже хватило учебы, и я хотел заняться чем-то новым и увлекательным. Однако, как и у многих восемнадцатилетних, у меня не было четкого представления, чего именно я хочу. Когда я сказал маме, что решил не идти в университет, ее это расстроило. В то время родители не были уверены, что я смогу полностью адаптироваться к требованиям внешнего мира. В конце концов, самые простые бытовые вещи – например, бритье или чистка зубов – требовали от меня много времени и усилий.

Каждый день я просматривал различные вакансии на последних страницах газет. Школьному консультанту по профориентации я сказал, что хочу стать сортировщиком почты или библиотекарем. Работа в отделе сортировки, где каждое письмо нужно класть на строго определенное место, или в библиотеке, среди слов и чисел, в атмосфере порядка, логики и тишины, всегда казалась мне идеальной. Но библиотекам в моем районе не требовались новые сотрудники, а в некоторых местах нужны были особые навыки, которых я не имел. Затем мне в газете попало маленькое объявление о поиске людей, которых интересует волонтерская работа за границей. Я столько читал о разных странах мира – и знал названия всех европейских столиц – что идея жить и работать в другой стране, вдали от дома, казалась мне одновременно пугающей и невероятно увлекательной. Даже задуматься об этом было серьезным шагом, но я знал, что не хочу жить с родителями вечно.

Я обсудил эту мысль с семьей. Они были полны сомнений, но сказали, что не будет вреда, если я позвоню по телефону, указанному в объявлении, и расспрошу о подробностях. Через пару дней мне прислали несколько брошюр. Люди, разместившее объявление, представляли молодежное отделение международной благотворительной организации «Центр добровольческой работы за рубежом»¹³ – крупнейшей волонтерской службы в мире. В особенности они искали молодых людей из неблагополучных районов Великобритании, чтобы дать им возможность заниматься волонтерской

¹³ Voluntary Services Overseas.

работой в другой стране. Кандидаты, прошедшие отбор, направлялись в различные страны Восточной Европы, где им обеспечивалось проживание и специальное обучение на все время работы. Еще раз обговорив все с родными, я заполнил анкету и стал ждать ответа от организаторов.

Меня очень пугала перспектива оставить семью и уехать в новую страну за сотни миль. Но я был уже взрослым и знал, что должен что-то предпринять, если хочу найти свое место в мире за пределами собственной комнаты. Мой немецкий друг Йенс поддерживал идею о поездке, ведь он и сам какое-то время прожил в Британии. Он полагал, что этот опыт придаст мне уверенности в себе и сделает более открытым к другим людям. Я несомненно надеялся, что путешествие за границу позволит мне больше узнать о самом себе и понять, что я из себя представляю.

Пришло письмо, в котором говорилось, что мою анкету приняли, и мне необходимо прийти на собеседование в центральном Лондоне. В назначенный день родители дали мне денег на такси, чтобы я точно не опоздал. Я надел новую рубашку и брюки, а отец помог мне завязать галстук. Ярлык на рубашке царапал спину, и за время пути я расчесал ее до того, что она начала саднить. Войдя в здание, я поднялся на лифте, понаблюдав, как номера этажей загораются на маленьком экранчике над дверью, а затем подошел к стойке администратора и назвал свое имя. Женщина за стойкой полистала какие-то страницы, потом поставила галочку фиолетовой ручкой и попросила меня взять стул. Я понял, что она предложила мне сесть, а не взять один из стульев в холле и унести с собой, так что я сел и стал ждать.

Холл был маленьким и темным – узкие окна располагались слишком высоко под потолком, чтобы пропускать достаточно света или воздуха. На полу лежал выцветший ковер, а рядом с моим стулом были рассыпаны желтые крошки – видимо, кто-то ел печенье, ожидая вызова. На столике небольшой стопкой были сложены измятые журналы, но я не хотел читать, поэтому просто смотрел в пол и считал крошки. Внезапно открылась дверь и чей-то голос назвал мое имя. Я встал и направился к кабинету, постаравшись не опрокинуть стопку журналов на ходу. В кабинете имелось большое окно, и там было гораздо светлее. Женщина за письменным столом пожала мне руку и пригласила сесть. На столе у нее лежало множество бумаг. Она задала вопрос, который я и ожидал: «Почему вы считаете, что можете стать хорошим волонтером?» Я опустил взгляд, сделал глубокий вдох и вспомнил, что говорила мама – чтобы я подчеркивал свои положительные качества. «Я очень тщательно обдумываю различные ситуации, с пониманием и уважением отношусь к отличиям других людей и быстро учусь», – сказал я.

За этим последовали другие вопросы, например, есть ли у меня партнер, с которым будет тяжело расстаться, если меня отправят за границу («нет»), и считаю ли я себя терпимым по отношению к другим странам и культурам («да»). Женщина спросила, чем бы я хотел заниматься в качестве волонтера и какая работа дается мне лучше всего. Я ответил, что в школе иногда помогал младшим ученикам с иностранными языками, и что с удовольствием преподавал бы английский язык. Женщина улыбнулась и что-то записала. Затем она

спросила, знаю ли я что-то о Восточной Европе. Я кивнул и сказал, что изучал в школе историю Советского Союза и знаю названия всех стран и их столиц. Она перебила меня и спросила, согласился бы я жить в гораздо более бедной стране чем Великобритания. Я на несколько секунд замолчал, потому что не люблю, когда меня перебивают, но потом поднял голову и ответил, что согласен, а также добавил, что все самое необходимое я возьму с собой – например, книги, одежду и кассеты с музыкой.

В конце женщина встала из-за стола, пожала мне руку и сказала, что о решении мне скоро сообщат. Когда я вернулся домой, мама спросила, как прошло собеседование, но я не знал, что ответить, потому что понятия не имел, как его оценить. Через несколько недель пришло письмо, в котором сообщалось, что собеседование я прошел успешно, и в следующем месяце мне необходимо пройти недельную тренировку в центре отдыха в Мидлендсе. Я был рад, что справился с собеседованием, но очень нервничал, потому что до Мидлендса нужно добираться на поезде, а я на поезде никогда не ездил. К письму прилагалась бумага с указаниями, как добраться до центра, и я выучил их наизусть, чтобы как-то себя успокоить. Когда настало утро отъезда, родители помогли мне собраться, а отец отвез меня на вокзал и вместе со мной постоял в очереди за билетом. Он проводил меня к нужной платформе и помахал на прощание, когда я сел в поезд.

Стоял жаркий летний день, в поезде было душно и неприятно. Я быстро занял место у окна, где не было соседей, поставил сумку на пол и крепко сжал ее ногами. Сиденье подо мной проминалось, и, как бы я ни ерзал, я не мог устроиться удобно. В поезде мне не нравилось. В вагоне было грязно, на полу валялись обертки от конфет, на сиденье напротив лежала смятая газета. Поезд все время гремел при движении, из-за чего мне трудно было на чем-то сосредоточиться – например, на подсчете царапин на оконном стекле. На каждой станции заходили новые люди, и я все больше нервничал, так как количество пассажиров, сидящих и стоящих поблизости, быстро росло. От какофонии разных звуков – шелеста журнальных страниц, пульсирующих басов музыки в чьем-то плеере, кашля, чихания, громких разговоров – мне было физически плохо. Когда стало казаться, что моя голова сейчас разлетится на тысячу кусочков, я заткнул уши пальцами.

Наконец, поезд достиг нужной мне станции, и я испытал невероятное облегчение. Однако, учитывая мое слабое чувство направления, я по-прежнему боялся заблудиться. К счастью, поблизости оказалось свободное такси, так что я сел в машину и назвал адрес водителю. Преодолев короткий путь, такси доставило меня к большому красно-белому зданию с множеством окон и растущими вокруг деревьями. На фасаде была надпись: «Харборн Холл – Центр обучения и конференций». Информационная табличка внутри сообщала, что здание было построено еще в 18 веке, и прежде здесь располагался женский монастырь. В фойе был полумрак, коричневые деревянные балки упирались в потолок, у стен стояли стулья, обтянутые темной кожей, а напротив стойки регистрации была деревянная лестница с перилами. Мне выдали нагрудную карточку с именем, которую нужно было носить все время пребывания в центре, а также ключ от моей комнаты и расписание на неделю.

Моя комната находилась на втором этаже и была гораздо светлее и уютнее. В углу имелась маленькая раковина, но туалеты и душевые располагались отдельно в конце коридора. Мысль о том, чтобы мыться в общем помещении (дома я принимал душ ежедневно) была мне неприятна, и я каждое утро вставал очень рано, чтобы закончить все процедуры до того, как проснутся остальные.

В первый же день мне сказали, что мне назначено место преподавателя английского в Литве. Прежде я знал об этой стране только ее название и столицу – Вильнюс, так что мне дали несколько книг и брошюр, чтобы я получил некоторую информацию о стране и ее жителях. Затем состоялось групповое знакомство с дюжиной других молодых людей, которых отправляли в разные страны Восточной Европы. Мы сидели на расставленных по кругу стульях, и каждому из нас давалась минута на то, чтобы представиться. Я очень нервничал и старался не забыть о том, чтобы поддерживать зрительный контакт с остальными, когда буду сообщать свое имя и страну, где буду работать. Среди волонтеров, с которыми я познакомился, был длинноволосый кудрявый ирландец, который отправлялся в Россию. Еще одна молодая женщина ехала работать с детьми в Венгрию.

Свободного времени было достаточно много, и другие волонтеры проводили его, общаясь между собой и играя в бильярд. Я предпочитал сидеть в своей комнате и читать, либо ходить в информационный зал центра, где было много книг и графиков на стенах, и заниматься там в тишине. Во время перерывов на еду я спешил вниз, чтобы взять свою порцию первым и съесть ее как можно скорее, пока люди не столпились вокруг. В конце каждого дня я сидел один на траве на заднем дворе центра и любовался деревьями на фоне теплых угасающих красок вечернего неба, погружившись в свои мысли и ощущения. Конечно, я переживал, как пройдет поездка и справлюсь ли я с работой. Но было и еще кое-что: воодушевление от того, что я наконец-то взял собственную жизнь и судьбу в свои руки. От этой мысли захватывало дух.

Подготовка состояла из трех этапов. Первый был направлен на командную работу и сотрудничество. Волонтеров разделили на небольшие команды и поручили совместно решить головоломку, где нужно было в определенной последовательности провести цветные пластмассовые шарики по лабиринту. Когда товарищи по команде давали мне простые и четкие указания, я хорошо справлялся и был вполне рад поучаствовать в подобном деле ради тренировки. Такие упражнения могли длиться по несколько часов, так что сложнее всего для меня было сохранять концентрацию в течение долгого времени.

Кроме того, были групповые обсуждения культурных ценностей и обычаев. Они предназначались для того, чтобы стимулировать дискуссию, преодолевать предрассудки и развивать терпимость. Однажды, после просмотра видео об экзотической пище в разных странах мира, ведущий спросил группу, как мы бы отнеслись к стране, жители которой обильно смазывают свою еду животным жиром. Многие стали морщиться и говорить, что это звучит отвратительно. Догадавшись, что он, вероятно, имел в виду сливочное масло (а так и оказалось), я ответил, что ничего не имею против.

Ближе к концу недели нам провели лекцию о географии стран Восточной Европы и их социальной и политической обстановке. Лекция длилась час, и все должны были вести конспект. Я слушал, но ничего не записывал. В какой-то момент лектор спросил, почему я не пишу, и я ответил, что и так все помню, а пометки делаю мысленно. Я всегда так делал, и мне это хорошо помогало во время школьных экзаменов. Он задал несколько вопросов, чтобы проверить меня, и я на каждый ответил правильно.

Вернувшись домой после подготовки, я стал ждать окончательного подтверждения, что меня отправляют в Литву. Вскоре по почте пришел большой пакет с инструкциями, картами, именами, контактными телефонами, подробностями по поводу работы и проживания, а также билетом на самолет. Родители очень переживали за меня и беспокоились, смогу ли я прожить так долго вдали от дома, но я был рад предпринять этот серьезный шаг. Я и сам с трудом мог поверить в это, но в возрасте почти двадцати лет я наконец-то покидал дом и отправлялся за восемьсот миль в другую страну.

Литва, или Литовская республика, - одна из трех стран Прибалтики. Она граничит с Латвией на севере, Белоруссией на юго-востоке, Польшей на юге и Калининградской областью России на юго-западе. В 1940 году, во время Второй мировой войны, Литва была аннексирована Советским Союзом. Позже она попала под немецкую оккупацию, а в 1945 году снова оказалась под властью СССР. Литва была первой советской республикой, объявившей о своей независимости - это произошло в воскресенье, 11 марта 1990 года. Советские силы попытались подавить сопротивление (во время столкновения у телевизионной башни столицы погибло несколько мирных жителей), но потерпели неудачу. В 2004 году Литва стала полноправным членом НАТО и Европейского Союза.

Пока такси везло меня в аэропорт, я смотрел в окно и считал проезжавшие мимо машины. Меня мутило, голова гудела как колокол. Я не мог поверить, что до следующего года не увижу свою семью. Перед отъездом я пообещал маме, что буду хорошо питаться и каждую неделю звонить домой с отчетом. В зале регистрации было удивительно тихо - стоял октябрь, летние каникулы и отпуска давно закончились, так что я без проблем зарегистрировал свой багаж и прошел проверку перед зоной вылета. После долгого ожидания, во время которого я то и дело подходил к панели расписания полетов, мой рейс наконец объявили, и я поспешил на самолет. Салон был наполовину пуст, и я с большим облегчением увидел, что рядом со мной никто не сидит. Я поглубже устроился на сиденье и стал перечитывать информацию о центре, где буду работать, шепотом репетируя произношение различных имен и названий. Персонал во время полета меня не беспокоил. Когда самолет приземлился в международном аэропорту Вильнюса, я еще раз проверил, что не забыл фотоаппарат: приближалась зима, и я хотел сделать побольше фотографий снега.

Очереди в зоне прибытия были короткие. Всех проверяли полицейские, с головы до ног одетые в черное. Один из них посмотрел мой паспорт, поставил красную печать с надписью *Lietuvos Respublika* (Литовская республика) и жестом велел проходить. После того, как я забрал багаж, меня встретил координатор волонтеров в Прибалтике и

отвез меня на квартиру в Каунасе – втором по величине городе Литвы, расположенном в центре страны.

Квартира находилась в многоэтажном доме, построенном из бетона и металла. Во дворе был разбит огород, за которым ухаживали пожилые обитатели – всем было лет по 70–80. Это был тихий квартал в стороне от крупных дорог. Меня представили хозяину квартиры, седому мужчине по имени Йонас, который на ломаном английском объяснил мне правила дома и показал, помимо прочего, как включать и выключать отопление. На всякий случай он дал мне свой телефон. Координатор подтвердил адрес центра, где я буду работать, и дал письменные указания, как добраться туда на троллейбусе. Была пятница, так что впереди у меня оставались выходные, чтобы освоиться перед первым днем работы.

Изнутри квартира оказалась на удивление просторной: она состояла из кухни, гостиной, ванной и спальни. На окнах висели плотные темные шторы, мебель была застелена такими же темными покрывалами, так что в пасмурные дни комнаты выглядели довольно мрачно. На кухне стояла старая плита, шкафчики для посуды и холодильник. Стены были выложены белой плиткой с отколовшимися кое-где краями. В гостиной была большая стенка с фотографиями и украшениями, принадлежавшими семье Йонаса. Также там имелся маленький столик, диван и телевизор. В ванной был душ и стиральная машина, что по тем временам для Литвы было роскошью. В просторной спальне, помимо кровати, был большой шкаф, стол со стулом и телефон. На следующие девять месяцев этому месту предстояло стать моим домом.

Я слишком нервничал, чтобы в первые же выходные выйти из квартиры и изучить территорию вокруг. Вместо этого я стал распаковывать вещи и разбираться с обстановкой моего нового дома. Я немного посмотрел телевизор и вскоре понял, что по местным каналам показывают много американских программ с литовскими субтитрами. На кухне Йонас оставил для меня самые необходимые продукты – например, хлопья, молоко и хлеб. Прежде мне не приходилось готовить самому, так что первое время я обходился сэндвичами и кукурузными хлопьями. Вскоре мне все же пришлось собраться с духом и решиться на первое путешествие в центр.

В понедельник я проснулся рано, принял душ и перед выходом на улицу надел толстое пальто и шарф. Зима еще не настала, но было уже очень холодно. Немного пройдя от дома, я вышел к главной дороге. В инструкциях, которые дал мне координатор, говорилось, что билеты на троллейбус я могу приобрести в любом газетном киоске – на крупных улицах Литвы их было множество. Вспомнив содержание литовского разговорника, который входил в мой волонтерский пакет, я попросил *vieną troleibusų biliet* (один билет на троллейбус) и получил прямоугольный кусочек бумаги в обмен на несколько литов (так назывались литовские деньги). Троллейбус карабкался по длинной крутой дороге, останавливаясь почти каждую минуту и впуская новых и новых пассажиров. Среди них были мужчины в шапках и тяжелых шубах, молодые женщины с детьми на руках, сморщенные, укутанные в платки старушки, которые садились и ставили под ноги множество пластиковых пакетов. Учитывая, как мало было сидячих и стоячих мест,

троллейбус быстро оказался набит битком. У меня закружилась голова и перехватило дыхание – я словно тонул в море людей. Когда троллейбус добрался до следующей остановки, я резко поднялся со своего места, чуть не сбив с ног стоявшего рядом мужчину, протиснулся к выходу и вырвался на свежий воздух. Я взмок от пота, и меня колотил озноб. Мне потребовалось несколько минут, чтобы успокоиться.

Я прошел пешком по *Savanorių Prospektas* (проспект Волонтеров), круто поднимавшемся в гору, и наконец достиг дома номер один – высокого бетонного здания коричневого цвета. Я преодолел два лестничных пролета и нажал кнопку возле двери. Дверь резко распахнулась и меня на хорошем английском поприветствовала невысокая женщина с щедрым количеством макияжа и украшений: «Добро пожаловать! Должно быть, вы Дэниел. Проходите, пожалуйста. Как вам Литва?» Я ответил, что еще не успел осмотреться. Женщина представилась как Люда, она была основателем и директором центра.

Центр назывался *Socialinių Inovacijų Fondas* (Фонд социальных инноваций) – это была неправительственная организация для безработных и малообеспеченных женщин. В период хаоса, который последовал за отделением страны от Советского Союза, многие литовцы потеряли работу, и у Люды возникла идея создать организацию, которая помогала бы таким же, как она, женщинам найти свое место в условиях новой экономики.

Волонтеры выполняли в центре значительную долю работы и были незаменимой его частью. Как и я, некоторые прибыли из других стран, как соседних, так и далеких. Я подготавливал курсы английского вместе с волонтером из американского Корпуса мира – его звали Нил, и ему было уже за 70. Во время перерывов на кофе он любил рассказывать о доме, который построил себе в США, и о трейлере, который он с женой купил после того, как вышел на пенсию, и в котором они путешествовали по всем пятидесяти штатам.

Еще одним учителем в центре была Ольга, русская женщина с вьющимися рыжими волосами и в дымчатых очках. Когда она говорила, во рту у нее виднелись два золотых зуба – по одному в каждом углу рта. Ольга понимала, что я нервничаю от того, что нахожусь в совершенно незнакомой обстановке, и сказала, что скучать по дому и волноваться, когда начинаешь что-то новое, – это совершенно нормально. Я был ей очень благодарен за эти слова.

Основная моя работа состояла в том, чтобы вести уроки. Мне выдали несколько учебников и пособий, но, в целом, ресурсы центра были невелики. Поэтому в том, что касалось содержания уроков, мне была предоставлена полная свобода, что меня очень даже устраивало. Занятия посещали женщины разного возраста, положения и образования, но в классе всегда было не больше двенадцати человек, так что все хорошо друг друга знали, и атмосфера на уроках была расслабленная и дружеская. Поначалу я очень боялся стоять перед всеми и вести урок, но слушатели были добры и благожелательны, и постепенно я стал осваиваться в этой роли.

Именно на этих занятиях я встретил человека, который впоследствии стал одним из моих ближайших друзей – женщину по имени Бирута. Она работала переводчиком и хорошо говорила по-

английски, но ей не хватало уверенности, поэтому она посещала уроки ради практики. После уроков она подходила ко мне и расспрашивала, как мне живется в Литве. Однажды она спросила, не нужен ли мне гид, чтобы посмотреть город. Я все еще не решался гулять по городу в одиночку, поэтому с благодарностью принял ее предложение.

Мы вместе прошли по *Laisvės Alėja* (аллея Свободы) – главной пешеходной улице Каунаса, которая имеет длину 1621 метр и проходит через центр города. На одном ее конце стоял собор Святого Михаила Архангела – огромный храм с белыми колоннами и голубыми куполами, которые сияли на солнце. В советские времена собор был превращен в художественную галерею, и заново его открыли для богослужений лишь после того, как Литва обрела независимость. Другой конец аллеи вел в старый город с мощеными улицами и замком из красного кирпича – первым защитным бастионом страны, который был построен еще в 13 веке.

Каждый день около полудня, когда заканчивались утренние занятия, Бирута дожидалась меня и мы вместе шли обедать в городскую ратушу. Такие обычные вещи помогали мне освоиться в новой жизни, придавая каждому дню стабильную, предсказуемую, приемлемую для меня форму. Столовая располагалась на первом этаже, в ней было приглушенное освещение и не слишком много людей – заполнена она всегда была от силы на половину. Еда там была сытная и недорогая и включала в себя многие традиционные литовские блюда, например, свекольный суп и мясные рулеты. С детских времен мои предпочтения в еде заметно расширились, и теперь я свободно мог пробовать разные блюда. В дни, когда не было вечерних занятий, мы с Бирутой ужинали в одном из многочисленных ресторанов, расположенных на аллее Свободы. Больше всего мне нравилось литовское блюдо «цеппелины» – большие картофельные клецки, названные так из-за того, что их форма напоминала цеппелин, то есть, дирижабль. Цеппелины делались из тертой картошки и мясного фарша, отваривались в воде и подавались со сметаной.

Дружба между мной и Бирутой становилась все более крепкой. Она относилась ко мне с терпением и пониманием и всегда была готова выслушать, дать совет и поддержать. Не знаю, как бы я выжил в Литве без нее. Когда несколько женщин из центра сказали мне, что хотели бы больше заниматься английским, но не могли платить за дополнительные уроки, у меня возникла идея организовать у себя дома группу общения на английском, и в этом мне также помогла Бирута. Женщины приносили печенье, помогали готовить чай и кофе, а потом все рассаживались на стульях или на диване и беседовали на английском на разные темы. Однажды вечером Бирута принесла и стала показывать нам слайды, которые сделала во время отпуска с семьей. Группа смотрела, задавала вопросы и обсуждала собственные поездки.

Часто женщины из центра и из моего класса спрашивали, завел ли я друзей своего возраста. Инга, заместительница Люды, познакомила меня со своим племянником, на три года меня младше, и предложила нам пообщаться. Петер хорошо говорил по-английски, был застенчив и очень вежлив. Мы вместе ходили в кино на американские новинки.

Когда музыка в кинотеатре была слишком громкой, я затыкал уши, но он, казалось, не обращал на это никакого внимания.

В Литве были и другие волонтеры из Великобритании. Нам рекомендовали оставаться на связи, чтобы поддерживать друг друга. Один из волонтеров, Викрам, недавно отучился в университете на юриста, но понял, что не хочет развивать карьеру в этой области. У нас было мало общего – он говорил о футболе, роке и других вещах, которые меня не интересовали, и наши разговоры часто прерывались долгим молчанием. Мне сложно поддерживать беседу, когда тема меня не интересует – слова просто не идут на ум.

Еще одним волонтером, работающим в Литве, была Дениз – высокая худая женщина лет 30, очень энергичная и в словах, и в поступках. Дениз жила в столице Литвы, Вильнюсе, и однажды пригласила волонтеров из Каунаса навестить ее и посмотреть город. Мы поехали на автобусе – я сел позади, чтобы меня не окружали другие пассажиры. Путь по ухабистым дорогам между двумя городами занял около часа. Вильнюс очень отличался от Каунаса – там строилось много новых блестящих зданий из стекла и металла, и даже люди ходили быстрее. Квартира Дениз была чистой, с яркими стенами и темными полами. На кухне стояли деревянные стулья, и у них были спинки с волнистой верхней перекладиной. Мне нравилось водить по пальцами по их приятной шероховатой поверхности. Мы пили чай с печеньем и смотрели фотографии, которые Дениз сделала уже здесь, в Литве. Мне нравилось, что другие волонтеры включали меня в разговор и не осуждали меня за то, что я отличаюсь от них. Все они были очень разными людьми, но открыто и приветливо общались друг с другом.

Самой опытной из волонтеров была индианка британского происхождения по имени Гурчаран. У нее были густые вьющиеся темные волосы, и она носила яркие разноцветные сари. Ее квартира в Каунасе была недалеко от моей, и она регулярно приходила ко мне, чтобы воспользоваться моей стиральной машиной. В ответ Гурчаран приглашала меня к себе пообщаться и поужинать вместе после работы. Стены каждой комнаты в ее квартире были увешаны красочными индийскими картинами, а на столе в гостиной горели свечи и курились благовония. Гурчаран говорила очень быстро, иногда я с трудом ее понимал. Она была очень открытой и много рассказывала о своей личной жизни, призывая и меня делать то же самое. У меня личной жизни не было, поэтому я не знал, что сказать. Она поинтересовалась, есть ли у меня девушка, и я покачал головой. Тогда она спросила, есть ли у меня парень. Должно быть, я покраснел, потому что следом она спросила, не гей ли я. Поток ее вопросов ошеломил меня, как ливень, обрушившийся на голову, и я помолчал несколько секунд прежде чем ответить утвердительно. Она широко улыбнулась и спросила, есть ли у меня друзья-геи. Я снова покачал головой.

В одной из брошюр, которые раздавали всем волонтерам перед вылетом, был список телефонных номеров, которые могут пригодиться. Я держал его рядом с телефоном в своей квартире. Разговор с Гурчаран подтолкнул меня к тому, чтобы позвонить по одному из этих номеров – это был местный клуб общения для геев – и договориться о встрече с одним из его участников на следующий день возле городской ратуши. Я устал от незнания, кто я есть, и хотел наконец-то принять эту часть

себя. Тот телефонный звонок был одним из самых серьезных и важных решений в моей жизни. На следующий день я не мог ничего есть и все то время, что вел занятия, ощущал, как колотится мое сердце. Когда после работы я пошел к ратуше, меня била дрожь, и я изо всех сил старался не поддаваться искушению развернуться и сбежать. Подойдя ближе, я увидел, что человек, с которым я должен был встретиться, уже на месте, и неподвижно стоит, ожидая меня. Я сделал глубокий вдох, подошел к нему и представился. Это был высокий худой парень с черными волосами, одетый в такую же черную куртку.

Витаутас – то было распространенное имя в Литве – оказался моим ровесником и был рад встретить кого-то из Британии. Он отлично говорил по-английски, поскольку любил смотреть американские передачи и фильмы. Витаутас пригласил меня на выходные в гости к себе и своему партнеру Жигинтасу, и я согласился. Поскольку я не любил ездить в переполненных троллейбусах, они забрали меня на машине. Их квартира находилась на другой стороне города. Дома у них было много современных вещей, например, широкоэкранный телевизор и CD-плеер, что тогда было редкостью в литовских домах. Жигинтас любил британскую музыку и имел большую коллекцию дисков – некоторые из них он поставил для меня. За едой мы говорили о себе. Витаутас учился в университете, а Жигинтас работал стоматологом. Они познакомились в клубе и встречались уже несколько лет. В течение следующих недель я регулярно навещался к ним поужинать вместе, обсудить события и послушать музыку. Возвращался домой я уже затемно. Жигинтас волновался за меня и всегда предлагал подвезти до дома, но я любил долгие прогулки в одиночестве по тихим и пустым улицам, освещенным луной.

Гурчаран была рада узнать о моей дружбе с Витаутасом и Жигинтасом и захотела с ними познакомиться. Она предложила поужинать вчетвером у нее дома, и мы с радостью согласились. Был морозный вечер поздней осени, и, когда мы приехали, у нас ушла не одна минута на то, чтобы избавиться от курток, шапок, шарфов и перчаток прежде чем войти в гостиную. Гурчаран была всю занята на кухне, готовя несколько блюд одновременно. Комнату наполняли ароматы специй и будоражили аппетит. Гаснущий дневной свет быстро сменялся теплым мерцанием свечей, расставленных на различных полках и коробках. Посередине комнаты стоял уже накрытый стол, тарелки, приборы и бокалы поблескивали в свете свечей. И вот, гостям было налито вино, а приготовленная еда разложена по тарелкам. На столе было несколько видов карри с мясом, овощами и щедрым количеством риса. Гурчаран, как всегда, была разговорчива, и за ужином постоянно расспрашивала Витаутаса и Жигинтаса об их жизни. Я слушал их в меру своих сил, поглощая вкусную домашнюю еду, но разговор меня мало интересовал, так что, закончив есть, я взял книгу с ближайшей полки и стал читать. Гурчаран воскликнула, что это очень невежливо, заставив меня смутиться – я и не представлял, что совершаю какую-то грубость. В этот момент Жигинтас, который тоже уже заканчивал есть, внезапно замер и что-то воскликнул по-литовски, а потом повторил для нас двоих по-английски: «Мышь! У тебя мышь!» Он указал на кухонный столик, с которого зверек только что спрыгнул и исчез из виду. Гурчаран слегка улыбнулась и просто сказала: «Я знаю».

Она объяснила нам, что не видит никакой проблемы в таком соседстве, и дома в Британии у нее тоже жила мышь. Поскольку она ей не мешала, Гурчаран не видела причин для беспокойства. Я никогда раньше не видел мышь вблизи и жалел, что пропустил ее появление. Разговор продолжился своим чередом, и на этот раз, похоже, никто не возражал против моего чтения. В конце вечера Гурчаран поцеловала на прощание каждого из гостей. Должно быть, она заметила, как я напрягся, потому что просто взяла меня за руку и крепко ее сжала. Она понимала, что у меня есть свои отличия, и сказала мне, что гордится моей смелостью.

Где-то через неделю, делая на кухне сэндвичи, я заметил пятнышко на стене, которое вдруг начало двигаться. Я нагнулся ближе и увидел насекомое, которое никогда прежде не встречал. На следующий день в центре я спросил о нем Бируту. «Это *tarakonas*», – сказала она и сделала паузу, вспоминая перевод, – «таракан». Как я вскоре выяснил, эти насекомые были частой проблемой во многих старых зданиях Литвы. Хозяин квартиры, Йонас, сильно извинялся и обещал избавиться от нашествия. Однако, для этого необходимо было обработать весь дом, а поскольку все мои соседи были очень пожилыми людьми, это сложно было устроить быстро. А пока Йонас выдал мне распылитель от тараканов на случай, если я снова их увижу. Мне они не слишком мешали, хотя их появление отвлекало меня, когда я пытался внимательно слушать разговор или смотрел телевизор. Когда я рассказал о тараканах родителям во время одного из своих регулярных звонков, они очень встревожились, и мне пришлось заверить их, что в остальном моя квартира чиста, я совершенно здоров, а хозяин квартиры занят решением проблемы. Через несколько недель Йонасу удалось организовать обработку всего дома, но даже тогда тараканы продолжали появляться, хоть и гораздо реже.

Через несколько месяцев после моего прибытия в Литву настала зима, принесся сильные снегопады и морозы. В Каунасе температура опускалась до минус тридцати по Цельсию. Моя квартира находилась в старом здании с плохой теплоизоляцией, и там было очень сложно поддерживать комфортную температуру. Я позаимствовал обогреватель у одного из волонтеров центра – он недавно купил новый и с радостью одолжил мне прежний. Когда я смотрел телевизор или читал по вечерам, то ставил обогреватель в гостиной, а на ночь переносил в спальню, чтобы спать в тепле. Йонас обил утеплителем входную дверь и окна, когда Бирут, которой я рассказал о постоянном холоде, попросила его об этом от моего имени. Если не считать лютый холод, я любил зиму – любил хруст свежесвыпавшего снега под ногами по пути на работу и яркую сверкающую белизну вокруг. По ночам я иногда надевал ботинки и куртку и шел гулять по тихим улицам, а вокруг падали снежинки. Я останавливался под ярким уличным фонарем, запрокидывал лицо к небу и кружился на месте, раскинув руки.

В декабре, незадолго до Рождества, женщины из центра спросили, какие у меня планы на праздники. Я вдруг осознал, что это мое первое Рождество вдали от дома, и понял, что Рождество – особенное время, которое нужно разделить с другими. Одна из сотрудниц центра, Аудроне, настояла на том, чтобы я провел

праздники с ее семьей, на что я с радостью согласился. Для литовцев сочельник гораздо важнее, чем сам день Рождества, и подготовка к нему занимает многие часы. Нужно сделать уборку в доме, вымыться самому и надеть все чистое перед ужином. Аудроне и ее муж забрали меня на машине. У них была квартира в большом многоэтажном доме. Когда они выходили из автомобиля, я заметил, что у ее мужа удивительно высокий рост – более двух метров. Он напомнил мне число «девять».

Войдя в квартиру, я познакомился с матерью и сыном Аудроне. Все улыбались и, похоже, были рады меня видеть. В гостиную вел длинный, темный и узкий коридор, но чем ближе я подходил к комнате, тем быстрее полумрак рассеивался, и внезапно я просто окунулся в поток света и ярких красок. Длинный стол посреди комнаты был накрыт гладкой льняной скатертью, а внизу была расстелена тонкая солома. Как мне объяснили, это должно напоминать нам о том, что Иисус родился в хлеву и был положен в кормушку с сеном вместо колыбели. На столе было двенадцать блюд (в честь двенадцати апостолов), но ни одного мясного. Там была соленая сельдь и другая рыба, салат из зимних овощей, отварной картофель, квашеная капуста, хлеб, клюквенный пудинг и маковое молоко. Перед едой муж Аудроне взял тарелку с рождественскими вафлями и раздал по одной каждому сидевшему за столом, включая и меня. Затем он предложил свою вафлю Аудроне, та отломил кусочек и в ответ предложила ему свою. Это продолжалось до тех пор, пока каждый человек не отломил кусочек вафли у другого. Особого порядка, в котором следовало есть блюда, не было, но мне сказали, что принято попробовать каждое хотя бы по чуть-чуть. Все они символизировали что-то важное в наступающем году, например, хлеб – пропитание, а картофель – смирение. Больше всего мне понравилось маковое молоко (*aguoni pienas*), которое подавалось с маленькими круглыми булочками. Оно готовилось из ошпаренных и перемолотых маковых зерен, смешанных с водой, орехами и сахаром или медом. За едой Аудроне рассказала мне о некоторых традиционных литовских поверьях, связанных с Рождеством. Например, считалось, что в рождественскую полночь вся вода в источниках, реках, озерах и колодцах превращалась в вино, но только на мгновение. Также считалось, что в полночь животные могут говорить, но людям не стоит пытаться их подслушать. На следующий день, 25 декабря, семья пригласила меня на прогулку. Мы гуляли в заснеженном парке и разговаривали, стоя у огромного замерзшего озера. Об этом Рождестве у меня осталось много воспоминаний.

Одним из самых увлекательных занятий во время жизни в Литве для меня стало изучение литовского языка. Когда я впервые сказал женщинам в центре, что хочу знать литовский, они удивились: зачем учить такой сложный язык, на котором говорит так мало людей? В конце концов, многие литовцы достаточно хорошо знали английский, чтобы я их понимал. Остальные британские волонтеры, как и американец Нил, знали по-литовски от силы несколько слов. Многие не понимали, отчего иностранцу вообще пришла в голову такая идея – выучить литовский. И все же, именно этот язык я слышал вокруг ежедневно, и я знал, что мне будет гораздо комфортнее и приятнее

находиться в Литве, если я смогу говорить со своими друзьями, учениками и коллегами по центру на их родном языке.

Бирута с радостью взялась меня учить. Она очень гордилась своим языком, любила обсуждать его и охотно говорила на нем со мной. Я записывал незнакомые слова, чтобы мне легче было представить их в голове и запомнить, а также изучал детские книжки, которые читали дочери Бируты, когда были младше. Бирута также научила меня популярному детскому стихотворению:

*Mano batai buvo du
Vienas dingo, nerandu.
Aš su vienu batuku
Niekur eiti negaliu!*

Что означает: «У меня было два ботинка, один пропал – никак не найду. В одном маленьком ботиночке я никуда не смогу пойти!»

Через несколько дней с помощью Бируты я уже мог строить свои предложения (чем сильно ее удивил), а спустя несколько недель без проблем общался с носителями. Во многом помогало и то, что я всегда просил своих коллег по центру как можно больше говорить со мной на литовском. Все, с кем я общался, хвалили мое владение языком, включая одну из моих пожилых соседок, которая была особенно удивлена, что молодой англичанин общается с ней на ее родном языке. Также мои знания пригодились, когда однажды меня пригласили с другими волонтерами в ресторан. Официант не понимал английского, к большой досаде остальных, и тогда я перевел ему заказ на литовский. Я не возражал выступать иногда в роли переводчика для других, потому что это был интересный опыт и еще одна возможность попрактиковаться в языке.

Однажды меня даже приняли за литовца. Когда я возвращался домой из центра, ко мне подошел какой-то человек и стал спрашивать дорогу. Он продолжал за мной идти, даже когда я несколько раз сказал по-литовски, что не знаю, где находится нужное ему место. В конце концов, я остановился и сказал: «*Atsiprašau, bet tikrai nežinau. Aš nesu Lietuvis. Esu iš Anglijos*». («Извините, я правда не знаю. Я не литовец. Я из Англии».) Он сделал большие глаза, извинился и отошел.

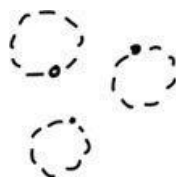
К весне я окончательно освоился в Литве. Постепенно я разработал порядок, который давал мне ощущение спокойствия и безопасности и помогал мне справляться с переменами. Каждое утро, перед самым рассветом, я просыпался, надевал что-нибудь теплое и свободное и шел в местный парк, где росло много дубов. Деревья тянулись ввысь, словно к самому небу, и меня успокаивала прогулка между их стволов по одинаковому и привычному маршруту в начале каждого дня. Вернувшись домой, я принимал душ и одевался на работу, потом шел по длинной крутой дороге, ведущей к центру, а там садился и пил кофе, пока женщины сплетничали между собой о личных делах, которые меня не интересовали. Нил уже несколько месяцев, с Рождества, страдал от болей в спине, которые становились все сильнее, несмотря на многочисленные визиты к врачам. В итоге ему пришлось вернуться в США на лечение. Я взял на себя его уроки, и, таким образом, преподавал английский утром и вечером почти каждый

день. Произошли и другие перемены – муж Бируты серьезно заболел, и ей пришлось оставить занятия, чтобы заботиться о нем. На обед я часто оставался в центре и перекусывал сэндвичами, которые приготовил дома, хотя иногда обедал в местном кафе с Жигинтасом, который работал недалеко от центра. После работы я покупал замороженные рыбные палочки, хлеб, сыр и другие необходимые вещи, а потом шел домой, готовил ужин и съедал его, а перед сном читал и смотрел телевизор. Я был не против оставаться в одиночестве чаще, чем раньше, но скучал по Бируте и надеялся вскоре снова ее увидеть.

Летом работы в центре почти не было, так как все учащиеся надолго уезжали отдыхать на море со своими семьями. У семьи Жигинтаса, как и у многих литовцев, был летний загородный домик, куда он пригласил и меня. Он проинструктировал меня, как доехать на автобусе до определенного места, и сказал, что дальше подберет меня на машине. Автобус был старый и дребезжащий, а городское шоссе очень быстро закончилось, и начались длинные ухабистые дороги, окруженные полями и деревьями. Жигинтас дал мне название нужного населенного пункта, но я нигде не видел указателя и слишком нервничал, чтобы кого-нибудь спросить – поэтому просто сидел и надеялся, что приеду, куда надо. Через некоторое время автобус остановился возле группы деревянных домов, первых, увиденных мною за последние полчаса, так что я собрал всю свою смелость, встал и объяснил по-литовски, что я потерялся. Трое других пассажиров только молча посмотрели на меня. Я вышел из автобуса и начал мысленно считать, так как меня трясло, и я не знал, что делать. Потом ко мне подошел водитель и без слов показал на расписание, висевшее на остановке. Названия, о котором мне говорил Жигинтас, там не было. Взглянув на часы, я понял, что опаздываю уже на целый час. Я вошел в первое же здание и по-литовски объяснил ситуацию женщине за стойкой. Она покачала головой и ничего не ответила. Я еще раз повторил то же самое, но она снова покачала головой. Тогда от отчаяния я спросил по-английски: «У вас есть телефон?» При слове «телефон» она вдруг кивнула и показала на черный аппарат в углу. Я подбежал к нему и набрал номер Жигинтаса. «Ты где?» – спросил он, и я сказал ему название, которое прочел на остановке. «Как ты там оказался? – спросил он, но тут же добавил: – Жди там, я за тобой приеду». Через полчаса он приехал на машине, и мы направились к его летнему дому. По дороге Жигинтас объяснил, что я оказался в одной из частей Литвы, где жили русские, которые не говорили по-литовски. Из-за задержки мой визит получился коротким, но я познакомился с семьей Жигинтаса, а также успел попробовать барбекю и искупаться в ближайшей речке.

Бирута тоже хотела, чтобы я приехал и погостил с ее семьей. Она познакомила меня со своей сестрой, которая писала стихи. За чашкой кофе она прочла нам несколько своих стихотворений, а потом мы вместе пошли гулять вдоль озера с чистой голубой водой. В безоблачном небе ярко светило солнце, и его лучи играли на воде яркими бликами. В конце дня Бирута позвала меня пройтись в одно место неподалеку, где можно было посидеть и полюбоваться закатом. Это была наша первая встреча за несколько недель и одновременно последняя, потому что мой волонтерский контракт заканчивался, и

пора было возвращаться домой. Бирута сказала мне, что наша дружба очень много значит для нее и очень помогла ей в трудный период. Она сказала, что я заметно вырос внутренне за то время, что она меня знает. Я тоже это чувствовал и уже некоторое время осознавал, что, когда я принял решение поехать в Литву, изменилась не только моя повседневная жизнь – я сам неким образом изменился и обновился. Мы молча сидели вместе, глядя на заходящее летнее солнце, и на сердце у нас не было тоски. Одно приключение заканчивалось, но мы знали, что другое вот-вот начнется.

Я влюбился

Прощаться всегда нелегко, особенно со страной, которая, как Литва, за прошедший год стала мне вторым домом. В июле, в середине лета, я последний раз проделал путь от квартиры до центра. Люда и другие волонтеры собрались в классе, чтобы проводить меня. Каждого из них я поблагодарил по-литовски за их помощь и доброту. На прощание Люда подарила мне иллюстрированный дневник в кожаном переплете и пожелала мне заполнить его новыми идеями и будущими приключениями. Уезжать было грустно, но в глубине души я знал, что достиг в Литве всего, что мог, как в личном, так и в профессиональном смысле, и теперь пора двигаться дальше.

Полет домой до Лондона казался бесконечным. Часть времени я скоротал, несколько раз перечитывая письмо, которое пришло от родителей неделю назад. Вскоре после того, как я уехал в Литву, отец узнал, что поблизости доступен для съема большой недавно построенный дом. Фактически, это были два дома, объединенные в один, с шестью спальнями и двумя ванными. Для моей семьи этот дом был подарком с небес, и вскоре они туда переехали. Именно по этому новому адресу я теперь возвращался. К письму прилагалась фотография дома и указания, как до него добраться.

В аэропорту меня встречал мой друг Рехан. Мы обменивались открытками все то время, что я был в отъезде, но тем радостнее было наконец-то увидеть его вживую. Как и раньше, многие годы назад, Рехан взял на себя роль моего проводника по лабиринту метрополитена. Пока мы ехали в вагоне, он терпеливо слушал мои истории о времени, проведенном в Каунасе, и рассматривал фотографии разных мест и людей, которых я повидал. Через некоторое время он быстро встал и сказал, что мы подъезжаем к моей станции. Я только успел подхватить сумки и поблагодарить его за компанию. Едва я шагнул на платформу и обернулся, как поезд тронулся с места и стремительно скрылся в темноте тоннеля.

Я вышел из метро и оказался в совершенно незнакомом районе. Я долго шел пешком, пока не понял, что заблудился: улица была совсем не та, что родители указали в письме. Возможно, я где-то не туда свернул. Нервничая, я спросил дорогу у прохожего. «Пройдите прямо и сверните направо на следующем повороте», – сказал он. Когда я увидел нужное мне название, то вдруг подумал – как странно, что мне пришлось искать улицу, где стоит дом моей собственной семьи.

Близкие невероятно обрадовались моему возвращению, и мы еще не один час делились друг с другом новостями. Кто-то из братьев и сестер сказал, что у меня появился небольшой акцент. Наверное,

неудивительно, если учесть, как долго я отсутствовал, ведь все это время я больше говорил по-литовски, чем по-английски. Мама показала мне дом и мою новую комнату, которая находилась в дальней части дома, подальше от дороги, и была самой тихой из всех. Комната казалась маленькой, особенно после литовской квартиры, но, помимо кровати, в ней хватало места для стола, стула и небольшого телевизора. Мне нравилась новизна моей комнаты: она воплощала мое чувство, что возвращение в Великобританию было шагом вперед, а не назад. Это было новое начало.

Мне потребовалось время, чтобы заново привыкнуть к домашней обстановке. Пока я жил один, я по-настоящему ощущал себя независимым, мне нравилось контролировать обстановку, не вынуждая себя мириться с шумом или непредсказуемостью других людей. Поначалу мне было сложно привыкнуть к тому, что братья и сестры то бегали туда-сюда по лестнице, то спорили о чем-то друг с другом. Мама попросила каждого из них уважать мою потребность в тишине, и большую часть времени они старались это делать.

Опыт жизни за границей несомненно изменил меня. Во-первых, я очень многое узнал о самом себе. Теперь я гораздо яснее видел, как мои отличия влияли на мою повседневную жизнь, особенно на отношения с людьми. Я постепенно начал понимать, что дружба – это тонкий и постепенный процесс, который нельзя торопить, а нужно позволить ему развиваться естественно. Я представлял дружбу как бабочку, одновременно прекрасную и хрупкую. Она должна порхать в воздухе, а любая попытка ее схватить только ее погубит. Я вспоминал, как раньше, в школе, я упускал возможность подружиться с кем-то только потому, что, не имея социального инстинкта, чересчур старался и производил совершенно неверное впечатление.

Литва позволила мне взглянуть на себя со стороны и примириться со своими отличиями, показав, что быть другим необязательно плохо. Как иностранец, я мог преподавать английский своим литовским ученикам и рассказывать им о жизни в Британии. В Каунасе то, что я не такой, как все, было моим преимуществом и давало возможность помочь кому-то еще.

Кроме того, у меня накопилась база самого разнообразного опыта, который я мог использовать в различных ситуациях в будущем. Это укрепило мою уверенность в том, что я справлюсь с тем, что приготовила мне жизнь. Будущее уже не казалось мне пугающим. В своей крошечной новой спальне я чувствовал себя свободнее, чем когда-либо.

Как волонтеру, выполнившему контракт, мне полагалось «выходное пособие» при условии, что я напишу отчет о своем пребывании в Литве и о том, чему там научился. Я отослал все формы и стал ждать. Тем временем, я стал подрабатывать репетитором, помогая местным детям с чтением, письмом и арифметикой. Через несколько месяцев, в начале 2000 года, я наконец получил деньги. Их как раз хватило на то, чтобы купить компьютер: я уже давно о нем мечтал. Кроме того, это был первый компьютер в моей семье. Когда его доставили, мне понадобилось некоторое время, чтобы, совместно с отцом и братьями, собрать его и заставить работать. Я впервые смог выйти в интернет и был восхищен количеством информации, доступной

буквально по щелчку мыши: сетевые энциклопедии, словари, перечни фактов, математические и словесные головоломки – там было все, что угодно. А еще были форумы и чаты.

Есть в общении по интернету что-то радостное и обнадеживающее для людей аутистического спектра. К примеру, когда вы общаетесь в чате или по электронной почте, вам не нужно знать, как начать разговор, когда нужно улыбнуться, или что означает тот или иной жест. Не нужно думать о зрительном контакте, и каждое слово собеседника легко понять, потому что все написано на экране. Использование «смайликов», например, ☺ и ☹, помогает понять, что чувствует собеседник, потому что он сам сообщает об этом простым и наглядным способом.

Со своим партнером, Нилом, я познакомился в сети осенью 2000 года. Он работал программистом и, соответственно, каждый день имел дело с компьютерами. Как и я, Нил был очень стеснителен, и интернет помог ему познакомиться с новыми людьми и завести друзей. Почти сразу же мы начали ежедневно обмениваться письмами и делиться всем подряд, от названий любимых песен до надежд и планов на будущее. У нас оказалось много общего, и вскоре он предложил обменяться фотографиями и телефонами. Нил был очень красив: высокий, с темными густыми волосами и лучистыми голубыми глазами. Когда мы говорили по телефону, он всегда был чрезвычайно вежлив, терпелив и не возражал брать инициативу в беседе на себя. Он оказался почти моим ровесником (ему было двадцать четыре), а жил и работал в Кенте, недалеко от Лондона. Чем больше я узнавал о нем, тем чаще думал: я нашел свою половину.

Любовь не похожа ни на что. Не существует хорошего или плохого способа влюбиться в кого-то, нет математических формул для счастливой любви и идеальных отношений. Чувства, которых я не испытывал уже много лет, со времен подростковой влюбленности, теперь нахлынули с такой внезапностью и силой, что причиняли настоящую боль. Чем бы я ни занимался, я постоянно думал о Ниле и даже с трудом мог есть и спать. Однако, когда в начале 2001 года он спросил меня в письме, не стоит ли нам встретиться, я заколебался. Что, если встреча пройдет неудачно? Что, если я сделаю или скажу что-то не то? Можно ли меня вообще полюбить? Ответа ни на один вопрос я не знал.

Перед тем, как ответить Нилу, я решил рассказать о нем родителям, а это означало, что я должен сказать им правду о себе. В тот день в доме было тихо, братья и сестры играли на улице или в своих комнатах наверху, а мама с папой смотрели телевизор в гостиной. Мысленно я несколько раз отрепетировал, что им скажу, но, войдя в комнату, ощутил, как желудок сжимается в комок. Я не знал, как они отреагируют, а я терпеть не могу непредсказуемых ситуаций, от них кружится голова и подступает тошнота. Желая полностью завладеть их вниманием, я подошел к телевизору и выключил его. Отец начал протестовать, но мама просто посмотрела на меня и стала ждать, что я скажу. Я разлепил губы и услышал собственный голос, тихий и срывающийся, которым я сообщил, что я гей и что есть человек, который мне очень нравится. Повисла недолгая тишина – родители молча смотрели на меня. Потом мама сказала, что в этом нет ничего

плохого, и она хочет, чтобы я был счастлив. Отец тоже отреагировал спокойно и сказал: «Надеюсь, ты найдешь того, кого будешь любить и кто будет любить тебя». Я тоже на это надеялся.

На следующей неделе я согласился встретиться с Нилом. Было холодное январское утро, и я ждал его возле своего дома, одевшись в теплое пальто, шапку и перчатки. Около десяти утра он подъехал на машине. Когда он вышел и мы пожали друг другу руки, его первыми словами было: «На фотографии ты совсем другой». Я улыбнулся, хотя не понял, что он имел в виду. Нил пригласил меня съездить к нему в Кент, я сел на пассажирское место и мы тронулись. Это была странная поездка. Спустя несколько минут разговора Нил погрузился в молчание, а я не знал, как продолжить беседу, и поэтому тоже сидел молча. Я очень нервничал и думал: «Наверное, я ему не нравлюсь». Мы ехали больше часа, пока не добрались до дома Нила в Эшфорде, небольшом городке в центре графства Кент. Тут он запустил руку под сиденье, вынул прекрасный букет цветов и вручил мне. Видимо, я ему все-таки нравился.

Дом Нила стоял в современном районе и был окружен такими же одинаковыми домиками. Неподалеку был парк с прудом, каруселью и качелями. В прихожей дома оказались полосатые обои, красный ковер и черно-белая кошка по имени Джей. Наклонившись, я погладил ее по голове, и она замурлыкала. Нил провел меня в гостиную, где мы сели на разных концах дивана и стали разговаривать. Через некоторое время он спросил, не хочу ли я послушать музыку. Постепенно, даже не замечая этого, мы стали придвигаться друг к другу, и вот Нил обнял меня, а я положил ему голову на плечо и закрыл глаза. А потом мы поцеловались. В том месте и в тот момент мы решили, что хотим быть вместе. Это было началом чего-то важного.

Нил с легкостью принял меня таким, как есть. Над ним тоже издевались в школе, и он знал, что значит отличаться от сверстников. Будучи домоседом, он не возражал, что я предпочитаю не бары и клубы, а покой и тишину дома. И, что самое главное, он – как и я – достиг в жизни перепутья, и не был уверен, куда двигаться дальше. Благодаря случайной встрече в сети, мы оба, к взаимному удивлению и радости, нашли то, чего нам не хватало: настоящую любовь.

В следующие недели мы продолжали ежедневно переписываться и регулярно говорить по телефону. Когда выдавалась возможность, Нил приезжал повидаться со мной. Через полгода после нашей первой встречи, после долгих совместных обсуждений я принял решение переехать в Кент, чтобы жить с Нилом. В один из дней я вошел на кухню и сообщил маме как о решенном деле: «Я переезжаю». Родители были рады за меня, хотя и беспокоились: как я справлюсь с отношениями, с ответственностью, со всеми неизбежными взлетами и падениями? Но в тот момент важнее всего было то, в чем я был абсолютно уверен: Нил – очень особенный человек, и я ни к кому не испытывал того, что я чувствую к нему. А еще я знал, что мы очень любим друг друга и хотим быть вместе.

В первые месяцы после переезда нам не всегда было легко. Мы жили на единственную зарплату, а это значило, что тратить деньги приходилось очень аккуратно. Лишь более чем через два с половиной года мы смогли вместе поехать в отпуск. Днем, пока Нил работал на

фирме в соседнем Рамсгейте, я занимался делами по дому, а вечерами готовил ужин. Кроме того, я писал во все библиотеки поблизости, спрашивая, нет ли у них вакансий – я очень хотел работать и вносить как можно больший вклад в наш совместный доход. Однажды утром я получил по почте письмо, где сообщалось, что меня выбрали для собеседования в библиотечном отделе поступления новых книг. В день собеседования Нил одолжил мне один из своих галстуков, помог его завязать и дал письменные указания, как добраться на автобусе до нужного места. Хотя я заблудился в самой библиотеке, на собеседование я все же попал благодаря сотруднику, который проводил меня до нужной двери.

Собеседование проводила комиссия из трех человек. Когда одна из женщин начала говорить, я заметил у нее акцент и спросил ее об этом. Она сказала, что родом из Финляндии – страны, о которой я много читал в детстве. Я начал без остановки рассказывать все, что знаю о ее родине, и даже немного поговорил с ней по-фински. Собеседование было недолгим (что я посчитал хорошим знаком), и я вышел в отличном настроении; в конце концов, я не забывал поддерживать зрительный контакт, был хорошо одет и вел себя дружелюбно. Однако, через несколько дней мне позвонили, и я к большому огорчению узнал, что меня не взяли. В последующие месяцы я десятками рассылал подробные рукописные заявления на другие вакансии в библиотеках, школах и колледжах, но все они были отвергнуты или вовсе остались без ответа.

К сожалению, мой опыт – не редкость. Исследование, проведенное в 2001 году британским Национальным обществом аутизма, показало, что лишь 12% людей с высокофункциональным аутизмом или синдромом Аспергера имеют постоянную работу. Для сравнения, согласно Британской службе национальной статистики, в 2003 году 49% людей с другими заболеваниями и 81% здоровых людей были трудоустроены. Для таких цифр есть несколько веских причин. Людям с расстройствами аутистического спектра зачастую сложно даже узнать о наличии вакансий или понять специфические термины, которые могут использоваться в объявлениях о работе. Собеседования, в свою очередь, требуют навыков общения и социальных взаимодействий, которые как раз и представляют особую трудность для человека с аутизмом. В качестве более справедливой альтернативы, Национальное общество аутизма предлагает вместо собеседования использовать практическую проверку способностей. На собеседованиях задаются вопросы, которые бывает сложно понять и адекватно ответить. Мне, например, задавали много вопросов, которые относились к гипотетическим ситуациям. Мне было трудно их вообразить, так что ответить я мог лишь очень кратко. Было бы гораздо лучше, если бы вопросы касались реального предыдущего опыта и давали возможность продемонстрировать, что человек действительно знает.

Люди аутистического спектра обладают качествами, которые могут принести большую пользу компании или организации: надежностью, честностью, аккуратностью, вниманием к деталям, хорошим знанием различных фактов и цифр. Фирмы, которые берут на работу людей с аутизмом или синдромом Аспергера, способствуют

просвещению других сотрудников, а менеджеры, имеющие аутичных подчиненных, часто замечают, что сами учатся более эффективно взаимодействовать со всей командой.

Нехватка денег не была для нас непреодолимой проблемой. Когда я огорчился или падал духом, Нил всеми силами меня ободрял и поддерживал, помогая взглянуть на ситуацию более конструктивно. На Рождество 2001 года я впервые познакомился с семьей и родителями Нила. Хотя Нил и убеждал меня, что волноваться не о чем, я ужасно нервничал. Когда мы приехали к его родителям (они жили недалеко), нас встретила его мать, которая показала мне дом и познакомила меня с другими членами семьи Нила: отцом, братом, его женой и маленькой племянницей. Все улыбались, и я был рад и спокоен. Нас накормили щедрым и вкусным обедом, после чего все обменялись открытками и подарками. На следующий день мы с Нилом поехали в Лондон, чтобы навестить мою семью и, в свою очередь, познакомить Нила с моими родителями, братьями и сестрами – все они оказались рады его увидеть. Поддержка наших семей значила очень много для нас обоих.

Следующим летом мы переехали в тихий прибрежный городок Херн-Бэй неподалеку от знаменитого Кентербери. Переезд – всегда стрессовое событие в жизни человека, и я не был исключением. В первую неделю, когда мы прибыли в новый дом, кругом царил хаос. По всему дому валялись коробки, банки с краской, мебель стояла как попало, и возможности для отдыха и покоя было мало. Когда Нил чем-нибудь занимался, я готовил еду, заваривал чай и подносил ему необходимые вещи. Это помогало мне забыть о тревоге и сосредоточиться на том, что я мог делать, а не на том, чего не мог. Было приятно наблюдать, как жилище постепенно превращалось в настоящий дом.

Я считаю, что мне очень повезло обрести ту небольшую компанию близких друзей, что есть у меня сейчас. Благодаря электронной почте я могу более-менее регулярно переписываться с теми, кто живет далеко, например, с Реханом и Бирутой. Более новые знакомства произошли случайно и, в каком-то смысле, оказались чудесным сюрпризом. Например, один из моих ближайших нынешних друзей (его зовут Иан) был в детстве соседом Нила. Однажды, вскоре после переезда в Херн-Бэй, мы получили от него открытку, которую переслали нам родители Нила. Иан и Нил не виделись пятнадцать лет, но, когда мы как-то вечером пригласили его к себе, казалось, будто они и не расставались. Вскоре мы узнали, что и у меня достаточно общего с Ианом, например, любовь к книгам и истории, и с тех пор мы стали хорошими друзьями.

Меня очень радует, когда какие-то из моих способностей пригождаются друзьям. Недавно Иан женился на румынке и попросил меня помочь ему хоть немного освоить родной язык его жены. Взамен по выходным Иан учит меня играть в гольф. Я не очень хороший игрок, хотя бью неплохо. Порой Иан озадаченно чешет в затылке, когда видит, как я задом наперед иду по полю от своего мяча до лунки. Я это делаю, чтобы прочувствовать землю под ногами; тогда я лучше представляю, как покатится мяч, когда я по нему ударю.

Наши друзья знают о моем синдроме Аспергера и стараются по возможности сделать так, чтобы мне было комфортно с ними в любой ситуации. Часто они организуют встречи, которые я люблю не меньше,

чем они сами. Каждый год Нил и еще один наш друг, тоже по имени Иан, совместно с их клубом мини-каров организуют квест по поиску сокровищ и приглашают меня с собой. Каждой команде дается список вопросов и подсказок к ним. Чтобы найти ответы, нужно ездить по разнообразным местам, отмеченным на карте. Например, в подсказке может быть написано: «Там, где живет револьвер». Это значит, что ответ на вопрос находится в баре под названием «Дом Кольта». В нашей команде Иан ведет машину, Нил следит за маршрутом, а я помогаю разгадывать подсказки. Приятно вместе делать то, что каждому доставляет удовольствие, пусть и по разным причинам.

Когда мы ходим в гости к друзьям, то после ужина обычно играем в какую-нибудь игру, например, в карты или настольную викторину. Нил говорит, что считается хорошим тоном позволить хозяевам выиграть, но я этого не понимаю. Если ты знаешь ответ на вопрос, почему нельзя его сказать?

Я люблю викторины и с удовольствием смотрю по телевизору передачи наподобие «Кто хочет стать миллионером?» Обычно я знаю ответы на большинство вопросов, хотя и у меня есть слабые стороны – например, поп-музыка или художественная литература. Больше всего я люблю вопросы, которые касаются дат, например: «В каком году чемпионат мира по снукеру¹⁴ впервые прошел в театре Крусибл?» (ответ: в 1977) или хронологии – «Расположите четыре исторических события в том порядке, в каком они произошли».

Вскоре после переезда в Херн-Бэй мы с Нилом решили вместе заняться идеей, которая пришла мне в голову – создать образовательный сайт с онлайн-курсами для изучения языков. Поскольку Нил разбирался в компьютерах, он отвечал за все технические детали, а я занимался программой курсов и общим наполнением сайта. Поразмыслив, я решил назвать сайт Optimnem – в честь богини Мнемозины, создательницы слов и языка в греческой мифологии. Уроки рассылаются ученикам по электронной почте и сопровождаются аудиозаписями, сделанными носителями языка, а также многочисленными примерами и упражнениями, которые помогают отрабатывать и закреплять материал на каждом этапе. При создании курсов мне очень пригодилось то, что я работал преподавателем в Литве и репетитором дома. Я постарался уделить особое внимание тем сторонам изучения языка, которые вызывают больше всего сложностей. Кроме того, мне хотелось создать курсы, которые отражали бы мой собственный опыт как аутиста, изучающего языки. По этим причинам каждый курс разделен на небольшие, легкие в усвоении фрагменты. В уроках практически не используются специфические термины, например, «именительный падеж», «родительный падеж» или «спряжение», а вместо этого простым и ясным языком объясняется, как изменяются слова, например, в зависимости от места в предложении. Благодаря большому количеству письменных примеров ученики также видят, как работает язык в различных ситуациях. Кроме того, новые слова легче запомнить, когда они представлены визуально и в определенном контексте. Сайт Optimnem был запущен в сентябре 2002 года и приобрел большой

---

¹⁴ Снукер – разновидность бильярда.

успех. За четыре года своего существования он успел набрать миллионы просмотров. Им пользуются люди всех возрастов и со всего мира. Сайт одобрен Британской образовательной сетью – правительственным порталом, который «открывает двери к ценным образовательным материалам в интернете».

Успех сайта означал, что у меня появилась работа и доход, что меня радовало и наполняло гордостью. Кроме того, я мог работать на дому, что для меня большой плюс, поскольку я испытываю сильную тревожность, если не могу контролировать обстановку и не ощущаю комфорта. Я рад быть человеком, который работает сам на себя, хотя, конечно, это непросто, и достичь финансовой независимости таким способом может быть гораздо сложнее, чем работая в компании.

Нил теперь тоже работает из дома, наведываясь в офис в Рамсгейте лишь раз в неделю. В обычный будний день я сижу со своим компьютером за кухонным столом в дальнем конце дома, где окна выходят в сад, а Нил работает в комнате наверху, которую мы из спальни переделали в кабинет. Если мне нужен какой-то совет по поводу сайта, мне достаточно лишь подняться по лестнице и спросить Нила. Нам приятно видеть друг друга постоянно, хотя я знаю, что это подходит не всем людям. Мы вместе обедаем сэндвичами и супом, что я приготовил, и разговариваем о чем-нибудь. Нил рад время от времени разделять мои навязчивые привычки: например, пить чай каждый день в одно и то же время. После работы мы вместе готовим ужин на кухне, это дает возможность нам обоим расслабиться и переключить мысли на что-то другое.

Я всегда любил животных, начиная с моего детского интереса к божьим коровкам и заканчивая увлеченными просмотрами передач о дикой природе. Думаю, одна из причин этого – в том, что животные часто куда более терпимы и открыты, чем многие люди. Когда я только переехал к Нилу, я много времени проводил с его кошкой, Джей. Ей тогда было почти два года, и она была очень независимой – ей больше нравилось гулять по соседским садам, чем сидеть дома, а когда Нил пытался погладить ее или взять на руки, она начинала ворчать. Нил тогда работал в офисе и отсутствовал по десять и больше часов в день. Таким образом, до моего приезда, в первые годы своей жизни Джей почти всегда была одна. Должно быть, для нее стало сюрпризом, а то и шоком, что теперь у нее появилась компания. Поначалу я держался в стороне, зная, что она не привыкла к чьему-то постоянному присутствию. Я ждал, пока ее природное любопытство возьмет верх. И действительно, вскоре она стала подходить ко мне, когда я сидел в гостиной, обнюхивать мои ноги и руки и тереться о них носом. Со временем Джей начала все больше и больше времени проводить в доме. Когда она приходила, я опускался на пол, чтобы мое лицо было на ее уровне, медленно протягивал руку и гладил ее такими же движениями, как она лижет свой мех языком. Она начинала мурлыкать и сонно жмуриться, и тогда я знал, что завоевал ее симпатию.

Джей была очень умной и понятливой кошкой. Иногда я ложился на пол, чтобы она посидела у меня на груди или на животе. Перед тем как устроиться, она мягко топтала меня лапами. Для кошек это обычное поведение – считается, что когда они «месят» поверхность, то так выражают удовольствие. Причины этого до конца неизвестны, хотя

эти действия похожи на то, как котята мнут соски кошки-матери, когда сосут молоко. Когда Джей садилась на меня, я закрывал глаза и замедлял дыхание, чтобы она подумала, что я тоже дремлю. Тогда она успокаивалась и расслаблялась, потому что знала, что я не буду делать резких движений. Часто я надевал один из своих плотных мягких свитеров, даже в теплую погоду, потому что знал, что Джей они нравились больше, чем тонкие футболки и прочая одежда.

Несмотря на такие проявления симпатии, временами Джей держалась отстраненно и безразлично, особенно по отношению к Нилу, и я знал, что его это огорчало. Я предположил, что ей нужен товарищ по играм, то есть, еще одна кошка. Я надеялся, что так она научится общению и станет более дружелюбной. Мы почитали объявления в местной газете, и увидели, что у кого-то кошка недавно родила котят. Мы позвонили и договорились о встрече. Когда мы приехали туда на следующий день, оказалось, что большую часть уже разобрали, и остались только двое. Я указал на пугливого черного котенка, и хозяйка сказала, что ею – это была кошечка – никто не интересуется, потому что она совершенно черная. Мы тут же согласились взять ее себе и назвали ее Мумин. Поначалу, как и следовало ожидать, Джей не знала, что делать с новой сестренкой, и только шипела и ворчала на нее при любой возможности. Со временем, однако, она начала хотя бы терпеть ее присутствие. Но еще больше нас обрадовало то, что ее поведение тоже стало меняться: она стала гораздо более ласковой и не возражала, когда ее брали на руки. Она играла с Мумин и с нами и подолгу громко мурлыкала, если ее гладили. Встречая нас, она издавала нежнейший звук, на который я отвечал, наклоняясь к ней и касаясь носом ее мордочки.

Летом 2004 года мы отметили пятый день рождения Джей, угостив ее лакомством и купив ей новых игрушек. Однако, нам показалось, что она стала меньше есть и меньше играть. Поначалу мы списывали это на жаркое лето. Она часто сидела или спала, забравшись куда-нибудь подальше: под кровать, под стол или под вешалку для полотенец в ванной. Мне было знакомо это поведение, потому что в детстве я тоже залезал под кровать или под стол, когда хотел успокоиться. Но Джей делала это все чаще, при этом снова отдаляясь от нас. Потом наступила болезнь. Ее регулярно тошнило, хотя наружу выходила только жидкость. Поначалу это было лишь досадным неудобством, но стало повторяться все чаще, и мы забеспокоились. Она стала терять вес и медленнее передвигаться. Нил отвез ее к ветеринару, где ее осмотрели и сделали анализы. Вскоре нам сообщили, что у нее инфекция почек, что редко случается у настолько молодых кошек, и что ей нужно несколько дней провести в клинике. Мы каждый день звонили и спрашивали о ее состоянии – нам отвечали, что она стабильна. Затем, когда прошла еще неделя, нам позвонили и сказали, что Джей не реагирует на лечение, и что нам лучше приехать и повидать ее.

Мы поехали немедленно. Женщина из приемной провела нас по узкому коридору в тихую серую комнату в конце здания, и сказала, что оставит нас на несколько минут. Даже тогда я едва ли понимал всю серьезность ситуации. Мы с Нилом молча стояли посреди комнаты, и тут я увидел ее. Джей неподвижно лежала на белой подстилке,

окруженная пластиковыми трубками, и время от времени издавала слабые звуки. Я нерешительно протянул руку и погладил ее; мех был свалывшимся и под ним прощупывались кости. Внезапно, словно волна ударила о камень, на меня нахлынули настолько сильные чувства, что я не мог их удержать. Я почувствовал, как лицо у меня стало мокрым, и понял, что плачу. Нил подошел ближе, взглянул на нее и тоже начал тихо плакать. Вошла медсестра и сказала нам, что врачи делают все возможное, но у Джей очень редкая и тяжелая болезнь. Мы поехали домой и остаток вечера проплакали друг у друга на плече. На следующий день Нилу позвонили и сказали, что Джей умерла. Следующие дни были еще больше полны слез; мы никак не могли прийти в себя от столь внезапной и неожиданной потери. Мы кремировали ее и похоронили в саду под каменным надгробием. На нем написано: «Джей, 1999–2004. Ты всегда в нашем сердце».

В любых отношениях есть свои сложности, и тем более это верно, когда один или оба партнера имеют расстройство аутистического спектра. Однако, я уверен, что залогом к успеху любых отношений является не совместимость, а любовь. Когда ты кого-то любишь, становится возможным буквально все.

Бывает, что даже тривиальные бытовые ситуации вызывают у меня срыв – например, если я роняю ложку на пол, когда мою посуду. Мне нужно время, прежде чем я смогу успокоиться и вернуться к делам. Неожиданная потеря контроля даже в мелочах может оказаться для меня невыносимой, особенно когда это нарушает ритм каких-то привычных действий. Нил научился не вмешиваться, а просто ждать, пока это состояние пройдет, что обычно не занимает много времени. Его терпение очень помогает мне. Благодаря его поддержке и пониманию, такие срывы со временем стали происходить все реже.

Некоторые ситуации вызывают у меня сильную тревожность, например, когда к нам внезапно решает зайти друг или сосед. Хоть я и рад их видеть, я становлюсь напряженным и раздражительным, потому что мне приходится менять то, как я распланировал день у себя в голове, а необходимость менять планы выбивает меня из колеи. Однако, Нил и в этом поддерживает меня и помогает сохранять спокойствие.

Кроме того, мне сложно находиться в публичных местах. Когда мы ужинаем в ресторане, я предпочитаю сидеть за столиком в углу или спиной к стене, чтобы другие посетители меня не окружали. Однажды в местном ресторане мы спокойно ели и разговаривали, когда я вдруг почувствовал запах сигаретного дыма. Я не видел, откуда он исходит и не ожидал его, поэтому сильно разнервничался. Нил хорошо это замечает, так как наблюдал это уже не раз: я перестаю смотреть в глаза и начинаю говорить односложно. Нам пришлось поскорее доесть и уйти оттуда. Мне повезло, что мы оба любим проводить время дома и редко где-то бываем. Если мы и ходим куда-нибудь, то обычно в кино или в тихий ресторан.

Нам бывает сложно разговаривать друг с другом из-за того, что у меня иногда случаются проблемы с восприятием слуховой информации. Нил что-то говорит мне, я киваю или говорю «угу» или «ладно», а позже понимаю, что не уловил ни слова. Ему бывает очень обидно рассказывать или объяснять мне что-то важное, а потом выяснять, что

я ничего не понял. Проблема в том, что я не осознаю, что не слышу его. Очень часто я слышу лишь фрагменты предложений, которые мой мозг автоматически соединяет и пытается осмыслить. Однако, пропуская ключевую информацию, я часто не улавливаю реальный смысл сказанного. Со временем у меня вошло в привычку кивать и говорить «ясно», когда кто-то со мной разговаривает, чтобы собеседнику не пришлось постоянно останавливаться и повторять. Хотя большую часть времени эта тактика работает, теперь я понимаю, что в близких отношениях это недопустимо. Мы с Нилом научились проявлять терпение друг к другу: когда он говорит со мной, я уделяю ему полное внимание и подаю сигнал, когда нужно что-то повторить. Таким образом, мы можем быть уверены, что каждый из нас всецело понимает другого.

В юности я терпеть не мог бриться. Одной рукой я пытался крепко сжимать бритву, а второй – удерживать собственную голову неподвижно, но лезвия только драли и царапали лицо. На то, чтобы побриться, у меня уходило больше часа, а кожа потом горела и саднила. Это было настолько неприятно, что иногда я не брился целыми месяцами, пока отросшая борода не начинала цепляться за одежду, дергать кожу и вновь раздражать ее. В итоге я брился примерно дважды в месяц и часто злил братьев и сестер тем, что надолго занимал ванную. Сейчас Нил раз в неделю бреет меня электробритвой, которая срезает щетину быстро и безболезненно.

Моя повышенная чувствительность к некоторым физическим ощущениям влияет и на то, как мы с Нилом проявляем ласку и любовь друг к другу. К примеру, мне неприятны легкие прикосновения – допустим, если провести пальцами по руке – и мне приходилось объяснять Нилу, почему я морщусь, когда он пытается проявить свои чувства таким образом. К счастью, я ничего не имею против, когда мы держимся за руки, или когда Нил меня обнимает.

За те годы, что мы вместе, я очень многому научился у Нила и очень многое извлек из нашей совместной жизни. Любовь несомненно изменила меня, сделав более открытым к людям и внимательным к миру вокруг. Она укрепила мою уверенность в себе и в своей способности расти и развиваться день за днем. Нил – часть моего мира, часть того, что делает меня мной, и я ни на миг не могу представить свою жизнь без него.

Дар к языкам

Языки всегда вызывали у меня огромный интерес, и теперь, обустроившись в новом доме и организовав собственный сайт, я действительно мог уделять им больше времени. Первым языком, который я изучил после литовского, был испанский. Я заинтересовался им после разговора с матерью Нила: она рассказывала об их семейных поездках в разные части Испании, и упомянула, что сама изучала язык много лет. Я спросил, не найдется ли у нее книг, которые я мог бы позаимствовать, и она дала мне старый самоучитель. Через неделю мы снова наведались к родителям Нила, и я вернул ей книгу. Когда я свободно заговорил с ней по-испански, она не могла поверить своим ушам.

Похожим образом я выучил и румынский, когда мой друг Иан попросил меня помочь ему с этим языком, чтобы ему было проще общаться со своей женой Аной. Материал для чтения я дополнил румынским переводом знаменитой книги Сент-Экзюпери «Маленький принц» (*"Micul Print"* по-румынски).

Мой новейший предмет изучения – это валлийский, очень красивый и интересный язык, с которым я впервые столкнулся, когда мы с Нилом поехали в маленький городок Блайнай-Фестиниог, что в Северном Уэльсе, в горах Сноудонии. Валлийский язык является родным для многих жителей тех мест (в целом, каждый пятый житель Уэльса говорит по-валлийски), и зачастую это был единственный язык, который я слышал во время поездки.

В валлийском есть особенные черты, которые нет ни в одном другом языке, что я изучал. Слова, начинающиеся с определенных согласных, могут изменять свое начало в зависимости от того, как они используются. Например, слово *ceg* («рот») превращается в *dy geg* («твой рот»), *fy ngheg* («мой рот») и *ei cheg* («ее рот»). Порядок слов в валлийском также необычен – глагол ставится на первое место в предложении: *Aeth Neil i Aberystwyth* («Нил поехал в Аберистуит» или, буквально, «Поехал Нил в Аберистуит»). Самым сложным в изучении валлийского для меня оказалось произношение некоторых звуков, например, “ll” – для этого надо поставить язык так, будто произносишь букву L, но при этом произнести S.

Бесценным источником материала для меня стал валлийский телеканал S4C, который я смотрю по спутниковой антенне. Там показывают самые разные программы, от мыльной оперы *"Pobol y Cwm"* («Люди из долины») до *newyddion* (новости). Это оказалось отличным способом улучшить произношение и понимание на слух.

В языках мне важна и эстетическая сторона. Определенные слова и их сочетания кажутся мне особенно красивыми и вдохновляющими. Иногда я много раз перечитываю одно и то же предложение в книге, потому что мне нравится ощущение, которое эти слова у меня вызывают. Существительные – мой любимый вид слов, их мне легче всего представить мысленно.

Для изучения языка мне необходимы несколько вещей. Прежде всего, хороший большой словарь. Кроме того, мне нужны разнообразные тексты на этом языке, например, детские книги, рассказы и газетные статьи, потому что я предпочитаю учить слова в контексте целых предложений – это помогает понять, как работает язык. У меня прекрасная зрительная память, и когда я читаю написанное слово, фразу или предложение, я закрываю глаза, представляю его в голове и тут же запоминаю. Если же я только слышу слово или фразу, но не вижу их, то память срабатывает гораздо хуже. Общение с носителями помогает мне улучшить произношение и понимание. Я не боюсь делать ошибки, но стараюсь не повторять их после того, как мне на них укажут.

Любой язык может служить фундаментом для другого. Чем больше языков знает человек, тем легче ему выучить новый. Языки в чем-то похожи на людей: они делятся на «семьи» – группы родственных языков, которые имеют между собой определенное сходство. Кроме того, языки влияют друг на друга и заимствуют друг у друга слова. Еще не начав изучать румынский, я легко мог понять предложение “*Unde este un creion galben?*” («Где желтый карандаш?») из-за сходства с испанским *dónde está* («где»), французским *un crayon* («карандаш») и немецким *gelb* («желтый»).

Также в языке есть связи между словами, уникальные для каждого языка. Я легко замечаю эти связи. Например, в исландском есть слова *borð* («стол») и *borða* («есть»), во французском – *jour* («день») и *journal* («газета»), в немецком – *Hand* («рука») и *Handel* («ремесло»).

Изучение составных слов помогает расширить словарный запас и дает полезные примеры грамматических правил языка. Например, немецкое слово «словарь» – *Wortschatz* – состоит из *Wort* («слово») и *Schatz* («сокровищница»). В финском одно сложное слово может соответствовать целой фразе в другом языке. Например, в предложении “*Hän oli talossanikin*” («Он тоже был в моем доме») последнее слово *talossanikin* состоит из четырех частей: *talo* («дом») + *-ssa* («в») + *-ni* («мой») и *-kin* («тоже»).

Некоторые аспекты языка для меня намного сложнее других. Абстрактные слова запоминаются гораздо труднее, и для каждого из них у меня есть мысленный образ, который помогает понять его смысл. Например, слово «сложность» вызывает у меня в голове образ паззла – множество разных кусочков, соединенных в одну картинку. Когда я слышу или читаю, что нечто является *сложным*, я представляю, что оно состоит из многих частей, которые нужно *сложить* вместе, чтобы получить ответ. А, к примеру, слово «триумф» вызывает у меня образ большого золотого кубка, какие выигрывают на крупных спортивных состязаниях. Если я слышу о том, как какой-нибудь политик «одержал триумф» на выборах, я представляю, как он держит над головой кубок, как капитан победившей команды на Кубке Англии по футболу. Слово

«хрупкий» вызывает у меня мысли о стекле; я представляю «хрупкий мир» как стеклянного голубя. Этот образ помогает мне понять, что мир может разбиться в любой момент.

Некоторые предложения мне очень сложно анализировать, например: «Его нельзя назвать неопытным в этих делах». Два отрицания, «нельзя» и «не», отменяют друг друга. Было бы гораздо проще, если бы люди говорили: «Его можно назвать опытным в этих делах». Еще один пример – когда вопрос начинается с отрицания: «Тебе не кажется, что нам пора?» или «Ты не хочешь мороженого?» Это меня запутывает настолько, что у меня начинает болеть голова, потому что мне непонятно, что имеет в виду спрашивающий: «Ты хочешь мороженого? или «Правда ли, что ты не хочешь мороженого?» На оба вопроса можно ответить «да», но я не люблю, когда одно и то же слово означает совершенно разные вещи.

В детстве меня особенно сбивали с толку фразеологизмы. Когда о ком-то говорили, что он «не в своей тарелке», я удивлялся – как человек может поместиться в тарелку? Еще меня озадачивала популярная поговорка, которой мои родители объясняли капризное настроение кого-нибудь из братьев: «Он сегодня встал не с той ноги». «А с какой ноги надо вставать?» – спрашивал я.

В последнее время ученые стали все чаще интересоваться проявлениями синестезии в языке, подобными тем, что испытываю я. Появляется все больше исследований, посвященных этому явлению и его природе. Профессор Вилаянур Рамачандран из Центра исследования мозга в Сан-Диего (штат Калифорния) занимается изучением синестезии уже более десяти лет и считает, что между нейрологической основой синестезии и творчеством поэтов и писателей существует связь. Согласно одному из исследований, синестезия у творческих людей встречается в семь раз чаще, чем у остального населения.

В частности, профессор Рамачандран указывает на способность писателей придумывать и использовать метафоры – языковые конструкции, в которых сравниваются два, казалось бы, не связанных между собой понятия. Профессор сопоставляет это с объединением таких, на первый взгляд, разных вещей, как цвет и слово или образ и число в синестезии.

Некоторые ученые полагают, что высокоуровневые понятия (включая язык и вычисления) закреплены за конкретными участками мозга, и синестезия может быть вызвана избытком связей между этими участками. Кроме того, именно такие перекрестные связи могут приводить к возникновению способности объединять между собой разрозненные понятия.

Уильям Шекспир, например, часто прибегал к метафорам, многие из которых синестетичны по своей сути и задействуют несколько органов чувств. В «Гамлете» персонаж по имени Франциско использует выражение *“bitter cold”*¹⁵, объединяя ощущение холода с привкусом горечи. В пьесе «Буря» Шекспир связывает конкретное с абстрактным. Его выражение *“This music crept by me upon the waters”* приписывает

---

¹⁵ Буквально, «горький холод». В переводе П. Гнедича – «холод жгучий». У М. Лозинского – «холод резкий».

музыке способность физически двигаться – ползти, подкрадываться.¹⁶ Это помогает читателю вообразить, как музыка – нечто, что обычно сложно представить визуально – крадется, как живое существо.

Однако, не только творческие люди создают такие связи – это делает каждый. Все мы полагаемся на синестезию в той или иной мере. В своей книге «Метафоры, которыми мы живем»¹⁷ лингвист Джордж Лакофф и философ Марк Джонсон утверждают, что метафоры – это не случайные конструкции, они следуют определенным закономерностям, которые, в свою очередь, структурируют наши мысли. В пример они приводят выражения, которые демонстрируют связь «радость – вверх, грусть – вниз»: «настроение поднялось» – «настроение упало», «он воспрянул духом» – «он упал духом». Или «больше – вверх, меньше – вниз»: «в прошлом году мои доходы выросли»; «количество ошибок очень низкое».

Лакофф и Джонсон полагают, что эти закономерности исходят из нашего повседневного восприятия физической реальности. Например, ассоциация «грусть – вниз» может быть связана с тем, что у грустного человека поникает осанка, он опускает голову и плечи. Точно так же, ассоциация «больше – вверх» может быть связана с тем, что когда вы наливаете жидкость в сосуд или добавляете предмет в стопку подобных, то уровень жидкости или высота стопки растет.

Другие лингвисты отмечают, что некоторые особенности слов, которые обычно не несут никакой функции (например, начальные сочетания звуков), оказывают заметный эффект на читателя или слушателя. Например, сочетание *sl-*: *slack, slouch, sludge, slime, slosh, sloppy, slug, slut, slang, sly, slow, sloth, sleepy, slipshod, slovenly, slum, slobber, slur, slog...*¹⁸ Все эти слова имеют негативный оттенок, а некоторые являются попросту грубыми.

Идея о том, что некоторые сочетания звуков больше «подходят» определенным предметам или понятиям, чем другие, известна еще со времен древних греков. Очевидный пример этого – звукоподражание, то есть, слово, которое передает какой-либо реальный звук: «бах», «плюх», «пшик». В 1960-х годах исследователи провели эксперимент. Они придумали слова, содержащие определенные буквы и их комбинации, которые, как считалось, связаны с положительными или отрицательными ощущениями. Испытуемым давали послушать два выдуманных слова, а затем просили сопоставить их с приятными или неприятными эмоциями из списка. В сопоставлениях обнаружилась закономерность, которая не могла бы возникнуть случайно.

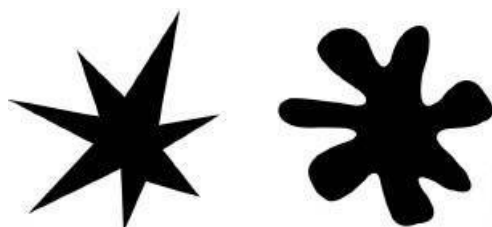
Этот тип скрытой языковой синестезии, которая имеется почти у всех людей, можно увидеть и в эксперименте, впервые проведенном в 1920-х годах: в нем исследовалась возможная связь между визуальными образами и звуковым составом слов. Исследователь Вольфганг Кёлер, немецкий и американский физиолог, изобразил две произвольных фигуры – одну с плавными округлыми очертаниями, другую с острыми углами – и придумал для них два слова: «такете» и

16 В этом смысле, очень близок к сохранению метафоры перевод М. Донского: «Вдруг по волнам // Ко мне подкралась сладостные звуки».

17 George Lakoff and Mark Johnson, "Metaphors We Live By".

18 Слабый, сутулиться, слякоть, слизь, хлюпать, неряшливый, слизняк, шлюха, сленг, хитрый, медленный, лень, сонный, небрежный, неопрятный, трущобы, слюни, мямлить, ударять.

«малума». Испытуемым задавался вопрос, какая из фигур «такете», а какая «малума». Подавляющее большинство называло округлую фигуру «малума», а угловатую – «такете». Недавно команда профессора Рамачандрана воспроизвела результаты этого эксперимента, используя вымышленные слова «буба» и «кики». Из опрошенных, 95% назвали округлую фигуру «буба», а фигуру с острыми углами – «кики». Как полагает Рамачандран, причина в том, что резкие очертания фигуры «кики» соответствуют резким фонетическим переходам в звучании слова, а также резкому касанию языком неба.

Профессор Рамачандран считает, что подобная синестетическая связь между слухом и зрением сыграла важную роль на пути к возникновению языка у древних людей. По его теории, наши предки начали говорить, используя звуки, с которыми у них ассоциировался тот или иной предмет. Он также отмечает, что движения губ и языка при произнесении определенных слов могут быть синестетически связаны с объектами и явлениями, которые эти слова описывают. Например, слова, обозначающие что-то маленькое, часто содержат звук “i”, который требует сближения губ и сужения голосового прохода: *little, teeny, petite*¹⁹, тогда как противоположное верно для слов, обозначающих нечто большое, огромное. Если теория верна, это значит, что язык появился благодаря обширному спектру синестетических связей в человеческом мозгу.

Как оказалось, я и сам представляю интерес для лингвистов – в частности, их заинтересовало, распространяются ли мои способности на другие формы языка, например, язык жестов. В 2005 году я принял участие в эксперименте доктора Гэри Моргана с кафедры лингвистики и коммуникации Лондонского городского университета. Доктор Морган занимается исследованием британского жестового языка (БЖЯ), которым пользуются около 70 000 глухих и слабослышащих людей в Великобритании. БЖЯ владеют и многие тысячи людей без потери слуха. Это визуальный язык, в котором задействованы не только руки, но также тело, лицо и голова. Целью эксперимента было проверить, могу ли я запоминать слова, показанные жестами, так же легко и быстро, как написанные или произнесенные. Напротив меня сидел человек и одно за другим воспроизводил 68 различных жестовых слов. После каждого мне показывали лист с четырьмя картинками и просили выбрать, какая из них лучше всего соответствует знаку, который мне только что показали. Жестовые слова варьировались от довольно простых, например, «шляпа», до более сложных понятий, таких, как «ресторан» или «сельское хозяйство». Я смог верно определить две трети знаков, из чего был сделан вывод, что у меня имеется «высокая способность к пониманию жестов». Теперь исследователи планируют

---

¹⁹ Маленький, крошечный, миниатюрный.

обучить меня британскому жестовому языку с помощью индивидуальных занятий с преподавателем, чтобы сравнить мое усвоение жестового языка с другими языками, которые я знаю.

Еще один язык, сильно отличающийся от других, – это эсперанто. Впервые слово «эсперанто» я прочел много лет назад в одной библиотечной книге, но лишь когда у меня появился компьютер, я смог узнать больше об этом языке. Сильнее всего меня привлекло то, что его лексика представляет собой сплав различных языков, в основном, европейских, а грамматика очень логична и не имеет исключений. Я очень быстро *esperantiĝis* («стал говорящим на эсперанто») благодаря чтению различных текстов на этом языке в сети и переписке с другими эсперантистами по всему миру.

Язык эсперанто (само это слово означает «надеющийся») создал Людвик Лазарь Заменгоф, окулист родом из города Белосток на территории нынешней Польши. Впервые Заменгоф опубликовал свой язык в 1887 году, а в 1905-м во Франции состоялся первый всемирный съезд говорящих на эсперанто. Целью Заменгофа было создать универсальный и простой в изучении язык, который способствовал бы укреплению взаимопонимания между народами. Сегодня, по разным оценкам, эсперанто владеют от ста тысяч до миллиона людей по всему миру.

В грамматике эсперанто есть несколько интересных особенностей. Во-первых, каждая часть речи имеет собственное окончание: все существительные заканчиваются на *-o*, все прилагательные на *-a*, наречия на *-e*, инфинитивы глаголов на *-i*. Например, слово *rapido* означает «скорость», *rapida* – «быстрый», *rapide* – «быстро», *rapidi* – «спешить».

В отличие от большинства естественных языков, глаголы в эсперанто не изменяются по лицам и числам: *mi estas* – «я есть», *vi estas* – «ты есть», *li estas* – он есть, *ŝi estas* – «она есть», *ni estas* – «мы есть», *ili estas* – «они есть». Глаголы прошедшего времени всегда заканчиваются на *-is* (*mi estis* – «я был»), а будущего времени – на *-os* (*vi estos* – «ты будешь»).

Многие слова формируются с использованием суффиксов. Например, *-ejo* означает «место»: *lernejo* – «школа», *infanejo* – «ясли», *trinkejo* – «бар». Еще один распространенный суффикс, *-ilo*, означает «инструмент» и встречается в таких словах, как *hakilo* – «топор», *flugilo* – «крыло» и *serĉilo* – «поисковая система».

Возможно, самая известная деталь грамматики эсперанто – это использование приставки *mal-* для придания слову противоположного смысла. Эта особенность очень часто используется в языке: *bona* – хороший, *malbona* – плохой, *riĉa* – богатый, *malriĉa* – бедный, *granda* – большой, *malgranda* – маленький, *dekstra* – правый, *maldekstra* – левый, *fermi* – закрывать, *malfermi* – открывать, *amiko* – друг, *malamiko* – враг.

Идиоматические обороты в эсперанто, в целом, не приветствуются, хотя некоторые примеры «сленга» существуют. Начинаящего изучать язык могут назвать *freŝbakito* – от немецкого *frischgebacken* («свежеиспеченный»), тогда как стандартным словом будет *komencanto* («начинающий»). Пример эвфемизма в эсперанто – *la necesejo* («место нужды», «место необходимости»), то есть, «туалет».

Тони Эттвуд, клинический психолог и автор книги «Синдром Аспергера: Руководство для родителей и специалистов»²⁰ отмечает, что у некоторых людей с СА имеется склонность к созданию собственных слов (иначе говоря, неологизмов). В пример он приводит девочку, которая называла лодыжку – «запястье ноги», а кубики льда – «водяные кости». Доктор Эттвуд называет эту способность «одним из замечательных и поистине творческих аспектов синдрома Аспергера». Когда родились мои сестры-близняшки, я придумал для них слово *biplerts*, поскольку знал, что двухколесный велосипед называется *bicycle*, а трехколесный – *tricycle*, и при этом тройняшки называются *triplets*. Еще один из моих детских неологизмов – это слово *pramble*, что означало идти на долгую прогулку (*ramble*) с ребенком в коляске (*pram*), что мои родители делали очень часто.

В детстве я не один год размышлял над идеей создания собственного языка. Это помогало мне облегчить собственное одиночество и с головой окунуться в тот восторг, что дарили мне слова. Иногда, когда я испытывал особенно сильное чувство или видел что-то, что казалось мне очень красивым, новое слово для этого возникало в голове само собой, и я не знал, откуда эти слова берутся. При этом язык, на котором общались между собой мои сверстники, казался мне неприятным и слишком запутанным. Меня часто дразнили за то, что я говорю длинными, очень педантично сформулированными предложениями. Когда я пытался использовать собственные слова, чтобы выразить то, что я ощущал, меня чаще всего не понимали. Родители просили, чтобы я не говорил «всяких странностей».

Я продолжал мечтать о том, что однажды буду говорить на собственном языке, за который меня не будут дразнить или ругать, и который будет отражать часть меня самого. После окончания школы у меня нашлось время всерьез заняться этой идеей. Я записывал слова по мере того, как они приходили мне в голову, и экспериментировал с различными способами произношения и структурами предложений. Я назвал свой язык *Mänti* (читается «мянти») – от финского слова *mänty*, что значит «сосна». Сосны растут на большей части северного полушария Земли и чаще всего встречаются в Скандинавии и Прибалтике. Многие слова мянти я произвел от слов скандинавских или балтийских языков. Есть и еще одна причина, почему я выбрал такое название: сосны символизируют дружбу и общность, поскольку часто растут большими группами.

Я до сих пор продолжаю работу над мянти. В нем есть полноценная грамматика и больше тысячи слов. Мянти привлек интерес нескольких лингвистов: они полагают, что он может пролить больше света на мои способности к языкам.

Когда я работаю над своим языком, больше всего я люблю создавать новые слова и идеи. В мянти я пробую создавать слова, которые отражают взаимосвязь между разными понятиями, например, *hamma* («зуб») и *hemme* («муравей», то есть, кусачее насекомое), *rât* – «провод» и *râtio* – «радио». Некоторые слова имеют несколько близких значений. Слово *puhu*, например, может означать «ветер», «дыхание» или «дух».

---

20 Tony Attwood, "Asperger's Syndrome: A Guide for Parents and Professionals".

В мянти много составных слов, например, *puhekello* («телефон», буквально «разговор + колокол»), *ilmaläv* («самолет», «воздух + корабль»), *tontöö* («музыка», «искусство + звук») и *ratalö* («парламент», «место + обсуждение»).

Абстрактные понятия выражаются в мянти разными способами. Например, можно образовать составное слово: «медлить» или «опоздать» переводится как *kellokült* (буквально «время + долг»). Еще один способ – использовать пары слов, как делается в финно-угорских языках, например, эстонском. Например, «молочные продукты» в мянти – это *pîmat kermat* («молоко-сливки»), а «обувь» – *koet saapat* («сапоги-ботинки»).

Хотя мянти сильно отличается от английского, в нем довольно много слов, которые легко узнаваемы для англоговорящих: *nekka* («шея»), *kuppi* («чашка»), *purssi* («кошелек»), *nööt* («ночь»), *pépi* («ребенок»).

Мянти – это реальное воплощение моего внутреннего мира. Каждое слово в нем сияет своим цветом и формой, и каждое для меня – как произведение искусства. Когда я думаю или говорю на мянти, я словно рисую словами.

10

Число «пи»

Впервые о числе «пи» я узнал в школе, на уроке математики. «Пи», то есть, отношение длины окружности к ее диаметру, – одно из самых известных чисел в науке. Оно носит имя шестнадцатой буквы греческого алфавита (π) – так его обозначал в своих работах математик Леонард Эйлер. Я был мгновенно очарован этим числом и стал запоминать все его знаки, что мог найти в библиотечных книгах – тогда мне удалось выучить несколько сотен.

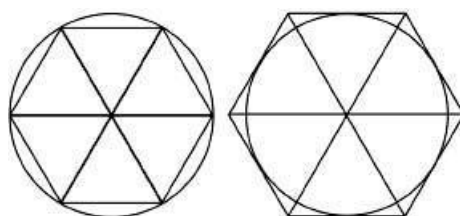
В конце 2003 года мне позвонил отец и в разговоре упомянул, что прошло уже двадцать лет, как у меня нет приступов эпилепсии. Он сказал, что мне стоит гордиться тем, чего я достиг за это время. Я тогда всерьез задумался над его словами и понял, что хочу что-то сделать, чтобы показать людям, что детская эпилепсия не помешала мне развиваться. В конце той же недели я связался с благотворительным фондом Национального общества эпилепсии (НОЭ) – крупнейшей британской организации, связанной с эпилепсией. Чтобы собрать средства для НОЭ, я решил выучить как можно больше знаков числа «пи» и рассказать их наизусть перед публикой через три месяца, 14 марта. В этот день отмечается Международный день числа «пи» (в американском формате 14 марта записывается как 3/14), кроме того, это день рождения Эйнштейна. В фонде с восторгом приняли мою идею и предложили побить европейский рекорд. Это означало, что мне нужно выучить 22 500 знаков. Руководитель сбора средств Саймон Эклесс занялся подготовкой места моего выступления – для этого был выбран музей Эшмола в Оксфорде, где среди прочих экспонатов находится одна из досок, на которой писал Эйнштейн.

«Пи» – иррациональное число. Это значит, что его нельзя записать простой дробью двух целых чисел. Оно бесконечно: знаки после запятой продолжают без остановки, поэтому никто не смог бы записать число «пи» полностью, даже если бы у него был лист бумаги размером со вселенную. По этой причине, в расчетах всегда используется приближенное значение «пи», например, $22 \div 7$ или $355 \div 113$. Это число проявляет себя в самых разных областях математики, не только в том, что касается сфер и окружностей. Например, с числом «пи» связано распределение простых чисел²¹ или задача о вероятности того, что иголка, брошенная на две параллельные линии, пересечет одну из них. Числу «пи» также равняется среднее соотношение фактической длины русла реки и прямого расстояния от ее истока до устья.

²¹ Здесь Таммет немного ошибся. Функция распределения простых чисел хоть и называется « π -функцией», но к числу π отношения не имеет.

Самые ранние значения «пи», скорее всего, были найдены путем измерений. Известно, что древние египтяне использовали в качестве «пи» значение $4 \cdot (8/9)^2 = 3.16$, а вавилоняне $3 + 1/8 = 3.125$. Греческий математик Архимед Сиракузский примерно в 250 году до нашей эры впервые рассчитал «пи» теоретически. Чтобы определить верхний и нижний пределы «пи», он вычислил периметр шестиугольника, вписанного в окружность (что меньше длины этой окружности), и периметр шестиугольника, описанного вокруг окружности (что больше длины окружности).

Постепенно удваивая количество сторон и доведя их в итоге до 96, Архимед все больше приближал значения обоих периметров к длине окружности. Он рассчитал, что «пи» должно быть меньше $3 \frac{1}{7}$, но больше $3 \frac{10}{71}$. В десятичной записи это выглядит как 3.1408 и 3.1429 (с округлением до четырех знаков после запятой), что очень близко к реальному значению: 3.1416.

В средние века немецкий математик Людольф ван Цейлен долгие годы вычислял значение «пи», используя, по сути, те же методы, что и Архимед за 1800 лет до него. В 1596 году он привел значение «пи» до 20 знаков после запятой в своей книге *“Van den Circkel”* («Об окружности»), а позже расширил его до 35 знаков. После его смерти эти цифры были выгравированы на его надгробии.

Позже многие ученые, включая Исаака Ньютона и Джеймса Грегори, разрабатывали новые арифметические формулы, чтобы уточнить значение «пи». В 1873 году англичанин Уильям Шенкс опубликовал собственные вычисления «пи» до 707-го десятичного знака. На это у него ушло более пятнадцати лет, то есть, в среднем, примерно по неделе на один знак. К сожалению, когда в 1940-х годах его расчеты были проверены с помощью механических калькуляторов, обнаружилось, что он допустил ошибку в 528-й позиции и все его последующие вычисления неверны.

С появлением современных компьютеров стало возможным рассчитать «пи» до гораздо более точных значений, чем раньше. Первое машинное вычисление «пи» было выполнено в 1949 году на компьютере ENIAC – огромной машине, которая весила 30 тонн и была размером с небольшой дом. Тогда «пи» было вычислено до 2037-го знака, и на это ушло семьдесят часов. Впоследствии быстрое развитие компьютерных технологий позволило еще больше увеличить количество знаков. В 2002 году японский ученый Ясумаса Канада и его коллеги из Центра информационных технологий при Токийском университете рассчитали свыше триллиона десятичных знаков «пи».

Все эти годы многие любители числа «пи» пытались запомнить хотя бы часть его бесконечной последовательности. Самый распространенный способ – использовать предложения и даже целые

стихи, составленные из тщательно подобранных слов, в которых количество букв равняется соответствующему знаку «пи». Вероятно, самый известный пример в английском языке – это фраза, которую приписывают британскому математику сэру Джеймсу Джинсу: «How I want a drink, alcoholic of course, after the heavy lectures involving quantum mechanics!»²² В слове “how” три буквы, в “I” – одна, а в слове “want” – четыре. Вся же фраза целиком соответствует 3.14159265358979, что представляет собой число «пи» до 14 десятичного знака.

Еще одно стихотворение (впервые опубликованное в 1905 году) передает 30 десятичных знаков «пи»:

*Sir, I send a rhyme excelling
In sacred truth and rigid spelling
Numerical sprites elucidate
For me the lexicon's dull weight
If Nature gain
Not you complain,
Tho' Dr Johnson fulminate.*

Проблема, с которой сталкиваются авторы таких мнемонических приемов, – как поступать с цифрой 0, которая впервые появляется на тридцать втором месте после запятой. Можно вместо нуля использовать пунктуацию, например, точку, или же слово из десяти букв. Некоторые авторы используют более длинные слова для двух подряд идущих цифр. Например, слово “calculating” (11 букв) будет означать что за единицей следует еще одна единица.

Когда я смотрю на последовательность чисел, мой разум наполняется цветами, фактурами и формами, которые произвольно переплетаются, образуя красочный пейзаж. Для меня они всегда чрезвычайно красивы – в детстве я мог часами исследовать свои мысленные числовые пейзажи. Чтобы вспомнить какое-либо число, я просто перебираю разные образы в голове и «считываю» с них цифры.

Для очень длинных чисел, таких, как «пи», я разбиваю цепочку цифр на небольшие сегменты. Размер каждого сегмента варьируется в зависимости от того, что это за цифры. Например, если одна цифра для меня яркая, а другая темная, то я представляю их по отдельности, а если одно гладкое число следует за другим гладким, я запоминаю их вместе. По мере того, как последовательность цифр растет, мои числовые пейзажи становятся более все сложными и многослойными, пока – как в случае с «пи» – не превращаются в целую страну, состоящую из чисел.

Вот так я «вижу» первые двадцать знаков числа «пи»:

---

²² Буквально: «Как же хочется выпить, конечно, чего-нибудь алкогольного, после сложных лекций по квантовой механике!»

Пример подобного мнемонического правила на русском языке:

Это я знаю и помню прекрасно:

Пи многие знаки мне лишни, напрасны.

Доверимся знаньям громадным

Тех, пи кто сосчитал цифр армаду.

Число поднимается вверх, потом резко темнеет, в середине образует несколько неровностей, а затем круто спускается вниз.

А вот первые сто знаков числа «пи», как я их себе представляю:

От сегмента к сегменту пейзаж меняется, появляются новые формы, цвета и фактуры. Этот процесс продолжается непрерывно, в течение всей последовательности цифр, что хранится у меня в голове.

Самый знаменитый фрагмент числа «пи» – это «точка Фейнмана», которая занимает позиции с 762-й по 767-ю и выглядит как ...999999... Она названа в честь физика Ричарда Фейнмана, который сказал однажды, что хотел бы запомнить знаки «пи» до этой точки, чтобы, перечисляя их, можно было сказать в конце: «девять, девять, девять, девять, девять, девять, девять и так далее». Для меня точка Фейнмана очень красива: я вижу ее как плотное кольцо темно-синего цвета.

Есть еще один не менее красивый фрагмент, занимающий места с 19 437 по 19 453: ...99992128599999399... В нем девятка сначала повторяется четыре раза, потом, после небольшого промежутка, пять раз, а потом еще дважды – итого, одиннадцать раз на отрезке из 17 знаков. Это моя любимая часть числа «пи» среди всех 22 500 с лишним знаков, что я запомнил.

Учить число «пи» я начал в декабре 2003 года. У меня было три месяца на то, чтобы запомнить свыше 22 500 цифр и таким образом побить рекорд. Первая проблема, которая передо мной возникла – где найти столько знаков числа «пи». В большинстве книг указывалось лишь несколько десятков или сотен. Ответ нашелся в интернете, хотя и это потребовало долгих поисков, поскольку на сайтах, в основном, перечислялась лишь первая тысяча знаков или, максимум, несколько тысяч. Наконец, Нил нашел сайт токийского суперкомпьютера, где хранились файлы с миллионами знаков «пи». Это и стало нашим исходным материалом.

Нил распечатал цифры на листах А4, по 1000 знаков на странице, чтобы мне было удобно изучать по странице за раз. Цифры были поделены на «фразы» по 100 знаков в каждой, чтобы они легко воспринимались – это минимизировало риск, что я их неправильно прочту и запомню.

Страницы я изучал не каждый день. Бывали дни, когда я слишком уставал или был слишком возбужден, чтобы сидеть и что-то учить. В другие дни я поглощал по несколько сотен цифр за один подход. Нил замечал, что когда я учил цифры, я становился нервным и напряженным – раскачивался взад-вперед на стуле или постоянно теребил пальцами губы. В такие моменты со мной было почти невозможно разговаривать или пытаться привлечь мое внимание; я словно находился в другом мире.

Такие сеансы запоминания часто были короткими (около часа или меньше), потому что моя способность концентрировать внимание сильно колеблется. Я выбирал самую тихую комнату в доме и там учил цифры, потому что даже малейший звук может помешать мне

сосредоточиться. Иногда я затыкал пальцами уши, чтобы ничего не слышать. Часто я ходил кругами по комнате, опустив голову и лишь немного приоткрыв глаза, чтобы никуда не врезаться. В другие разы я садился на стул, плотно зажмурился и представлял свои числовые пейзажи с их многочисленными деталями разных форм, цветов и фактур.

Поскольку на публике мне предстояло перечислять цифры устно, а не письменно, было важно потренироваться рассказывать их перед кем-то. Раз в неделю Нил брал один или несколько листов и проверял меня, а я стоял или расхаживал взад-вперед и произносил длинную цепочку наизусть. Заниматься этим было странно, и поначалу мне было сложно произносить цифры вслух, поскольку для меня они сугубо визуальны. Во время первой репетиции перед Нилом я запинался и допустил несколько ошибок. Меня это очень раздражало, и я не знал, как справлюсь, когда мне придется рассказывать всю последовательность перед целым залом. Как всегда, Нил был терпелив и поддерживал меня – он знал, почему мне трудно, и убеждал меня, что нужно расслабиться и продолжать попытки.

По мере тренировок мне действительно стало легче перечислять цифры, и с приближением даты выступления моя уверенность постепенно окрепла. Когда количество цифр возросло настолько, что рассказывать их за один раз стало невозможно, мы с Нилом решили, что я буду зачитывать ему разные фрагменты числа каждую неделю. В остальное время я вслух рассказывал число «пи» самому себе, сидя или расхаживая по дому и повторяя цифры до тех пор, пока не произносил всю цепочку ровно и безошибочно.

Чтобы поддержать сбор средств, благотворительный фонд открыл страницу в интернете, где принимались пожертвования и сообщения от людей со всего мира. Например, одно из пожертвований пришло от школы в Варшаве. Фонд также разослал информацию для СМИ, а мы с Нилом стали принимать пожертвования от друзей и близких. Сосед, который узнал о мероприятии, рассказал мне об эпилепсии своей дочери и выразил восхищение тем, что я делаю. Такие слова поддержки, а также открытки и электронные послания с пожеланиями удачи меня чрезвычайно вдохновляли.

В субботу, 13 марта, за день до выступления, Нил отвез нас в Оксфорд. Хотя все цифры я выучил еще за несколько недель до 'того, я по-прежнему очень нервничал из-за того, что буду рассказывать их перед публикой. На ночь мы остановились в маленьком отеле рядом с музеем, и я постарался как следует выспаться, что было непросто, поскольку меня продолжали одолевать мысли, как пройдет завтрашний день. Наконец, я заснул, и мне снилось, что я гуляю по своим числовым пейзажам – по крайней мере, там я ощущал себя спокойно и уверенно.

Мы оба проснулись рано. Нервничал не только я – Нил был в таком напряжении, что его мучили колики в желудке. Мы вместе позавтракали, а потом поехали в музей, следуя длинным и узким мощеным улицам. В Оксфорде я оказался впервые и был рад увидеть этот город, знаменитый своим университетом (старейшим в англоязычном мире). Благодаря архитектуре университетских зданий Оксфорд также называют «городом дремлющих спилей».

Музей истории науки на Брод-стрит находится в старейшем в мире здании, изначально построенном как музей. Его возвели в 1683 году, и это был первый в мире музей, открытый для публики. Сейчас в его коллекции около 15 000 экспонатов, от античности до начала XX века. Среди них много старинных инструментов и приборов, которыми пользовались математики, астрономы и мореплаватели.

Когда мы въехали на музейную парковку, оказалось, что сотрудники музея, журналисты, операторы и организаторы благотворительного мероприятия собрались на улице и ждут нас. Когда я вышел из машины, Саймон Эклесс, отвечавший за сбор средств, подошел ко мне, энергично потряс мою руку и спросил, как я себя чувствую. Я сказал, что прекрасно. Меня представили всем остальным, а потом попросили присесть на ступени здания, чтобы сделать несколько фотографий. Ступени были сырыми и холодными, и я очень старался не ерзать слишком сильно.

Зал, где должно было состояться мое выступление, оказался длинным и пыльным. От края до края его заполняли стеклянные витрины с различными экспонатами. Возле одной из стен для меня был приготовлен маленький столик со стулом. Оттуда я прекрасно мог видеть доску Эйнштейна, висевшую на противоположной стене. Немного в стороне от моего стола был еще один стол подлиннее, на котором лежала стопка листов с цифрами и стояли электронные часы. За столом сидели члены кафедры математических наук из ближайшего университета Оксфорд Брукс, которые вызвались быть проверяющими. Их задача состояла в том, чтобы следить за выступлением и сверять произносимые мною цифры с напечатанными на листах. В начале выступления следовало включить часы, чтобы публика могла следить за ходом времени. Событие рекламировалось в местной прессе, и снаружи здания висели афиши, приглашавшие зайти в музей. Работники благотворительного фонда держали наготове информационные буклеты и коробки для пожертвований.

Нил по-прежнему был так напряжен, что выглядел больным, но был решительно настроен оставаться в зале и поддерживать меня. Его присутствие действительно мне помогало. Попозировав еще для фотографий, я сел на стул и выложил на столик те немногие вещи, что взял с собой – бутылки с водой на случай, если у меня пересохнет в горле, а также шоколадку и бананы, чтобы подзарядиться энергией во время выступления. Когда я был готов к началу, Саймон попросил тишины и запустил часы. Было пять минут двенадцатого.

Итак, я начал произносить уже хорошо знакомые первые знаки числа «пи». Пейзажи в моей голове вырастали и сменялись один другим. Проверяющие вычеркивали цифру за цифрой. В зале стояла почти полная тишина, не считая редких приглушенных покашливаний или шороха шагов, когда кто-то переходил из одного конца зала в другой. Эти звуки не тревожили меня, потому что я чувствовал, как меня поглощает зрительный поток меняющихся цветов, форм и образов моих числовых пейзажей. Я произносил цифры почти нараспев, равномерно дыша, и вдруг осознал, что совершенно спокоен, совсем как во сне накануне ночью. На то, чтобы прочесть первую тысячу знаков, ушло чуть больше десяти минут. Я открыл бутылку с водой и сделал несколько глотков, а затем продолжил.

Постепенно зал наполнялся людьми, которые вставали в нескольких метрах от меня и молча наблюдали, как я читаю. Хотя я больше всего волновался о том, что буду рассказывать число «пи» перед таким количеством зрителей, в итоге я почти не замечал их, поскольку все мои мысли были поглощены ритмичным и непрерывным потоком цифр. Помню только одну серьезную помеху – у кого-то зазвонил мобильный телефон. Я перестал читать и подождал, пока звук смолкнет, чтобы продолжить.

По правилам мероприятия, я не мог с кем-либо разговаривать или как-то еще взаимодействовать во время выступления. Были запланированы короткие перерывы, во время которых я съедал кусочек шоколадки или банана. Чтобы поддерживать концентрацию во время передышек, я ходил из стороны в сторону позади своего стула, глядя в пол и избегая взглядов зрителей. Постоянно сидеть на месте, что-то рассказывая, оказалось сложнее, чем я ожидал, поскольку обычно я много кручусь и ерзаю. Пересказывая цифры, я то запрокидывал голову, то обхватывал ее руками, то слегка покачивался с закрытыми глазами.

В четверть второго, когда с начала выступления прошло чуть больше двух часов, я достиг отметки в 10 000. С течением времени усталость нарастала все больше, и я чувствовал, как числовые картины в мозгу расплываются. До выступления я не рассказывал всю последовательность без перерыва и теперь надеялся, что мне хватит сил закончить.

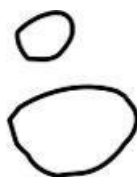
Был лишь один момент, когда мне показалось, что я больше не могу продолжать. Это случилось после того, как я уже прочел 16 000 знаков. На несколько секунд в мозгу возникла абсолютная пустота: ни фигур, ни цветов, ничего. Со мной никогда не случалось подобного, я словно смотрел в черную дыру. Я крепко зажмурился и сделал несколько глубоких вдохов. Потом в голове возникло какое-то покалывание, и цвета вновь появились из темноты. Я продолжил чтение.

К вечеру я наконец-то приблизился к концу своего числового путешествия. Прошло уже пять часов, я выбился из сил, но был рад, что конец уже виден. Я словно мысленно пробежал марафон. Ровно в четверть пятого, дрожащим от облегчения голосом, я произнес последние цифры – 67657486953587 – и дал знак, что я закончил. Я безошибочно произнес наизусть 22 514 знака числа «пи» за 5 часов 9 минут, установив новый британский и европейский рекорд. Зрители громко зааплодировали, а Саймон подбежал ко мне и внезапно обнял. Я поблагодарил проверяющих за то, что следили за моим выступлением от начала до конца, а затем меня попросили выйти из зала, чтобы сделать еще несколько снимков. Там же я выпил свой первый в жизни бокал шампанского.

Реакция СМИ на это мероприятие оказалась феноменальной – такого успеха не ожидали ни представители фонда, ни я сам. В последующие недели я регулярно давал интервью различным газетам и радиостанциям, включая BBC, и даже станциям в Канаде и Австралии.

Одним из самых частых вопросов, которые мне задавали в этих интервью, был такой: «Зачем запоминать число “пи” до такого количества знаков?» Тогда я ответил то же, что отвечу сейчас: число

«пи» для меня невероятно красиво и совершенно уникально. Число «пи» само по себе достойно того, чтобы им восхищаться – как достойна этого «Мона Лиза» или симфония Моцарта.

Встреча с Кимом Пиком

Когда я успешно побил рекорд по запоминанию знаков числа «пи», на меня хлынул поток газетных статей и интервью на радио. Среди всего прочего, пришло предложение от крупного британского телеканала снять часовую документальную программу с моим участием. На авторов программы произвело впечатление мое выступление в Оксфорде и особенно моя способность хорошо справляться с вниманием публики и последующим интересом СМИ. Съёмки должны были проходить в Британии и в США. В конце года авторы планировали поехать в Америку, чтобы снимать Кима Пика – саванта, который стал реальным прототипом героя фильма «Человек дождя». По их мнению, то, что я сам являюсь савантом и при этом могу свободно рассуждать о своих способностях, делало меня подходящим героем программы. Кроме личной встречи с Кимом Пиком, это дало бы мне возможность встретиться с несколькими ведущими мировыми специалистами по синдрому саванта как в США, так и в Британии. По всей видимости, это был один из тех шансов, что выпадают раз в жизни.

Я согласился принять участие, хоть и очень волновался. Я не был за границей уже пять лет, и за это время едва ли покидал пределы родного города. Перспектива провести несколько недель вдали от дома, при этом участвуя в съёмках и переезжая с места на место, меня пугала. Меня беспокоило, смогу ли я справиться с насыщенной программой поездки, не имея возможности следовать своим ритуалам и привычному распорядку. Я никогда не бывал в Америке (хотя мог назвать по памяти годы правления, средние имена и партийную принадлежность всех президентов, начиная с Маккинли) и не знал, как отнесусь к ней: что, если она окажется для меня слишком большой, слишком яркой, слишком шумной? Что, если у меня случится срыв или приступ паники в этой огромной стране, отделенной целым океаном от моего дома?

Мысль о том, что я все время буду в пути, каждый день переезжая из одного места в другое, больше всего тревожила и мою семью, и Нила, и меня. Близкие меня поддерживали, но настоятельно советовали все обсудить с создателями фильма. Съёмочная команда заверила, что меня не будут оставлять одного в общественных местах (где я могу заблудиться), и что съёмки не будут навязчивыми, а просто будут фиксировать происходящее.

Планы у команды были амбициозными, а график – насыщенным: за две недели нам предстояло проделать путь от одного побережья США до другого, совершая остановки в самых разных городах –

например, в Сан-Диего, штат Калифорния, и Солт-Лейк-Сити, штат Юта. Создатели очень быстро придумали рабочее название программы – “Brainman”, обыграв название фильма с Дастином Хоффманом²³. Поначалу мне оно не понравилось, но со временем я к нему привык.

Лично со съемочной командой я впервые встретился за неделю до путешествия, в июле 2004 года. Они были очень приветливы, и это помогло мне расслабиться. Оператор, Тоби, оказался моим ровесником. Все были взволнованы – для команды это был первый фильм такого рода, и никто не знал, чего ожидать. Я тоже был взволнован, отчасти под их влиянием: в плане эмоций я часто ориентируюсь на поведение окружающих. Кроме того, я был счастлив оттого, что начиналось новое приключение.

Вещи я упаковал вечером накануне полета: одна куртка, две пары ботинок, четыре свитера, шесть пар шорт и брюк, восемь футболок, одиннадцать пар носков и нижнего белья, свежий тюбик зубной пасты, электрическая зубная щетка, дезинфицирующее средство, шампунь, эфирные масла и гель для душа. Нил купил мне мобильный телефон, чтобы мы оставались на связи, пока я в отъезде. Работа не позволяла ему поехать со мной. Телефон я держал в правом кармане, а паспорт, билет и бумажник – в левом.

Нил отвез меня в аэропорт. Перед тем, как я направился к терминалу, он вдруг меня обнял. Мы впервые разлучались за три с половиной года, но даже при этом я не сознавал, что мне стоит проявить какие-то эмоции, и объятие ошеломило меня. В здании терминала было множество людей с чемоданами и сумками. Они обходили меня со всех сторон, и я начал нервничать. Чтобы успокоиться, я принялся считать людей, стоящих в очередях. Съемочная команда была уже на месте. Мы прошли в зал ожидания и вскоре сели на самолет.

Стоял обычный теплый и солнечный летний день, и, сидя в кресле самолета, я смотрел, как мы поднимаемся все выше, а голубое небо исчезает под облаками. Пилот объявил, что полет до международного аэропорта Лос-Анджелеса займет 11 часов. Когда мне говорят о каком-то отрезке времени, я представляю его в голове как полоску теста, лежащую на столе длиной в час. Например, я могу понять, сколько займет тридцатиминутная прогулка, представив полоску теста, раскатанную до середины моего мысленного стола. Но одиннадцать часов были слишком длинным отрезком времени, чтобы я мог его представить. Это заставляло меня сильно нервничать. Я крепко зажмурил глаза, потом медленно открыл их и стал смотреть вниз, на свои ноги, пока не успокоился.

Я предпочитаю мысленно подготовиться к каким-либо предстоящим событиям и отрепетировать различные варианты, потому что не люблю, когда что-то происходит внезапно и неожиданно. Я знал, что в какой-то момент полета ко мне подойдет стюардесса и задаст вопрос (например, что я буду есть), поэтому я представил себе этот разговор: стюардесса подходит и говорит со мной, а я спокойно и уверенно ей отвечаю.

---

²³ Фильм называется “Rain Man” – «Человек дождя». “Brainman” – буквально означает «человек-мозг».

Я непрерывно ощупывал свои карманы, в сотый раз проверяя, что телефон лежит в правом кармане, а паспорт и бумажник – в левом. Когда послышалось дребезжание тележки, приближающейся к моему креслу, я почувствовал, как растет мое напряжение. Я внимательно слушал разговоры стюардесс с другими пассажирами и поэтому уже знал, что она мне скажет. Я заранее решил, что выберу на обед: куриное рагу с клецками. Когда стюардесса подошла ко мне, все прошло гладко, и выбор оказался вполне удачным.

Тем не менее, я по-прежнему слишком нервничал, чтобы спать в полете. Вместо этого я слушал музыку в пластмассовых наушниках, предлагаемых в самолете, и читал журнал, хранившийся за спинкой сиденья. Когда мы наконец зашли на посадку, меня охватило чувство свершения: я это сделал. У меня болела голова, руки и ноги затекли, но я добрался до Америки.

На улице было теплее и солнечнее, чем в Лондоне. Я подождал, пока режиссер вызовет машину. Когда она пришла, команда стала погружать в нее багаж и многочисленные коробки со съемочным и записывающим оборудованием. Это напоминало игру в тетрис. После нескольких попыток им наконец удалось все уложить. Водитель доставил нас в Сан-Диего, к гостинице на берегу моря. Я совершенно выбился из сил, но меня предупредили, что завтрашний день начнется рано. В номере гостиницы я тщательно почистил зубы, ополоснул лицо пять раз, как делаю всегда, и поставил будильник на 4:30 утра, после чего лег в кровать и мгновенно заснул глубоким сном.

Когда раздался писк будильника, я подскочил на кровати и зажал руками уши. Голова все еще болела, к тому же, я совершенно не привык просыпаться по будильнику. Одной рукой я нашарил нужную кнопку и восстановил тишину в комнате. За окном еще не рассвело. Я почистил зубы (в течение ровно двух минут) и принял душ. Мне не нравилось, что все было по-другому. Насадка душа была больше, вода лилась сильнее, а полотенца казались странными на ощупь. Я вытерся и поспешил одеться – по крайней мере, моя одежда оставалась такой же, как всегда. С сильным волнением и нерешительностью, я вышел из номера и спустился по лестнице в зал для завтрака. Я подождал, пока появится Тоби, чтобы видеть рядом знакомое лицо, и только потом сел за еду. Я съел маффин и выпил чаю, а после того, как спустились и поели все остальные, мы погрузились в машину и поехали к большому комплексу многоэтажных зданий со сверкающими окнами. Нам предстояла встреча со знаменитым неврологом, профессором Рамачандраном, и его командой в калифорнийском Центре изучения мозга.

Когда мы прибыли, ученые вышли нас поприветствовать, а затем проводили нас в кабинет профессора. Коридоры, по которым мы шли, сияли от солнечного света, лившегося из окон, сплошь занимавших одну из стен. Сам же кабинет оказался большим и более темным. Стены были заставлены плотными рядами книг, на массивном столе лежали бумаги и пластмассовые макеты мозга. Мне предложили сесть на стул напротив профессора и одного из членов его команды.

Профессор заговорил густым и звучным голосом. На самом деле, в нем все казалось каким-то большим – круглые, слегка навывкате, глаза, густые вьющиеся черные волосы и такие же черные усы. Я помню,

какими крупными показались мне его руки, когда он протянул их ко мне. Однако, его очевидный энтузиазм неким образом меня успокаивал. Я, конечно, нервничал, но при этом ощущал некое воодушевление.

Сначала меня попросили мысленно решить несколько арифметических примеров. Я называл ответы вслух, а помощник профессора проверял их на калькуляторе. Голова у меня продолжала болеть после перелета, но, к счастью, я справился с их задачами. Затем мне стали зачитывать список чисел, а я должен был сказать, является ли каждое из них простым или нет. Я ни разу не ошибся. Я рассказал, как мысленно вижу числа, и как они обладают разным цветом, формой и фактурой. Профессор выглядел заинтересованным – похоже, это произвело на него впечатление.

Когда подошло время обеда, помощник профессора, молодой человек по имени Шай с угольно-черными волосами и такими же большими глазами, как у профессора, проводил меня в столовую на территории центра. Шай был в восторге от моих описаний того, как я визуализировал числа и ответы на задачи, которые решал в уме. Потом меня пригласили в еще один кабинет, где я познакомился с другим членом команды профессора Рамачандрана по имени Эд. Шай и Эд хотели подробнее узнать о конкретных визуальных образах, связанных у меня с разными числами. Мне было сложно подобрать слова, поэтому я взял фломастер и начал рисовать образы чисел, о которых они спрашивали, на белой доске. Ученые были потрясены. Они не ожидали, что мои образы окажутся настолько сложными, и что я смогу их так детально изобразить.

К удивлению всех, ученые попросили режиссера дать им еще время, чтобы изучить некоторые мои способности и мое визуальное представление чисел. Режиссер позвонил продюсеру в Лондон, и тот согласился.

На следующий день меня попросили повторить свои описания и рисунки различных чисел, но уже при включенных камерах. Я подошел к белой доске и заполнил ее схемами и рисунками того, как я вижу числа и совершаю мысленные вычисления с помощью синестетических образов. Меня даже попросили вылепить некоторые числа из пластилина.

Затем меня посадили перед экраном компьютера, заполненным знаками числа «пи», а к пальцам подсоединили гальванический датчик реакции кожи. Не сообщая мне заранее, ученые подменили шестерки девятками в случайных местах последовательности. Им было интересно, вызовут ли эти изменения какой-то отклик в показаниях датчика. Когда я смотрел на числа на экране, мне становилось неприятно, и я начинал морщиться, потому что элементы моих числовых пейзажей распадались, словно их кто-то ломал. Гальванический датчик показал заметные колебания, означавшие, что у меня действительно возникает физиологическая реакция на подмену цифр. Ученые, особенно Шай, были поражены.

Иногда меня спрашивают, нравится ли мне быть подопытным кроликом для исследователей. Я ничего не имею против экспериментов, потому что знаю, что так помогаю ученым лучше понять человеческий мозг, а это для всеобщего блага. Кроме того, я рад узнать больше о самом себе и о том, как устроен мой ум.

Дополнительное время, отведенное на общение с учеными, быстро подошло к концу, а график теперь стал еще более плотным. Перед расставанием Шай спросил, не мог бы я съездить с ним на скалы неподалеку, чтобы посмотреть на море и на планеры, парящие в небе. Ему хотелось пообщаться со мной подальше от съемочной группы и камер. Мы прогулялись по скалам, а он в это время задавал мне вопросы об эмоциях, которые я испытываю к различным числам, и делал пометки в специально захваченном для этого блокноте. Казалось, каждый мой ответ восхищает его все сильнее. «Знаете, для ученых вы просто находка века», – объявил он, но я не нашел, что ответить. Шай мне понравился, и я пообещал поддерживать связь – мы до сих пор переписываемся по электронной почте.

Нашей следующей остановкой был Лас-Вегас – «город мечты», который находится в штате Невада и является бесспорным центром мира азартных игр. Съемочная команда хотела показать некоторые мои способности в более развлекательном формате. Эта часть программы в каком-то смысле копировала знаменитый эпизод из «Человека дождя».

Я испытывал смешанные чувства по этому поводу. Меньше всего мне хотелось бы опозлять свои способности или поддерживать ошибочный стереотип, что все аутичные люди похожи на героя «Человека дождя». В то же время я понимал, что в программе нужно чередовать серьезные научные фрагменты с более легкими. Я любил играть в карты с друзьями, но никогда в жизни не бывал в казино. В итоге, любопытство взяло верх, и я поддался на уговоры.

В Неваде стояла нестерпимая жара и дул горячий ветер, словно кто-то включил фен на полную мощность и направил вам в лицо. Я был одет в тонкую хлопковую футболку и шорты, но моментально взмок от пота, пока мы ждали машину, которая отвезет нас в следующую гостиницу. Ехать было тяжело – от вида пронесившихся мимо массивных ярких зданий начинало мутить. К нашему всеобщему облегчению, добрались мы быстро, а в фойе гостиницы работал кондиционер.

Однако, внутренний облик гостиницы быстро поубавил наш энтузиазм. Поскольку найти казино, чья администрация согласилась бы на присутствие телевизионных камер, оказалось невероятно трудно, продюсер в итоге согласился на небольшое заведение в центре города. Оно было менее знаменито, чем другие казино Лас-Вегаса, но его сотрудники с готовностью ухватились за идею телепрограммы и даже бесплатно предоставили нам номера в гостинице. Тем не менее, первое впечатление оказалось не слишком хорошим. Ковер в фойе был грязным, а в воздухе стоял какой-то затхлый запах. Кроме того, персонал чрезвычайно долго, больше часа, подготавливал наши номера.

И все же, когда нам выдали ключи, комнаты внутри оказались удивительно просторными и удобными. Вечером меня снова посадили в машину, и мы отправились снимать поездку по знаменитому бульвару Лас-Вегас-Стрип, залитому ослепительными огнями казино. Я крепко стиснул руки, чувствуя, как внутри растет напряжение от такого количества визуальных стимулов. К счастью, поездка была недолгой. Мы вместе поужинали в ближайшем ресторане и легли спать пораньше.

На следующее утро, перед тем, как забрать меня, команда долго готовила место съемки в тихой части помещения, где стояли столы блэкджека. Администрация казино предоставила нам большое количество игровых фишек. Я познакомился с владельцем казино, а он представил меня дилеру, который наскоро объяснил правила игры.

Блэкджек – одна из самых популярных карточных игр, известная также под названием «двадцать одно». Суть игры состоит в том, чтобы делать ставки на то, что рука²⁴ игрока побьет руку дилера, при этом не превысив сумму 21. Туз может считаться как 1 или 11, а «картинки» (валеты, дамы, короли) имеют значение 10.

Чтобы начать руку, нужно сделать ставку, а затем дилер раздает по две карты каждому игроку и себе. Одна из карт дилера открывается, другая остается лежать рубашкой вверх. Сочетание картинки с тузом называется «блэкджек» и приводит к мгновенной победе обладателя. В противном случае, игрок может либо взять еще одну карту (это называется «хит»), либо остаться при своем («стэнд»). Если сумма карт игрока превышает 21, он проигрывает. После того, как игроки принимают решение, дилер раскрывает свою вторую карту и тоже решает, брать дополнительную карту или нет. Если его сумма меньше 17, он должен взять еще одну или несколько карт, пока не наберет 17. Если сумма дилера превышает 21, выигрывают все оставшиеся игроки.

Практика подсчета карт широко распространена в блэкджеке и состоит в том, что игрок мысленно отслеживает сыгравшие карты и пытается таким образом получить небольшое преимущество над дилером, повышая ставку при хорошем положении (например, когда в оставшихся колодах много картинок) и понижая при плохом. В простейшей форме подсчета каждой карте приписывается положительное или отрицательное значение: карты малого достоинства, например, двойки и тройки, имеют положительные значения, тогда как десятки – отрицательные. Игрок мысленно подсчитывает значения по мере того, как сдается каждая карта и регулярно вносит поправки в общий подсчет, принимая во внимание примерное количество еще не сыгравших карт.

Вести подсчет карт нелегко, и даже опытные игроки, которые этим занимаются, могут улучшить свои шансы лишь примерно на 1%. Тех, кто подозревается в подсчете, часто выгоняют из казино. За нашим столом использовался шуз²⁵ из восьми колод, то есть, в игре было 416 карт – достаточное количество, чтобы минимизировать любое возможное преимущество от подсчета.

Казино – шумные места со множеством отвлекающих факторов, и сложнее всего для меня было как следует сконцентрироваться. Сидя на стуле напротив дилера, я сосредотачивался на колодах карт, внимательно глядя, как перед началом игры их одну за другой вскрывают, тасуют и складывают в шуз. Камеры привлекли зевак, и вокруг меня, пока я играл, быстро собралась толпа.

На игру был отведен ограниченный период времени. Казино специально зарезервировало целый стол, за которым я был единственным игроком – против меня был только дилер. Чтобы почувствовать игру, я начал с простых приемов, исходя из карт,

---

24 Рука – набор имеющихся у игрока карт.

25 Шуз – контейнер, в котором лежат перетасованные колоды карт.

открытых в руке: я делал «стэнд», если мне давали десятку или восьмерку, и «хит», если давали тройку или девятку (если при этом у дилера была четверка, пятерка или шестерка, я снова выбирал «стэнд») – этот метод известен как базовая стратегия.

Но даже когда игрок оптимально использует базовую стратегию, дилер все равно имеет статистическое преимущество. Через некоторое время мой запас фишек заметно истощился. Однако, мое ощущение игры сильно улучшилось по сравнению с началом, я стал принимать решения быстрее и чувствовать себя комфортнее. Я принял спонтанное решение играть инстинктивно, полагаясь на поток чисел в голове, похожий на холмистый пейзаж с подъемами и впадинами. Когда числовой пейзаж поднимался до пика, я ставил более активно.

Ситуация переменялась; я начал выигрывать все чаще и чаще. Я расслабился, и игра стала приносить мне гораздо больше удовольствия, чем раньше. В ключевой момент я получил две семерки, а дилер открыл у себя десятку. Согласно базовой стратегии, мне следовало брать еще карту. Вместо этого я доверился инстинкту и сделал «сплит» – то есть, разделил пару одинаковых карт, удвоив первоначальную ставку. Дилер вытащил третью карту, которой тоже оказалась семерка. Я спросил, могу ли я отделить и эту семерку. Дилер удивился – это был крайне необычный ход против дилерской десятки. Однако, он отделил карту, и теперь у меня было три руки с семерками, а моя ставка утроилась. Зрители в толпе переговаривались между собой. Кто-то громко заметил: «Кто же делит семерки против десятки?» Дилер стал раздавать новые карты в пару к каждой из семерок – первая пара дала 21. Вторая – снова 21. Наконец, третья семерка, и снова победная сумма – 21. Тройной выигрыш в одной руке против дилера. Я одним махом восполнил свои потери и обыграл казино.

И все же я был рад покинуть Лас-Вегас. Там было слишком жарко, слишком шумно, слишком много яркого света. Комфортно я себя чувствовал, только пока играл. Я все сильнее скучал по дому, и когда, вернувшись в гостиницу, позвонил Нилу из номера, то разрыдался, лишь только услышав его голос. Он сказал мне, что я большой молодец и должен держаться. Он гордился мной. Тогда я еще не знал, что самый важный и особенный эпизод всего путешествия был впереди.

На следующий день мы полетели в Солт-Лейк-Сити, столицу штата Юта и главный центр религии мормонов. От гостиницы до общественной городской библиотеки ехать было недалеко. Шестиэтажное здание выглядело очень впечатляюще: его изогнутые прозрачные стены охватывали площадь в 240 000 квадратных футов, а внутри содержалось более полумиллиона книг. На первом этаже находились магазины и прочие услуги, а выше – читальные галереи и лекционный зал на 300 мест. Учитывая мою неизменную любовь к книгам и воспоминания о тех годах, когда я целыми днями просиживал в маленьких местных библиотеках, это место казалось мне раем.

Огромное внутреннее пространство было наполнено естественным светом, и я испытал знакомое покалывание чувства покоя. Библиотеки всегда действовали на меня умиротворяюще. В них не было толп, только небольшие группы посетителей, читающих или переходящих от полки к полке и от стола к столу. Не было внезапных и резких звуков, только легкий шорох страниц и тихие разговоры между

друзьями или коллегами. Но я никогда не видел и не посещал такой библиотеки, как эта. Для меня она казалась зачарованным дворцом из сказки.

На первом этаже меня попросили присесть на скамью и подождать. Я принялся считать ряды книг и проходивших мимо людей. Я легко мог бы просидеть там не один час. Через некоторое время за мной пришел режиссер, и мы поднялись на лифте на второй этаж. Насколько хватало взгляда, повсюду нас окружали полки с книгами. К нам подошел пожилой человек и пожал мне руку. Он представился как Фран Пик. Это был отец Кима Пика, посвятивший всю свою жизнь заботе о сыне.

Ким Пик – живое чудо. Когда он родился в 1951 году, доктора сказали его родителям, что он никогда не будет ходить, не сможет учиться, и его следует поместить в специальное учреждение. Ким родился с увеличенной головой и водяным пузырем внутри черепа, который повредил левое полушарие мозга – сторону, отвечающую за такие важные способности, как речь и язык. В 1988 году ему сделали томограмму, которая показала, что у него нет мозолистого тела, то есть, перегородки, разделяющей два полушария мозга. При этом он научился читать в год и четыре месяца, а к 14 годам полностью освоил программу средней школы.

За годы своей жизни Ким запомнил огромные объемы информации из более чем дюжины различных областей, от истории до литературы, спорта, географии и музыки. Он может читать две страницы книги одновременно, по одной каждым глазом, запоминая их практически дословно. В сумме Ким прочел более 9000 книг и помнит содержимое каждой из них. Также он с легкостью вычисляет календарные даты.

В 1984 году, на съезде Ассоциации поддержки людей с умственной отсталостью в Арлингтоне, штат Техас, Ким и его отец встретили продюсера и сценариста Барри Морроу. Результатом этой встречи стал фильм «Человек дождя». Перед съемками Дастин Хоффман провел с Кимом целый день. Актер был потрясен его способностями и убедил Франа, что о его сыне должен узнать весь мир. С тех пор Ким и его отец объездили всю Америку и выступили перед более чем миллионом людей.

Это был момент, которого я долго ждал – впервые в жизни мне предстояло встретиться и поговорить с другим савантом. Фран рассказал сыну, кто я такой, и почему мы хотим его увидеть. Выбор городской библиотеки в качестве места встречи был легко объясним – и для Кима, и для меня библиотеки были особенными местами, наполненными тишиной, светом, простором и порядком.

После знакомства с Франом меня представили Киму. Он держался рядом с отцом и был коренастым человеком средних лет с шевелюрой седеющих волос и пронзительным пытливым взглядом. Он быстро взял меня за руки и встал почти вплотную ко мне. «Скажите ему дату своего рождения», – предложил Фран. «31 января 1979 года», – сказал я. «Когда вам исполнится 65, это будет воскресенье», – ответил Ким. Я кивнул и спросил, когда родился он. «11 ноября 1951 года». Я широко улыбнулся: «А вы родились в воскресенье!» Лицо Кима просветлело, и я понял, что мы нашли общий язык.

Фран заготовил для меня сюрприз: он принес «Оскар», завоеванный сценаристом «Человека дождя» Барри Морроу. Барри великодушно одолжил его семье Пиков на время их тура. Я осторожно взял статуэтку обеими руками, она оказалась гораздо тяжелее, чем выглядела. Меня попросили сесть рядом с Франом и поговорить о детстве Кима, так что мы прошли в угол, где стояли удобные кожаные кресла. Киму в это время дали книгу. Фран эмоционально рассказывал о реакции врачей на проблемы сына, когда тот был ребенком: «Нам советовали сдать его в интернат и забыть!» Нейрохирург даже предлагал сделать Киму лоботомию, чтобы его легче было определить в учреждение.

Мне хотелось побольше узнать о нынешней жизни Кима, и я попросил Франа описать, как обычно проходит его день. «Каждое утро Ким говорит по телефону со своей матерью. Потом он приходит сюда и читает по несколько часов. По вечерам мы навещаем нашу пожилую соседку. Ким читает ей вслух».

Я спросил о турах и выступлениях Кима. «Мы всегда ездим вместе и никогда не просим денег. Мы посещаем школы, колледжи, больницы. О чем бы его ни спросили, Ким знает практически все: даты, имена, статистику, почтовые индексы, что угодно. Слушатели задают ему разные вопросы, и он всегда выкладывает столько информации – я даже не догадывался, что он это знает. Редко какой вопрос ставит его в тупик. Он хочет до всех донести следующее: “Чтобы быть особенным, не нужно быть инвалидом, каждый человек особенный сам по себе”».

Мы закончили интервью, и у меня осталось время, чтобы погулять с Кимом вдоль полок библиотеки. Ким держал меня за руку. «Ты савант, как и я, Дэниел», – радостно произнес он и сжал мои пальцы. Пока мы ходили, Ким иногда на секунду останавливался, брал с полки книгу, перелистывал несколько страниц, словно был уже знаком с ее содержанием, и ставил на место. Иногда он вполголоса произносил прочитанное имя или дату. Все книги были документальными, похоже, художественная литература его не интересовала. Это тоже было у нас общим.

«Чем ты любишь здесь заниматься больше всего?» – спросил я, и он без слов повел меня в секцию, где стоял ряд толстых книг в красных кожаных обложках. Это были телефонные справочники каждого из районов Солт-Лейк-Сити. Ким взял один справочник с полки и сел за ближайший стол. Он взял блокнот и ручку и стал выписывать некоторые имена и номера. Глядя на него, я спросил: «Ты тоже любишь числа?» Он медленно кивнул, увлеченный своим занятием.

Сидя рядом с Кимом, я вспомнил, что сказал мне его отец: Ким обожает вопросы, связанные с историческими датами и личностями. История была одной из его любимых тем. «В каком году Виктория стала королевой Англии?» – спросил я. «В 1837», – моментально ответил Ким. «Сколько лет сейчас было бы Уинстону Черчиллю?» – «130». – «А на какой день недели приходится его день рождения в этом году?» – «Вторник, последний день ноября».

В сопровождении Франа и съемочной группы мы спустились на первый этаж библиотеки, где Ким стал показывать нам разные ряды книг и объяснять, какие книги там стоят. Мы вышли на яркое дневное солнце и встали рядом, а Ким снова сжал мои руки. Стоя совсем близко,

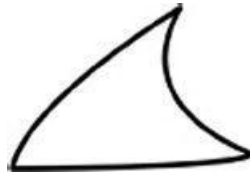

он посмотрел мне в глаза и сказал: «Однажды ты будешь таким же, как я». Это был лучший комплимент в моей жизни.

Я согласился поужинать с Кимом и Франом тем же вечером в местном ресторане. Ким вспоминал свою встречу с Дастином Хоффманом и то, как удивляли Хоффмана его способности и его доброта. И отец, и сын подчеркнули, как важно продолжать рассказывать широкой публике о способностях Кима и о необходимости относиться с уважением к чужим отличиям.

Нам совсем не хотелось прощаться с Кимом и Франом. По дороге обратно все члены группы говорили о том, как много они извлекли из встречи с Кимом и его отцом. Их история безусловной любви, целеустремленности и стойкости чрезвычайно нас воодушевила. Для меня это были незабываемые впечатления. Встреча с Кимом напомнила, что мне очень повезло – несмотря на собственные проблемы, я мог жить независимой жизнью, которая ему недоступна. Кроме того, я был чрезвычайно рад познакомиться с кем-то, кто любит книги, факты и числа так же, как и я.

Когда мы летели домой, я размышлял о многом. Между Кимом и мной было немало схожего, но важнее всего было то чувство общности, что мы оба испытали во время нашей встречи. Наши жизни были очень разными, но при этом между нами была особенная редкая связь. Это помогло нам сблизиться в тот день и напомнило о том, как драгоценна дружба. Я был тронут радушием, с которым он и его отец меня приняли, и тем, как открыто и искренне они делились своей историей. Особый дар Кима – это не только его мозг; это его сердце, его доброта, его способность оставить уникальный след в жизни других людей. Встреча с Кимом Пиком была одним из счастливейших моментов в моей жизни.

Рейкьявик - Нью-Йорк - дом

После возвращения в Великобританию у авторов программы оставалось для меня последнее испытание: с нуля выучить новый язык за одну неделю и под наблюдением камер. Несколько месяцев они обдумывали разные варианты и наконец остановились на исландском – флективном языке²⁶, который мало изменился с 13 века и во многом схож с древнеанглийским. Сегодня на нем говорит около 300 000 человек. Вот пример того, как он выглядит:

Mörður hér maður er kallaður var gígja. Hann var sonur Sighvats hins rauða. Hann bjó á Velli á Rangárvöllum. Hann var ríkur höfðingi og málafylgjumaður mikill og svo mikill lögmaður að engir óóttu löglegir dómar dæmdir nema hann væri við. Hann átti dóttur eina er Unnur hét. Hún var væn kona og kurteis og vel að sér og þótti sá bestur kostur á Rangárvöllum.

«Жил человек по имени Мёрд, по прозвищу Скрипица. Он был сын Сигвата Рыжего. Двор его стоял на Равнине Кривой Реки. Это был богатый и знатный человек, охотно помогавший в тяжбах. Он так знал законы, что решения, принятые без него, казались незаконными. У него была единственная дочь по имени Унн. Это была красивая девушка, учтивая и хорошего нрава. Она слыла лучшей невестой на Равнине Кривой Реки.»²⁷

Это отрывок из «Саги о Ньяле» (Brennu-Njáls Saga) – самой знаменитой исландской саги, написанной еще в 13 веке.

Исландский считается очень сложным языком для изучения. К примеру, в нем существует не менее двенадцати разных слов для каждого из чисел от одного до четырех, которые используются в зависимости от контекста. Исландские существительные делятся на три рода: мужской, женский и средний. Прилагательные изменяются в соответствии с родом существительного, которое они описывают: *Gunnar er svangur* («Гуннар сильный»), *Helga er svöng* («Хельга сильная»). Кроме того, исландцы не заимствуют слова из других языков, как это происходит в английском. Вместо этого они создают собственные слова для современных понятий: *tölva* – «компьютер», *sími* – «телефон» (от старого исландского слова, означающего «нить»).

В сентябре создатели программы наконец сообщили мне о выборе языка и прислали посылку. В ней был карманный словарь, детская книжка, два учебника грамматики и несколько газет. По финансовым соображениям продюсеры решили, что в Исландии мы проведем только четыре дня вместо запланированной недели, и поэтому материал для изучения языка был отправлен мне заранее, за несколько дней до

²⁶ Флективный язык – язык, в котором слова изменяются с помощью флексий (окончаний). Для такого языка характерна развитая система падежей и склонений. К примеру, русский язык относится к флективным, английский – нет.

²⁷ Перевод С. Д. Кацнельсона.

поездки. Однако, возникла серьезная проблема: словарь оказался настолько мал, что разобрать с его помощью тексты, предложенные продюсерами, было практически невозможно. Кроме того, я был огорчен, что в Исландии мы пробудем лишь четыре дня, а не семь, поскольку кульминацией испытания должно было стать интервью полностью на исландском языке в прямом эфире исландского телеканала. Чтобы успешно справиться с заданием, мне нужно было максимальное погружение в разговорный язык.

В такой ситуации я старался извлечь максимум из того материала, что у меня был. Я запоминал распространенные фразы и лексику из учебников по грамматике и тренировался составлять собственные предложения на основе конструкций, которые смог извлечь из разных текстов. К одной из книг прилагался компакт-диск, и я начал его слушать, чтобы получить представление о произношении, но мне было очень сложно сосредоточиться. Мое внимание плавает, когда я пытаюсь воспринимать информацию на слух. Когда я общаюсь с человеком, то могу слушать очень внимательно, потому что прилагаю особые усилия, чтобы сохранять сосредоточенность. Но когда слушаешь диск, сделать это гораздо сложнее – возможно, потому что нет ощущения необходимости постоянно поддерживать внимание. Из-за всех этих сложностей накануне полета я чувствовал себя довольно удрученно.

Мне предстояло снова проститься с Нилом – но в этот раз лишь на несколько дней. Такси отвезло меня в аэропорт, где я встретился со съемочной командой. К счастью, в аэропорту было тихо и мало людей. Я взял с собой книги, но надеялся, что, когда мы прибудем в Исландию, я получу учебные материалы получше. Полет был недолгим, и большую часть времени я то смотрел в иллюминатор, то читал рассказы на исландском из детской книжки.

Исландия – одна из самых маленьких стран мира с населением чуть больше четверти миллиона. Она лежит в северной части Атлантического океана, к югу от полярного круга. Остров находится в горячей зоне Срединно-Атлантического хребта и имеет очень высокую геологическую активность. На нем много вулканов и гейзеров, а геотермальная энергия обогревает дома многих исландцев. Население страны имеет стопроцентную грамотность, а поэзия и литература пользуются большой популярностью. В Исландии выпускается больше книг, журналов и газет на одного человека, чем где-либо в мире.

Прибыв в аэропорт Кефлавик, мы отправились на автобусе в самый крупный город Исландии и ее столицу, Рейкьявик (этот город с населением чуть более 110 000 носит прозвище “*stærsta smáborg í heimi*” – самый большой маленький город в мире).

Хоть лето уже подходило к концу, погода стояла хорошая: воздух был прохладным и свежим, но не слишком холодным. В автобусе были длинные блестящие окна, и через них мы видели широкие полосы серебристо-серых облаков, повисших в небе, а под ними – суровый металлически-синий ландшафт вдалеке. По мере того как мы подъезжали к Рейкьявику, дневной свет стал смягчаться и гаснуть. Я закрыл глаза и стал считать про себя по-исландски: *einn, tveir, þrír, fjórir...*

В гостинице я познакомился со своей преподавательницей исландского – Сигридур, хотя для краткости она попросила называть ее Сирри. Сирри работала с иностранными студентами в местном университете. По ее словам, она никогда не слышала, чтобы кто-то брался выучить исландский за такое короткое время, и сомневалась, что это реально. Сирри принесла с собой много материалов для чтения. При любой возможности, мы открывали книгу, и я читал вслух целые страницы, чтобы она могла проверить мое произношение и помочь с непонятными словами.

Большой объем чтения помог мне приобрести интуитивное понимание грамматики языка. К примеру, я заметил, что многие слова становятся длиннее, если они стоят в конце предложения. Например, слово *bók* («книга») часто немного удлиняется в начале предложения: *Bókin er skrifuð á íslensku* («Книга написана по-исландски»), но становится еще длиннее в конце: *Ég er nýbúinn að lesa bókina* («Я только что закончил читать книгу»). Другой пример – слово *borð* («стол»): *Borðið er stórt og þungt* («Стол большой и тяжелый») и *Orðabókin var á borðinu* («Словарь лежал на столе»). Позиция слова в предложении помогала мне понять, какую грамматическую форму оно, скорее всего, примет.

Короткие сроки оказались наибольшей из проблем. Значительную часть того малого времени, что имелось у меня для изучения языка, мы проводили в машине, разъезжая по различным местам для съемки. Эта сложность усугублялась тем, что Сирри в автомобиле укачивало. Были, конечно, и плюсы в том, что мы не сидели на одном месте. Исландия – чрезвычайно живописная страна, и эти поездки позволили мне впитать в себя ее атмосферу, что было бы невозможно в учебном классе или гостиничном номере.

Один из дней мы провели у водопада Гюдльфосс, что означало «золотой водопад». Гигантский белый каскад, расположенный на ледниковой реке Хвитау, обрушивался с высоты 32 метров в узкое ущелье 70 метров глубиной и 2.5 километра длиной. Вблизи мельчайшая водяная взвесь, постоянно выбрасываемая в сырой воздух, напоминала мне образ числа 89. Это был не единственный момент, напомнивший мне о числах. Пережидая дождь в маленькой, сырой, продуваемой ветром пещере неподалеку от водопада, я ощущал будто забрался в темную пустоту числа шесть. Даже причудливые изломы далеких гор напоминали мне числовые последовательности. Именно тогда я сильнее всего ощутил себя в Исландии как дома.

Путешествие на термальные поля в долине Хейкадалюр позволило нам вблизи увидеть знаменитые исландские гейзеры. Слово «гейзер» происходит от исландского глагола *gjósa* – «изливаться, вырываться». Это редкое явление – всего в мире существует около тысячи гейзеров. Гейзерная активность возникает оттого, что вода на поверхности земли просачивается вниз сквозь трещины и задерживается в полостях. Там она разогревается окружающими вулканическими породами примерно до 200 градусов Цельсия, расширяется, испаряется и вырывается наружу. Через некоторое время температура воды в гейзере вновь падает ниже точки кипения, и извержение заканчивается. В свою очередь, вода, излившаяся на

поверхность, опять начинает просачиваться вниз, и весь цикл начинается заново.

Наблюдать за извержениями гейзеров было очень увлекательно. Сначала зеленовато-голубая вода вскипает, на поверхность выходят и лопаются крупные пузыри, толкающие воду вверх. Затем возникает внезапный и сильный всплеск, и к небу взлетает плотный сверкающий столб воды высотой в десять или больше метров. Воздух вокруг гейзера пропитан запахом серы, похожим на запах тухлых яиц, но, к счастью, он быстро уносится ветром.

Долгие переезды между съемками были очень утомительны, и я всегда радовался, когда мы останавливались где-нибудь поесть. Пока съемочная группа налегала на гамбургеры и картошку фри, я пробовал традиционные исландские блюда, такие, как *kjötsúpa* (суп из ягнатины) и *plokkfiskur* (блюдо из мелко рубленной рыбы). По возможности, я общался с Сирри только на исландском, делая пометки в большой черной тетради, которую все время носил с собой.

Кульминация испытания настала в день интервью в прямом эфире популярного ток-шоу "*Kastljós*" («Прожектор»). Я немного нервничал, но, в целом, чувствовал себя уверенно, хотя понятия не имел, какие вопросы мне будут задавать. В итоге я около четверти часа проговорил с двумя ведущими на исландском языке перед аудиторией в несколько сотен тысяч человек. Было очень странно сидеть перед камерами и общаться на языке, с которым я познакомился лишь неделю назад. Еще более странным казалось то, что меня полностью понимали. В течение всей недели я смотрел и слушал, как исландцы общаются на родном языке – они делали это так легко и естественно, словно дышали этим языком. И напротив, моя речь была медленной и затрудненной, как дыхание астматика. Я объяснил ведущим: "*Ég er með íslensku asma*" («Мой исландский страдает астмой»).

Я несколько раз появился и на других каналах Рейкьявика, включая главное утреннее телешоу Исландии. Эти интервью также проходили на исландском. В утреннем шоу участвовала и Сирри, которая очень восторженно отзывалась о моих успехах. Сирри также дала интервью на английском для документального фильма и сказала, что у нее никогда не было таких учеников и что я «просто не человек!» Я был очень ей благодарен, не только за слова, но и за ее помощь и поддержку, которые были для меня неоценимы.

Когда я вернулся из Рейкьявика после завершения съемок, у меня появилась возможность обдумать, какой путь я проделал. Всего лишь несколько лет назад казалось невероятным, чтобы я мог вести независимую жизнь: отправиться в такую огромную страну, как США, путешествовать по ней, встречать разных людей, бывать в разных местах и иметь смелость делиться самыми личными мыслями и переживаниями со всем миром. Поездка в Исландию также оказалась прекрасной, и мне очень дорого то, что исландцы приняли меня с такой теплотой и воодушевлением. Возможно, это и было удивительнее всего: те самые особенности, что изолировали меня и отделяли от сверстников в детстве и юности, во взрослом возрасте помогли мне общаться с людьми и найти новых друзей. Это были невероятные несколько месяцев, но на этом все еще не закончилось.

* * *

Одним ранним утром, следующей весной, мне позвонили по телефону и пригласили принять участие в очередном выпуске вечернего шоу Дэвида Леттермана. Организатором выступил канал Discovery Science, который первым транслировал “Brainman” в США. Реакция на фильм оказалась очень положительной, включая подробный обзор в газете «Нью-Йорк Таймс». Хотя я ни разу не смотрел шоу Леттермана, я о нем слышал и знал, что оно идет уже давно и пользуется большой популярностью. Канал согласился покрыть мои расходы на полет в Нью-Йорк, и для меня уже было подготовлено расписание. Была только одна загвоздка: вылетать нужно было в этот же день, так как на следующий уже было назначено интервью.

К счастью, поскольку Нил работал из дома, он помог мне собраться и согласился отвезти в аэропорт. Билеты для меня были уже забронированы, так что мне оставалось лишь взять вещи и ехать. Даже хорошо, что все получилось так внезапно. У меня не было времени на волнения, и я полностью сосредоточился на рутинных делах – принять душ, одеться, собрать сумку. Пока мы ехали в аэропорт, Нил старался меня приободрить и сказал, чтобы я наслаждался очередным приключением и просто был собой.

Сиденье в самолете было большим и удобным, так что я смог проспять большую часть полета, что очень помогло. Когда мы сели в аэропорту имени Кеннеди, я проследовал за другими пассажирами сквозь многочисленные коридоры, пока не оказался в длинной очереди паспортного контроля. Когда подошел мой черед, я шагнул к будке и протянул паспорт. Проверяющий по ту сторону стекла спросил, сколько времени я планирую провести в Америке, и я ответил: «Два дня». «Всего два дня?» – удивленно переспросил он. Я кивнул.

Он внимательно посмотрел на меня, потом вернул паспорт и велел проходить. Забрав свою сумку, я прошел в зону прибытия и увидел человека, держащего табличку с моим именем. Меня предупредили, что в аэропорту меня будет ждать водитель, так что я подошел к нему, он взял мою сумку, и мы пошли к сверкающему длинному черному автомобилю. Меня доставили к отелю на Манхэттене и высадили. Еще недавно я пришел бы в ужас от мысли, что мне нужно будет одному войти в гостиницу и в ней пытаться отыскать свой номер среди множества других, при этом не заблудившись. Однако, к тому времени я так привык к гостиницам, что это уже не представляло проблем. Я забрал ключи, поднялся по лестнице в номер и лег спать.

На следующее утро я встретился с представительницей команды канала Discovery Science по имени Бэт. В ее задачу входило убедиться, что я подобающе одет для съемок (например, ничего белого или в полоску), и помочь мне успокоиться и расслабиться. Следуя длинным оживленным улицам, мы вместе дошли до Театра Эда Салливана – радио- и телестудии на Бродвее, где снималось шоу Леттермана последние 12 лет. Когда я получил свой пропуск, меня поприветствовала съемочная команда и сообщила расписание сегодняшних съемок. Я спросил, можно ли мне посмотреть площадку, чтобы немного освоиться перед тем, как выходить на нее вечером. От кулис нужно было пройти совсем немного вперед, а затем преодолеть одну ступеньку и подняться на главную платформу. Там я должен был

пожать руку Дэвиду и сесть. Диван был большим и мягким, но в самой студии было очень холодно – как мне сказали, Дэвид настаивает, чтобы температура в помещении была ровно 58 градусов по Фаренгейту.²⁸ Оставалось надеяться, что я не буду слишком дрожать во время съемок.

Я успел вернуться в гостиницу и пообедать, а затем снова прийти в студию к 16:30. Меня отвели в небольшую комнатку, где по телевизору, висевшему на стене, шла открывающая часть шоу, а потом проводили в гримерную. Прикосновения кисточки были мягкими и успокаивающими. Когда меня провели на съемочную площадку и показали, где стоять, пока идет реклама, я ощущал себя на удивление расслабленно. Затем я услышал, как Дэвид объявил меня зрителям, и руководитель дал мне сигнал выходить. Следуя указаниям, полученным днем, я помнил, что при выходе должен держать голову прямо и пожать Дэвиду руку перед тем, как сесть. Я не забывал и о том, что нужно поддерживать зрительный контакт в течение интервью. Публика находилась достаточно далеко от прожекторов, так что я только слышал ее, но не видел. Это было к лучшему, потому что так возникало ощущение, что я говорю только с Дэвидом. Он начал серьезно, задав мне несколько вопросов об аутизме и приступах эпилепсии в детстве, и даже похвалил мои навыки общения, в ответ на что зрители зааплодировали. С этого момента я вообще перестал волноваться. Когда я стал рассказывать о своем рекорде по запоминанию числа «пи», Дэвид перебил меня какой-то шуткой, и зрители засмеялись. Он назвал мне дату своего рождения, 12 апреля 1947 года, и спросил, в какой день недели он родился. Я сказал, что он родился в субботу, а 65 лет ему исполнится в 2012 году, в четверг. Зрители вновь громко захлопали. В конце интервью Дэвид крепко пожал мне руку, а когда я ушел за кулисы, весь персонал встретил меня аплодисментами. Бэт поздравила меня и отметила, каким спокойным и собранным я выглядел на экране. Это событие окончательно убедило меня, что теперь я действительно способен жить своей жизнью, и мне под силу вещи, которые считаются обычными для большинства людей: например, внезапно сорваться в путешествие, самостоятельно поселиться в гостинице, пройти по оживленной улице, не впадая в панику от обилия красок, звуков и запахов. Мысль о том, что все мои усилия были не напрасны, и что я достиг того, о чем не смел даже не мечтать, вызывала у меня восторг.

* * *

Телевизионная премьера фильма “Brainman” состоялась в Великобритании в мае 2005 года и побила рекорды по просмотру. С тех пор его показывали или продавали в более чем сорока странах всего мира, от Швейцарии до Южной Кореи. Я регулярно получаю электронные и бумажные письма от тех, кто посмотрел фильм и был тронут или вдохновлен им, и мне радостно, что моя история помогла столь многим людям.

Моя семья также отреагировала на фильм очень положительно. Отец сказал, что очень гордится тем, чего я достиг. Недавно он упал и получил серьезную травму, а потому живет сейчас в специальном

---

²⁸ Чуть выше 14 градусов Цельсия.

пансионате недалеко от нашего семейного дома, где получает постоянную помощь и медицинский уход. Нил и я регулярно ездим в Лондон его навещать. С возрастом его психическое состояние стабилизировалось, и, чтобы поделиться своим опытом, он даже пишет статьи в рассылку местной группы поддержки.

В детстве я не всегда ощущал сильную эмоциональную связь со своими родителями, братьями и сестрами, но и не испытывал какого-либо чувства пустоты, потому что они просто не были частью моего мира. Теперь все иначе: я понимаю, как сильно семья меня любит, и как много они для меня сделали за все эти годы. Мои отношения с семьей становятся все глубже. Я думаю, влюбленность помогла мне лучше осознать и другие мои чувства, не только к Нилу, но и к друзьям и близким. У меня теплые отношения с мамой, мы регулярно созваниваемся, и я люблю с ней поговорить. Она продолжает играть очень важную роль в моей жизни и поддерживает меня, как и всегда.

Большинство моих братьев и сестер тоже уже взрослые. В детстве я не очень с ними ладил, но со временем мы постепенно сблизились, и я намного лучше узнал каждого из них. С братом Ли у меня наименьшая разница в возрасте. Он работает железнодорожным смотрителем и обожает компьютеры. Мама жалуется, что он проводит за монитором все свободное время.

Моя сестра Клэр заканчивает университет в Йорке, где изучает английскую литературу и философию. Как и я, она очень интересуется языком и словами и планирует стать школьным учителем.

У Стивена, моего второго брата, синдром Аспергера, и он по-прежнему нуждается в помощи семьи. Он принимает лекарства от депрессии – люди в аутистическом спектре часто сталкиваются с этим состоянием. Как и я, когда он о чем-то глубоко задумывается, то начинает ходить кругами. В нашем семейном саду даже протоптана круговая дорожка, где он ходит особенно часто. Стивен – талантливый музыкант и питает особую страсть к струнным инструментам. Он самостоятельно научился играть на гитаре и греческой лютне. Также он обладает энциклопедическими знаниями о своей любимой группе, Red Hot Chili Peppers. Родители иногда жалуются на его вкус в одежде, потому что он носит вещи очень ярких цветов (например, оранжевые ботинки) и каждую неделю меняет прическу. Не думаю, что им стоит из-за этого волноваться. Полагаю, он все еще ищет себя и пробует разные способы освоиться в окружающем мире. Я знаю по собственному опыту, что для этого нужно время. Стивен работает волонтером в местном благотворительном магазине. В данный момент, его главный интерес – это триопсы, крошечные ракообразные, которые считаются самыми древними из существующих ныне животных. Стивен очень добр и заботлив. Я горжусь им и возлагаю большие надежды на его будущее.

Мой брат Пол на год младше Стивена и работает садовником. Он прекрасно разбирается в растениях: когда их сажать, как лучше размещать в саду, какой тип почвы им необходим, сколько требуется света и так далее. Когда мне нужен совет по поводу сада, я всегда обращаюсь к Полу.

Близнецы тоже выросли. Мария, старшая (на десять минут), недавно сдала на отлично все выпускные экзамены в школе. Как и

Клэр, она самый настоящий книжный червь и очень много времени проводит за чтением. Наташа только что родила сына, Мэтью, так что я впервые стал дядей. Фото племянника стоит у меня на столике в кухне. Когда я смотрю на него, то думаю о том, какое чудо – жизнь и любовь.

Наконец, мои самые младшие сестры – Анна-Мари и Шелли. Обе теперь – шумные, вечно чем-то занятые подростки. Шелли, как и я, любит книги, и особенно интересуется творчеством Джейн Остин и сестер Бронте.

Я всегда с радостью навещаю семью. Сейчас я ощущаю себя ближе к ним, чем когда-либо в детстве. Я чрезвычайно благодарен им за всю любовь, что они мне дали и продолжают давать. Их поддержка всегда была очень важным залогом любых достижений в моей жизни. Каждый раз, приходя в гости, я с нетерпением жду наших бесед о книгах и словах (и, зачастую, о Red Hot Chili Peppers) и рассказов о том, что происходит у моих близких, об их планах и мечтах о будущем. Для меня большая привилегия – быть частью их жизни.

Сам же я большую часть времени провожу дома. Здесь мне спокойнее, комфортнее и привычнее всего, потому что дома меня окружают ритуалы и порядок. По утрам я всегда чищу зубы до того, как приму душ. Я тщательно чищу каждый зуб и после споласкиваю рот водой. Когда я моюсь, то использую натуральные масла, например, чайного дерева и жожоба, чтобы смягчить кожу, так как мыло вызывает зуд и сухость. На завтрак я ем овсяную кашу, мне нравится ощущать ее комочки на языке. А мой любимый напиток в течение всего дня – теплый чай с обезжиренным молоком.

Я регулярно готовлю – тактильные ощущения от этого занятия помогают мне расслабиться. Кулинарный рецепт похож на математическую сумму или уравнение. Результат, будь то торт или рагу, возникает в результате сложения его частей. Все ингредиенты взаимосвязаны друг с другом – если берется половинная или двойная порция одного компонента, нужно уменьшить или увеличить вдвое все остальные. Вот, например, простой рецепт бисквитного торта на шестерых человек:

*6 яиц
340 г самоподнимающейся муки
340 г масла
340 г сахарной пудры*

Его можно записать следующим образом:

6 яиц + 340 г самоподнимающейся муки + 340 г масла + 340 г сахарной пудры = торт (на 6 человек)

Чтобы приготовить торт на троих вместо шести, я меняю результат на $3/6$, а это то же самое, что $1/2$. Поэтому я уменьшаю каждый компонент суммы ровно на половину (3 яйца, 170 г муки и т. д.).

Многое из того, что мы едим дома, я готовлю сам, используя простые рецепты, заимствованные из книг, у семьи или у друзей. Мы печем домашний хлеб и делаем арахисовое масло для сэндвичей.

Иногда я готовлю овсяное молоко или йогурт. Мы печем пироги из вкусного нежирного теста, а для начинки берем яблоки из нашего сада. Часть урожая Нил использует на то, чтобы сделать свежий сидр. Нил часто помогает мне на кухне, и когда мы вместе занимаемся готовкой, для меня это возможность потренироваться в умении сотрудничать и быть частью команды.

В нашем саду есть большой огородный участок, где мы выращиваем лук, горох, картошку, помидоры, капусту, салат и пряные травы, например, мяту, розмарин и шалфей. Я люблю работать в саду – там тишина, свежий воздух и теплое солнце. Я люблю слушать пение птиц и смотреть, как насекомые неторопливо ползают по деревьям и растениям. Садоводство приносит мне большую пользу – оно успокаивает, но при этом требует терпения и старания. Кроме того, оно помогает мне лучше ощущать связь с миром вокруг.

Самодостаточное хозяйство приносит нам ощущение покоя и удовлетворения. Суп, приготовленный из собственных, только что собранных помидоров гораздо вкуснее любых магазинных продуктов. Мои друзья очень любят персональные открытки, которые я делаю для них, разукрашивая простой картон карандашом и цветными мелками. Наши расходы на покупки невелики, потому что я планирую все блюда на несколько недель вперед и рассчитываю бюджет перед тем, как мы идем в магазин. Около трети продукции, выращиваемой в Великобритании для потребления, в итоге выбрасывается – во многом это происходит потому, что люди покупают больше, чем им нужно.

Одно время мы каждую неделю закупались в местном супермаркете, как делают многие. Однако, я регулярно «выключался» или становился нервным и замкнутым из-за больших размеров магазина, толп покупателей и многочисленных раздражающих факторов. Кроме того, в супермаркетах часто бывает слишком жарко, что тоже проблема – когда мне жарко, моя кожа начинает зудеть. Еще в них горят мигающие флуоресцентные лампы, от которых режет глаза. Мы нашли решение – ходить в маленькие местные магазины, в которых мне гораздо комфортнее. Цены в них тоже зачастую ниже, и кроме того, так мы поддерживаем малый бизнес в нашей округе.

Когда мы отправляемся за покупками, машину всегда ведет Нил, так как я не умею водить. Я два раза пытался сдать экзамен на права, пройдя длительные курсы, но оба раза провалил. Людям с аутизмом часто требуется больше опыта, тренировки и концентрации, когда они учатся водить. Часто мы плохо ориентируемся в пространстве, а это необходимо, когда ведешь машину на дороге. Еще одна проблема – предугадывать, как могут повести себя другие водители, и понимать, что не все и не всегда соблюдают правила. К счастью, Нил не против водить машину за нас обоих.

Что касается планов на будущее, у меня их несколько. Прежде всего, я намерен и дальше помогать благотворительным организациям, которые для меня особенно важны, например, Национальному обществу аутизма и Национальному обществу эпилепсии. Когда я выступаю с речью на благотворительном мероприятии перед большим количеством людей, я встаю или сажусь так, чтобы видеть в зале Нила, и представляю, что говорю только с ним. Тогда я гораздо меньше нервничаю.

Я также продолжаю сотрудничать с учеными и исследователями, чтобы больше узнать о своем мозге и о том, как он работает. После моего рекорда по запоминанию числа «пи» и после фильма “Brainman” на меня посыпались просьбы от ученых всего мира поучаствовать в их экспериментах. В 2004 году, в американском штате Висконсин, я встретился с ведущим мировым экспертом по синдрому саванта, доктором Дарольдом Треффертом. Во время этой встречи он сказал, что я соответствую диагностическим критериям саванта. С тех пор я продолжаю регулярно участвовать в различных научных исследовательских проектах. Вот два примера недавних исследований:

В 2004 году профессор Дэниел Бор из Медицинско-исследовательского совета при отделении когнитивных наук в Кембридже проанализировал мою память на цифры – то есть, способность запоминать последовательность цифр и воспроизводить ее в верном порядке. На каждом этапе проверки меня сажали перед экраном компьютера, на котором по одной отображались цифры, сменяясь каждые полсекунды. Когда последовательность заканчивалась, меня просили напечатать ее на компьютере. Было зафиксировано, что моя память вмещает последовательность из 12 цифр, тогда как нормальный уровень – от 5 до 7 цифр. Затем на экране стали показывать цифры, окрашенные в случайные цвета, чтобы проверить, помешает ли это моей синестезии – тогда мой результат снизился до 10-11 цифр. Профессор Бор сказал, что прежде не тестировал никого, способного запомнить свыше 9 цифр, и что мой результат чрезвычайно редок.

Летом 2005 года Нил Смит, профессор лингвистики из Университетского колледжа Лондона, провел эксперимент, в котором проверялось, как я воспринимаю различные конструкции предложений. Предложения содержали то, что лингвисты называют металингвистическим отрицанием – то есть, отрицание, основанное не на отдельных словах, а на структуре предложения. Например, если большинству людей показать предложение «Джон не высокий, он настоящий гигант», они легко поймут его смысл: Джон высок настолько, что его нельзя назвать просто высоким. Однако, я понял эту разницу лишь тогда, когда мне ее подробно объяснили. Эксперимент показал, что такие предложения кажутся мне противоречивыми и слишком сложными для анализа. Это распространенная проблема для людей с аутизмом из-за особенностей нашего понимания и буквальности мышления.

Есть и еще один способ, которым я надеюсь в будущем помочь другим – это развитие альтернативных способов обучения. Визуальные средства обучения могут оказаться полезны не только для тех, кто находится в спектре, но и для многих «нейротипичных» учащихся. Например, при изучении грамматики можно использовать разные цвета, чтобы обозначать разные части речи – существительное, глагол, прилагательное и т. д. Это эффективно и просто. Точно так же, в языковых курсах, которые я пишу для своего сайта, новые слова записываются буквами разного размера, что придает каждому слову уникальный вид. Редко встречающиеся буквы (например, *q*, *w*, *x* и *z*) написаны мелким шрифтом, буквы средней частоты (*b*, *c*, *f*, *h*) – стандартным размером, а часто встречающиеся (гласные и такие

согласные, как *l*, *r*, *s* и *t*) – самым крупным. Например, немецкое слово *zerquetschen* («раздавить») записывается как *zerquetschen*, французское слово *vieux* («старый») – как *vieux*, а испанское *conozco* («я знаю») – как *conozco*.

В том, что касается личной жизни, мои стремления очень просты: продолжать трудиться над отношениями с Нилом, развивать навыки общения и день за днем учиться на ошибках. Я также надеюсь, что стану еще ближе к семье и друзьям, и что благодаря этой книге они узнают и поймут меня чуточку лучше.

Я до сих пор помню, как однажды, еще подростком лежал на полу своей комнаты и смотрел в потолок. Я пытался вообразить себе вселенную, чтобы понять, что означает «всё». Я представлял, что путешествую за границы сущего и заглядываю за них, не зная, что там найду. В какой-то момент я почувствовал, что мне становится плохо, а сердце лихорадочно бьется в груди, потому что именно тогда я впервые осознал, что мысль и логика имеют пределы. Это напугало меня, и мне понадобилось немало времени, чтобы смириться с этим пониманием.

Многие удивляются, узнав, что я христианин. Людям кажется, что аутисту вера в Бога и духовность недоступны или, по крайней мере, доступны с трудом. Конечно, это правда, что синдром Аспергера вызывает у меня проблемы с эмпатией или абстрактным мышлением, но это не мешает мне задумываться о глубоких вопросах, касающихся жизни, смерти, любви и человеческих отношений. На самом деле, религия и духовные убеждения помогают многим людям с аутизмом. Например, в религиях большое внимание уделяется ритуалам, и это полезно для людей с РАС, которым нужна стабильность и постоянство. В одной из глав своей автобиографии под названием «Лестница в небо: религия и вера»²⁹, Темпл Грандин – аутист, писательница и профессор животноводческих наук – описывает свое понимание Бога как упорядочивающей силы вселенной. Грандин долгое время занималась вопросами работы скотообоев и создания гуманных условий для домашнего скота. Именно тогда у нее возникло чувство, что в смерти есть нечто сакральное, и именно это стало почвой для ее религиозных убеждений.

Как и в случае многих людей с аутизмом, моя религиозность имеет скорее интеллектуальную основу, чем социальную или эмоциональную. Когда я учился в школе, меня не интересовало религиоведение. Я не думал, что Бог существует или что религия может как-то помочь людям. Дело в том, что Бог не был для меня чем-то, что я мог увидеть, услышать или почувствовать, а доводы в пользу религии, которые я читал и слышал, казались мне бессмысленными. Поворотный момент настал, когда я наткнулся на работы Г. К. Честертона, английского писателя и журналиста начала 20 века, который много писал о своих христианских воззрениях.

Честертон был выдающимся человеком. В школе учителя говорили, что он «витают в облаках» и «не от мира сего», а будучи подростком, он с друзьями организовал дискуссионный клуб, где готов был часами обсуждать какую-либо идею. Однажды он и его брат Сесил

---

29 Temple Grandin, “Stairway to Heaven: Religion and Belief”.

спорили в течение восемнадцати часов тринадцати минут. Он мог по памяти цитировать целые главы из Диккенса и других авторов и помнил сюжет всех 10 000 тысяч романов, которые рецензировал, пока работал в издательстве. Его секретари говорили, что он мог диктовать вслух одно эссе и одновременно писать на бумаге другое, уже на иную тему. При этом он легко мог заблудиться на улице, будучи всецело поглощен своими мыслями. Иногда ему приходилось писать телеграмму жене, чтобы она нашла его и помогла дойти домой. Он испытывал восхищение перед самыми обыденными вещами и в одном из писем жене писал следующее: «Не думаю, что кто-либо еще находит такое удовольствие в сути вещей, как я. Восхитительная мокрость воды, огненность огня, стальность стали и неопишуемая грязность грязи – все это приводит меня в полный восторг». Возможно, Честертон тоже был высокофункциональным аутистом. По крайней мере, читая о его мыслях и переживаниях, я всегда ощущал с ним родство.

Книги Честертона, которые я читал в подростковом возрасте, помогли мне прийти к интеллектуальному пониманию Бога и христианства. Идея Божественной Троицы, объединенной отношениями живой любви, была тем, что я мог себе представить, и тем, что имело для меня смысл. Также меня восхищала мысль о Боговоплощении – о том, что Бог явил себя миру в физической форме Иисуса Христа. Но даже при этом, лишь в 23 года я решил записаться на курсы при местной церкви, направленные на изучение основ христианства. Каждую неделю я приходил на собрание и засыпал вопросами членов своей группы. Меня не интересовали молитвы или духовные переживания других – я хотел лишь получить ответы на свои вопросы. К счастью, Честертон ответил на каждый из них в своих книгах. На Рождество 2002 года я стал христианином.

Аутизм иногда мешает мне понимать, что думают или чувствуют другие люди в какой-либо ситуации. По этой причине, мои моральные ценности в большей степени основаны не на способности «поставить себя на место другого», а на идеях, которые для меня логичны, понятны и были мной тщательно обдуманы. Я знаю, что должен относиться к каждому человеку с добром и уважением, потому что верю, что каждый человек уникален и создан по образу Божию.

Я довольно редко посещаю церковь, потому что иногда мне становится тяжело от скопления людей вокруг. Однако, в те немногие разы, когда я находился внутри храма, мне было интересно, и я остался под большим впечатлением. Архитектура церквей зачастую сложна и красива, и мне очень нравится ощущение свободного пространства над головой, когда я смотрю на высокие потолки. В детстве я любил слушать, как поются гимны. Музыка действительно помогает мне переживать чувства, которые можно назвать религиозными – чувства единения и возвышенности. Моя любимая песня – «Аве Мария». Каждый раз, когда я ее слышу, меня словно обволакивает потоком музыки.

Я очень люблю библейские истории, например, историю Давида и Голиафа. Во многих из них используется символический и образный язык, который я могу представить в ярких картинках, и это помогает мне понять повествование. В Библии много красивых и вдохновляющих фрагментов, но особенно мне нравится один из Первого послания к Коринфянам: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не

завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает. А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь, но любовь из них больше».

Говорят, что у всех время от времени бывают идеальные моменты, когда можно испытать ощущение полного покоя и единения – например, когда стоишь на вершине Эйфелевой башни или смотришь на падающую звезду в ночном небе. У меня не много таких моментов, но Нил говорит, что так и должно быть, потому что именно редкость делает их такими особенными. Самый недавний случился в один из выходных прошлым летом, когда я был дома (эти моменты часто происходят, когда я дома). Мы с Нилом только что поужинали тем, что я приготовил, и сидели вместе в гостиной. Внезапно я испытал некое чувство забытья, словно на короткий, но очень ясный миг все мои тревоги и проблемы исчезли. Я повернулся к Нилу и спросил, не ощутил ли он то же самое, и он ответил «да».

Я представляю эти мгновения как фрагменты или осколки, рассеянные по всей жизни. Если бы человек мог собрать их и соединить все вместе, у него получился бы идеальный час или даже идеальный день. И я думаю, в тот час или день он оказался бы ближе к разгадке того, что значит быть человеком. Это все равно что на мгновение заглянуть в рай.